

Крушение Черного "барона"

Крушение Черного "барона"

Сборник очерков
и рассказов
о деятельности
владимирских
чекистов

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

67.99(2) 1
К84

Составитель **А. И. Шибает**

Авторы:

А. С. СТРЕКАЛОВ, В. М. ПОЛЕТОВ, П. А. ЛЕГАЕВ,
Е. С. ТЕРЕХОВ, В. И. ШЕВЧЕНКО, А. И. ШИБАЕВ,
А. Ф. КОЛЬТЕЕВ

Литературная обработка

А. П. Василевского, Н. И. Демьянова, Н. А. Павлова

К $\frac{1304050000-62}{M139-(03)-87}$ 62—87

67.99(2)116.2

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1987,

НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Чекист — профессия особая... От чекиста требуется высокая идейная убежденность, непоколебимая преданность делу партии, готовность отдать ему все свои силы, а если потребуется, то и саму жизнь.

Ю. В. Андропов

Эти высокие моральные качества чекистов формировались и оттачивались в борьбе с врагами Советской власти с первых дней ее существования. Образцом для чекистов, примером для подражания был и остается Феликс Эдмундович Дзержинский. Именно ему, страстному большевику, верному ленинцу, партия поручила возглавить орган борьбы с контрреволюцией и саботажем — Всероссийскую чрезвычайную комиссию.

В конце декабря 1917 года ВЧК обратилась ко всем Советам с призывом немедленно приступить к организации на местах Чрезвычайных комиссий для борьбы с контрреволюцией.

В июле 1918 года создается Владимирская губЧК. Первым председателем ее был Леонид Григорьевич Исаев, уроженец Гороховецкого уезда Владимирской губернии, член партии с 1917 года, рабочий, прошедший закалку в рядах Красной Армии. Под его руководством была проведена не одна смелая операция по ликвидации контрреволюционных заговоров, мятежей и восстаний на территории губернии. Исаев участвовал в разоблачении и ликвидации контрреволюционной подпольной организации «Владимирский офицерский батальон», намеревавшейся захватить в городе власть, расправиться с партийным и советским активом, склонить на свою сторону 1-й добровольческий Владимирский полк Красной Армии.

Тревожное положение создавалось и в уездах губернии. Правые эсеры, готовясь нанести предательский удар в спину Советам, вели подстрекательскую деятельность среди кулацких элементов, провоцировали мятежи и акты саботажа.

Волнения, массовые беспорядки захватывали и остальные слои среднего крестьянства, а в ряде случаев и несознательную часть рабочих.

В конце июля 1918 года вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж в Меленковском уезде. С особой остротой в тот период вели чекистские органы борьбу с вооруженными бандами, которые дезорганизовывали нормальную работу и жизнь тыла.

С первых дней Владимирская ЧК работала под непосредственным руководством и контролем губернского РКП(б). Каждый раз, в связи с осложнением политической обстановки в губернии, когда необходимо было укрепить органы Владимирской ЧК, Всероссийская чрезвычайная комиссия, губком РКП(б) и губисполком Совета посылали на работу в ЧК лучших своих коммунистов, активных борцов за власть Советов.

Мы с благодарностью вспоминаем первых владимирских чекистов — Леонида Исаева, Яна Крумина, Алексея Евстафьева, Павла Смелова, Тимофея Павловского и других, кто, не щадя собственной жизни, вступал в схватку с контрреволюционерами, срывал их коварные замыслы.

Неоценимую помощь в решении задач, поставленных перед местными Советами, оказывали владимирские чекисты в годы восстановления народного хозяйства, индустриализации промышленности и коллективизации села. Они своевременно пресекали попытки враждебных элементов нанести ущерб стране путем вредительства и диверсий, поджогов и совершения террористических актов.

Беспощадно карая контрреволюционеров и бандитов, саботажников и спекулянтов, вредителей и террористов, чекисты в то же время очень внимательно разбирались со всеми, кто в силу заблуждений, непонимания политики Советской власти, а также в силу неграмотности оказывался в одной компании с убежденными врагами Республики Советов.

Ярким примером такого классового подхода при решении вопроса о наказании служит отношение владимирских чекистов к участникам Юрьев-Польского ку-

лацко-эсеровского вооруженного мятежа 1919 года. Подавляющее большинство мятежников—бедные крестьяне и середняки, вовлеченные в поход на Юрьев-Польский обманным путем или под страхом смертельной расправы, — от всякого наказания были освобождены.

Бехи деятельности чекистов Владимирщины неотделимы от славных страниц истории нашей Родины.

Суровым испытанием для советского народа явилась Великая Отечественная война. Вместе со всей страной и ее вооруженными силами активную борьбу с фашистскими захватчиками вели и органы государственной безопасности, которые внесли свой достойный вклад в разгром гитлеровской Германии.

Перед чекистами была поставлена задача сосредоточить все силы и средства на борьбе с разведкой противника, ограждении наших войск и тыла от шпионов, диверсантов и террористов. Чекисты Владимирщины, осуществляя свою деятельность в условиях ближнего тыла театра военных действий, достойно выполнили поставленные партией и Советским правительством задачи.

Как ни ухищрялся враг, его агентуре не удалось нанести ущерба ни воинским тылам, ни коммуникациям, ни предприятиям, выпускающим продукцию для фронта, для Победы.

Беззаветную преданность социалистической Родине, высокую работоспособность и профессиональное мастерство в то тяжелое военное лихолетье проявили чекисты-ветераны: Николай Михайлович Макаров, Михаил Федорович Накаряков, Андрей Алексеевич Проников и другие, принимавшие участие в операциях по выявлению, поимке и разоблачению вражеских разведчиков-парашютистов и агентуры спецслужб фашистской Германии, за что были удостоены высшей награды органов госбезопасности — знака «Почетный сотрудник КГБ».

Владимирские чекисты не только сами боролись с агентурой противника, выявляли и обезвреживали различного рода предателей и немецко-фашистских пособников, которые по мере освобождения от оккупантов советской территории стремились осесть на жительство в тыловых районах, подальше от тех мест, где ими были совершены преступления, но и учили население распознавать агентов вражеских разведок.

Благодаря бдительности советских граждан чекистами области в 1944 году были выявлены и разоблачены агенты немецко-фашистской разведки Андронов и Соро-

кина, преступная деятельность которых была полностью доказана следственными органами. За военные годы сотрудниками Владимирского управления госбезопасности было разыскано, выявлено и привлечено к уголовной ответственности более двадцати агентов разведывательных и контрразведывательных органов фашистской Германии.

Одержав историческую Победу в Великой Отечественной войне, советский народ приступил к мирному созидательному труду.

В последние годы наши классовые противники взяли курс на подготовку к термоядерной войне, который сопровождается небывалыми по масштабам и агрессивности разведывательно-подрывными происками. Шпионаж и психологическая война, экономическая диверсия, экстремизм и терроризм — все брошено на осуществление общей стратегии империализма, цель которой, как они заявляют, состоит в «уничтожении социализма как общественно-политической системы».

На современном этапе против Советского Союза действует опытный и серьезный противник, обладающий квалифицированными кадрами разведчиков, солидной материально-технической и финансовой базой.

Следует отметить, что далеко не последнее место в разведывательных устремлениях западных спецслужб занимает Владимирская область, промышленный и научный потенциал которой остается предметом их повышенного интереса.

Не допустить осуществления подрывных акций противника, разоблачать его коварные происки — это сегодня весьма ответственная задача чекистов, решая которую, каждый свой шаг, каждое свое действие они соизмеряют с целями партии и государства, с интересами советского народа.

Выступая на XXVII съезде КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель КГБ СССР товарищ В. М. Чебриков указал: «Спецслужбы США, ряда других стран НАТО предпринимают настойчивые попытки компрометации внутренней и внешней политики СССР, осуществления экономических акций, направленных на подрыв советской экономики. Они рвутся к нашим политическим, военным, экономическим и научно-техническим секретам, стремятся проникнуть в государственные учреждения, на важные оборонные объекты и в научно-исследовательские институты. Используя расширение меж-

дународных связей, империалистические разведки ищут в нашем обществе социальных перерожденцев, политически незрелых людей, путем подкупа должностных лиц пытаются получить от них информацию, составляющую государственную или служебную тайну...»

Высокие морально-политические качества советских людей весьма и весьма ограничивают возможности империалистических разведок в приобретении агентов из числа советских граждан. Но вместе с тем иногда спецслужбам противника удается затянуть в свои сети отщепенцев из числа отдельных антисоветски настроенных элементов, политически неустойчивых или морально разложившихся лиц, склонных к стяжательству и паразитическому образу жизни. Шпионы, предатели, изменники Родины вызывают отвращение у советских людей. Важно своевременно их обезвредить, в этом долг и обязанность не только чекистов, но и трудящихся.

Нашу область, располагающую уникальными памятниками материальной культуры, постоянно посещают представители капиталистических стран. Но, как показывает практика, не все иностранные гости, пребывая на нашей территории, преследуют цель ознакомления с творениями зодчих прошлого. Некоторые из них пытаются использовать свой приезд для сбора разведывательной информации и проведения других подрывных акций.

Одной из острейших форм подрывной деятельности на современном этапе является идеологическая диверсия, которой противник придает все более экстремистские формы и методы, расширяет ее масштабы.

Особое значение идеологические диверсанты придают враждебной обработке нашей молодежи. Используя специфические приемы и методы, они стремятся внедрить в ее сознание западный образ мышления, делают попытки привить ей чуждые коммунистической нравственности взгляды: аполитичность, цинизм, стяжательство, культ насилия и т. п.

Свою главную цель чекисты видят в том, чтобы оградить советских людей от враждебного воздействия нашего противника, сохранить для общества каждого, кто случайно попал под их влияние.

Миссией высокого гуманизма является предупредительно-воспитательная работа чекистов по оказанию своевременной помощи заблуждающимся лицам, заинтересованное, доброжелательное отношение к судьбе каждого из них.

В современных условиях XXVII съездом КПСС поставлены перед советским народом большие и сложные задачи, направленные на достижение нового качественного состояния социалистического общества на основе ускорения социально-экономического развития. Наше государство далеко продвинулось в своем развитии, добились огромных сдвигов в экономике, культуре, социальной области, воспитании поколения созидателей нового общества. Разумеется, что наши успехи не нравятся нашим классовым противникам. В своих попытках добиться социального реванша они действуют широким фронтом.

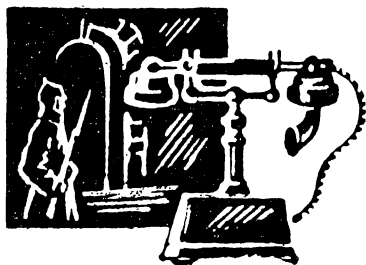
«В условиях наращивания подрывных устремлений империализма против СССР и других социалистических стран значительно возрастает ответственность органов государственной безопасности, которые призваны проявлять высочайшую бдительность, своевременно разоблачать и решительно пресекать любые попытки подорвать или ослабить наш государственный и общественный строй», — записано в Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС.

Задачи, вытекающие из решений XXVII съезда КПСС по дальнейшему укреплению экономического и оборонного могущества, совершенствованию идеологической, массово-политической работы партии, обязывают нас постоянно повышать ответственность за порученное дело. Под руководством областной партийной организации в неразрывной связи с трудящимися владимирские чекисты надежно обеспечивают охрану мирного созидательного труда советских людей, свято берегут традиции, заложенные рыцарем революции Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и первыми чекистами.

В предлагаемом сборнике опубликованы очерки и рассказы, написанные на фактическом материале сотрудников Управления КГБ и ветеранами чекистами.

Главная цель сборника — рассказать о повседневной, напряженной работе владимирских чекистов, о том, как в своей деятельности они опираются на широкие массы трудящихся, ради мирного созидательного труда и жизни которых они несут свою сложную и ответственную службу.

*Генерал-майор А. С. СТРЕКАЛОВ,
начальник Управления КГБ СССР
по Владимирской области*

ОНИ ИЗ ВЛАДИМИРСКОЙ ЧК

ПРОИСКИ КОНТРЫ

Лето 1918 года. Город Владимир на Клязьме. Под мрачными сводами Рождественского монастыря появились новые хозяева. Об этом известили красные флаги, закрепленные на башнях, у ворот встал часовой.

Никогда раньше здесь не было так шумно. То в одном, то в другом конце двора раздавались отрывистые команды, громко ржали строевые кони. В кельях началась напряженная, беспокойная работа первых владимирских чекистов.

... Положив голову на стол, дремал Николай Рагозин. Выбраться бы домой да хоть раз выспаться за недельку как следует. Маму повидать. Вот собирался сегодня, и снова не хватило времени...

Резкий звонок заставил Николая подскочить.

— Да-да, я. Слушаю вас, товарищ Лешко!

Он прибавил в лампе фитиль, по привычке взял карандаш и подвинул к себе лист бумаги.

Карандаш бегал по листу, оставляя торопливые строчки:

— Командир пулеметной команды Катов? Знаю. Та-а-ак! Втягивают в заговор? Минутку, минутку, товарищ Лешко. Где он сейчас? Отправили домой? Зачем?! Ну, хорошо. Знаю, знаю, где живет.

Некоторое время он продолжал сосредоточенно смотреть на исписанный лист. Услышав стук двери, оглянулся и увидел стоявшего у порога парня.

— Николай? Ты ко мне? Проходи.

— Вот паек комендант прислал. — Тоший сверток был перетянут бечевкой.

— Спасибо, — улыбнулся Рагозин.

Этот парень работал здесь всего неделю. Приехал по направлению Судогодского военкомата, новичок, держался пока робко.

— Ты сейчас чем-нибудь занят? — спросил Рагозин, собирая бумаги.

Николай отрицательно мотнул головой.

— Тогда подожди-ка меня здесь...

Последние слова он проговорил уже у двери:

— Нужно срочно идти к Евстафьеву.

— Разрешите, Алексей Иванович?

Евстафьев оторвался от чтения. Рагозин прошел по огромному залу, сел в старинное кресло у стола.

— Вот что у меня, Алексей Иванович... Вам известно что-нибудь о «Владимирском офицерском батальоне»?

— «Офицерский батальон»? А что это такое?

— По-видимому, какая-то контрреволюционная организация. Сейчас звонил Лешко. К нему приходил командир пулеметной команды, некто Катов. Он заявил, что ему предлагали вступить в этот батальон. Заговорщики в ближайшее время якобы намереваются свергнуть в городе Советскую власть. Катов больше ничего не сказал, он был очень взволнован. Лешко его успокоил и отправил домой. Сказал ему, что мы скоро приедем, пусть ждет нас.

— Та-а-ак,—затянулся крепчайшим самосадом Алексей Иванович. — А ты Катова знаешь?

— Знаю, и давно... Кадровый офицер. Он несколько раз к отцу приходил. По-моему, человек порядочный.

— Что будем делать?

— Сюда привезу, а там увидим.

— Добро. Только без шума, чтобы никто ни-ни. А в доме его не худо было бы засаду оставить...

Рагозин вернулся в кабинет. Николай ждал его.

— Знаешь, друг, придется нам с тобой поехать не очень далеко...

Короткая летняя ночь гасила фонари. Улицы были серы и безлюдны. В этот близкий к рассвету час город словно берег последние мгновения сна. Пара вороных за воротами монастыря рассыпала дробь копыт. Обогнув Золотые ворота, бричка помчалась по Большой улице к Студеной горе. На передке легкой щеголеватой брички сидел красноармеец из батальона охраны ЧК, сзади — Рагозин и Николай.

Лошади завернули за угол Мальцовского училища и остановились. Дальше чекисты пошли пешком. ДЕРЕ-

вянный домик, спрятавшийся в густых зарослях старого сада, стоял на отшибе.

Рагозин толкнул калитку—она легко подалась. Входная дверь почему-то была открыта. Вошли в крохотную переднюю. И из нее—дверь настежь. Заглянули в одну комнату—никого. В другую... На ковре в луже крови лежал человек.. Чуть поодаль валялся маленький вороненый браунинг.

— Катов, — сказал Рагозин.

— Вот гад! Сдрейфил перед ЧК и застрелился, — отозвался Николай.

— Ну, это еще следует доказать. Никогда не спеши с выводами. — Рагозин внимательно разглядывал труп. — Сейчас бы сюда медэксперта да криминалиста опытного. Да где их взять... Постой, постой! Один мой знакомый врач... Ты, Николай, оставайся и жди меня.

Скорее к Евстафьеву! Бричка проделала обратный путь на предельной скорости.

— Ничего себе история! — вздохнул Евстафьев, выслушав доклад Рагозина.

Он расхаживал по кабинету, попыхивая «козьей ножкой».

— Рассчитаться с Советской властью... Ты, Николай, понимаешь, куда они гнут?

— Думаю, что да, — ответил Рагозин. — В Мурманске уже англичане, японцы — во Владивостоке, а эти, русская контрреволюция, — здесь, у самой столицы.

— Надо принимать меры... На гарнизонные подразделения рассчитывать нельзя: контра вербует их командиров. Наш батальон не в счет: на хороший взвод людей не наберешь. Других силенок в городе нет... Придется в Москву докладывать. Может, подошлют стрелков... — Евстафьев не договорил: дверь отворилась, на пороге появился Николай.

— Что случилось? — вскочил Рагозин. — Почему ты ушел? Я же приказывал дожидаться меня там.

— Вскоре, как вы ушли, я услышал шорох в сенях. — Губы у Николая еще тряслись — никак не мог прийти в себя от страха. — Я туда, гляжу: какой-то тип. И наутек от меня, в сад. Все обшарил я — никого. Вернулся в дом, а покойника нет... Вот я и сюда...

Рагозину хотелось кричать от досады, но он сдержался:

— Тоже мне чекист. Из-под самого носа труп украли. А с уликами теперь как?

— Вот что, Николай, — сказал Евстафьев. — Иди к себе в отдел и расскажи все, как было. Кто нарушает революционную дисциплину, тот помогает врагу. Пусть случившееся послужит тебе уроком — первым и последним. — Он повернулся к Рагозину: — А ты готовь телеграмму в ВЧК. Как вернусь из губкома, тут же ее и отправим.

ЗАГОВОРЩИКИ

Товарищи! В Москве раскрыт заговор белогвардейцев, которые хотели из пулеметов и пушек обстрелять Кремль. Будьте бдительны! Следите за всеми проходимцами у себя на местах...

Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Владимирской губернии, 1918, 28 августа

Вечерняя служба в кладбищенской церкви подходила к концу. Низенький, невзрачный на вид дьякон, добросовестно окурив «святым» благовонием потускневший иконостас и редкие ряды прихожан, собрался покинуть амвон. Перед тем как уйти, он еще раз бросил взгляд в сторону главного входа. Увидев там мужчину в чесучовой паре, дьякон облегченно вздохнул и скрылся в алтаре.

Верующие покидали храм.

Под опустевшими сводами церквушки в разных местах, стоя на коленях, продолжали молиться несколько мужчин. Церковный староста, не обращая на них внимания, закрыл на засов входную дверь и двинулся в привычный обход: тушить свечи. Церквушка наполнилась запахом перегоревшего воска.

На амвоне вновь появился дьякон. Он осмотрелся кругом, убеждаясь, что нет никого посторонних, и пробасил:

— Господа, прошу всех в алтарь...

Последним проследовал туда бывший полковник царской армии Прокопович, респектабельный мужчина, появившийся в конце службы.

— Господа офицеры! — обратился он к собравшимся. — Мы были вынуждены пригласить вас на экстренное совещание в связи с чрезвычайными обстоятельствами.

Назначенное в ночь на послезавтра вооруженное восстание отменяется!

Все недоуменно переглянулись.

— Предлагается, — Прокопович повысил голос, — сегодня же, как только разойдемся, немедленно оповестить через связных свои «пятерки» об отмене сбора в Марьиной роще. До особого сигнала...

— Да в чем дело?

— Объясните причины...

— Ничего не понимаю!

Прокопович повернулся в сторону молодого человека с надменным выражением лица, сказал:

— Блестящая работа Василия Николаевича Рагозина. Ему и слово.

Тот, на кого он указал, стоял, прислонясь к стене. Будто впервые видя сообщников, он ощупывал каждого холодным взглядом. Минуту-другую помолчал. Наконец заговорил. Слова звучали резко, чувствовалось, что этот человек не терпит возражений:

— О наших планах по свержению власти во Владимире стало известно в Чека..

— Как! — не выдержал кто-то.

— Подпоручик Балашов, — продолжал оратор, — решил привлечь в свою «пятерку» красного командира Катова.

Худой высокий блондин еще плотней прижался к стене. Говоривший жестко смотрел ему в глаза.

— А дальше произошло то, что и следовало ожидать. О предложении Балашова стало известно военкому и... за монастырской стеной. Пока удалось избежать провала — Катова больше нет. Но чекисты насторожились. В город прибыли латышские стрелки.

— Достоверны ли эти сведения?

— Может, провокация?..

Прокопович поспешил заверить: сведения абсолютно точные. Он хотел даже кое-что уточнить, но Рагозин перебил его довольно бесцеремонно, предложил закрыть совещание, так как длительное пребывание людей в церкви после службы может навлечь подозрения.

Прокопович был обескуражен грубостью Василия Николаевича. Он отступил в тень и еле слышно объявил:

— Господа, я вынужден временно покинуть Владимир... До моего возвращения возглавлять «батальон» поручено подполковнику Малиновскому.

Прокопович сделал жест в сторону грузного лысого старика, который небрежно поклонился. Прокопович закончил:

— Итак, прощайте, господа! До лучших времен. Будем расходиться по одному, сейчас главное — конспирация...

«Шут гороховый», — подумал Рагозин, а вслух заметил:

— Вот именно, конспирация! Многие из нас недооценивают чекистов. А зря. Конечно, кадетских корпусов и военных академий они не кончали, опыта в разведке не имеют. Но, — он снова пронзил взглядом Балашова, — кое-чему они успели обучиться. Не забывайте об этом, господа, если хотите сберечь свои шкуры.

— Ну, вы несколько преувеличиваете силы Чека, уважаемый Василий Николаевич, — снисходительно улыбнулся сидящий брюнет с безупречной выправкой кадрового офицера. — Не так страшен черт...

— Нисколько, уважаемый гражданин Тихомиров, — заметил Рагозин. — С конспирацией у нас нелады. К примеру, зачем вы, занимающий ответственный пост у большевиков, шастаете по божьим храмам? Об отмене выступления вы знали, «пятерок» у вас нет... — Рагозин повысил голос: — Что же вы приперлись сюда?

— Позвольте!

— Не позволю!

— Господа, господа, — примирительно проворковал Прокопович. — Перестаньте. — Он придержал Рагозина, пытавшегося еще что-то сказать, но тот выдернул руку и полез за портсигаром.

Кто-то не удержался:

— Курить в алтаре?

— А, черт! — Рагозин метнул злой взгляд на говорящего и пошел к выходу.

Его догнал Прокопович. Несколько шагов они прошли молча, затем Прокопович заговорил:

— Ах, Василий Николаевич! Зачем так горячиться? И эта грубость... Право же, она вас не украшает. Я виноват, понимаю, чуть не сболтнул о Николае...

— Да замолчите вы! — опять взорвался Рагозин.

— Ну, молчу, молчу. Только, ради бога, не волнуйтесь, дорогуша. Ей-ей! Меня очень беспокоит, как вы тут будете без меня эти две-три недели?

— Бросьте притворяться! Мне-то хоть не лгите, я же вас насквозь вижу. Кроме собственной персоны, вас

никто и ничто не беспокоит. И не уезжаете вы, а бежите. Вот только неведомо мне: к англичанам или к япошкам?

— Боже! Да вы просто несносны! — воскликнул Прокопович.

— Уж каков есть! Честь имею. — Рагозин вскинул два пальца к фуражке и быстро пошел в сторону ворот...

Широкой аллеей старинного кладбища брели еще двое собеседников — Балашов и Тихомиров.

— Я-то, грешным делом, подозревал, что наш Василий Николаевич вполне может сболтнуть своему братцу-чекисту что-нибудь этакое, — говорил Балашов. — Вот и помалкивал о Катове. Однако сегодня...

— Что же сегодня? — полюбопытствовал Тихомиров.

— Сегодня мне здорово досталось от этого сумасбродного мальчишки. Стоило бы обидеться, а я ничуть. Наоборот, проникся к нему уважением. Подумать только, в Чека проник. Ловко!

Шаги были почти не слышны, казалось, темень глушила всякие звуки.

— В Рагозине я ошибся, признаю, — продолжал Балашов. — Смелый и, по всему виду, умница...

— Весь в убиенного братца Дмитрия, царство ему небесное. — Слова Тихомирова прозвучали проникновенно. — Знавал я этого офицера, — ох и свирепый же был командир, но храбр!

— Догадываетесь, о чем я сейчас подумал? А не от своего ли брата Ники выживает сведения Василий Николаевич?

— Вы полагаете?

— А откуда же такая точная информация? Ники у них не в рядовых чекистах ходит. И почему Василий Николаевич так бестактно прервал нашего начштаба?

— Не-ет, невозможно. Николая Рагозина иначе как владимирским Робеспьером не называют.

— Полноте, дорогой мой! — перебил Балашов. — А порода Ники? Зов крови — это, знаете ли, силица.

Тихомиров рассеянно слушал собеседника. Ведь он-то хорошо знал, кто снабжал «штаб» заговорщиков ценной информацией. И вдруг шевельнулась мысль: а не использовать ли «умозаключения» Балашова против Рагозина?

Додумать Тихомиров не успел. Сзади раздался хруст обломившейся ветки. Оба резко обернулись: в лабиринте могильных оград мелькнул силуэт женщины.

— Да вы не из храбрых, — невесело пошутил над спутником Тихомиров. — Не бойтесь: монахиня задержалась у могилки. Увидела двух бравых мужчин и струнула...

БРАТЬЯ РАГОЗИНЫ

Разлом в семье Рагозиных произошел не вдруг. Как льдина, давшая трещину, еще некоторое время не распадается на части, так и в доме Рагозиных, несмотря на участвовавшие между братьями ссоры, оставалась видимость семейного мира.

Они были такими разными: старший Дмитрий, средний Николай и младший Василий... Унаследовав от отца военную профессию, Дмитрий стал исправным офицером, верным царю и Отечеству.

Баловнем родных подрастал Василий. Как чаще всего случается с младшим, он был ласков и предупредителен, по-девчоночьи капризен. Завидовал мундиру старшего брата и представлял себя то в бою, то на параде — в зависимости от того, в какую ситуацию ставила его пылкая мальчишечья фантазия. Отец, подполковник, улыбался, слушая болтовню любимца. И иногда жалел, что нет этого ребячества в среднем сыне, серьезном, отчасти даже диковатом. Что ж, у Николая другие увлечения — постоянно он возится с птицами, кошками, собаками.

— Пусть мальчик занимается тем, что любит. Хватит в доме военных, — оправдывала мать сына.

Казалось, роли между братьями были распределены. А так как у каждого был свой круг друзей, то из-за чего бы возникать ссорам? Однако в особняке не все было так благополучно, как казалось с первого взгляда.

Начало разлада было положено в тот день, когда Николай и Василий, возвращаясь из гимназии, столкнулись на перекрестке с еще не старым слепым человеком.

Мужчина стоял, неуверенно протянув вперед палочку, и не решался ступить на мостовую. Голоса мальчиков привлекли его внимание. Он повернулся в их сторону и рукой задел Василия.

Тот отшатнулся в сторону.

— Помогите, мальчики, — сказал слепой. — Что-то никак не перейду...

Последние слова он произнес с улыбкой.

Николай взял слепого под руку. Василий, хихикнув, наблюдал, как они перешли мостовую, как слепой пожал мальчику руку выше кисти и о чем-то спросил его. Николай ответил. Они разговаривали, а Василий, которому надоело стоять, крикнул:

— Ну, пойдем же...

— Иди, я догоню сейчас, — махнул рукой брат.

Вечером Василий рассказывал в гостиной о том, как Николай переводил слепого через улицу. Паясничал, и мать, ласковая, добрая женщина, даже прикрикнула на него:

— Перестань, таких людей нужно жалеть.

— Почему же жалеть? — вдруг отозвался Николай. — Это солдат, он просто не знал дороги. Он мне сказал, что ослеп в японскую войну. Ему помочь надо...

— Подумаешь, — сказал Василий. — Может, он тебе врал, а ты и уши развесил! Калека он, а не солдат.

Николай покраснел. Ему было обидно за нового знакомого и противен весь этот разговор. Он хотел что-то сказать брату, но в разговор вступил Дмитрий.

— Ну, что вы ссоритесь, мальчики? Война всегда оставляет калек, да и убитых на войне немало. Ничего особенного. Помог калеке, ну и ладно. Хотя всех не пожалеешь...

Николай, ни на кого не глядя, вышел из гостиной.

— Строптив, — бросил ему вдогонку Дмитрий.

Может, именно эта сцена припомнится Николаю, когда он получит известие о гибели старшего брата? Может быть, вспомнил он спокойный голос и равнодушие, сквозившее в словах: «Война всегда оставляет калек, да и убитых на войне немало...» Он не поехал на похороны, не увидел, как торжественно продвигалась к кладбищу похоронная процессия, как перед катафалком вели белую кавалерийскую лошадь в черной попоне. Не часто с фронтов первой мировой войны привозили погибших, чтобы похоронить дома, — тело Дмитрия привезли. Он был верным своему долгу офицером, но слишком уж был предан старший брат той войне, которую возненавидел Николай.

С солдатом мальчик подружился. Он убегал к нему вечерами. В низком, неприглядном домике, неподалеку от железнодорожной станции, слушал рассказы про бои русских и японцев. И, странное дело, военная служба представлялась теперь Николаю совершенно не такой, как он привык думать о ней после отцовских рассказов.

Никогда не говорил отец о том, как наказывают солдат. Как офицер может избить солдата до потери сознания.

— Э, брат, служба — не мед, — говорил новый знакомый. — В походе и офицерам достается, но солдатская доля тяжелей намного. Это какой командир еще будет... Вот твой отец, он небось хороший?

— Хороший, — кивал головой Николай.

— Так и о каждом из них думаешь. Но одно дело дома, другое — на войне. Почему зря гибнут солдаты,

— Как это — почему зря? — переспросил мальчик. — За царя и Отечество гибнут...

— Да если бы за Отечество...

Солдат всегда разговаривал с мальчиком как со взрослым. Однажды он попросил Николая почитать ему вслух книжечку, принесенную знакомым.

— Только я хочу тебя вот о чем спросить: ты умеешь хранить тайну? — сказал он прежде, чем достал книжку.

— Конечно! — выпалил мальчик. Тайна! Уж у него ее никто не выведает.

— Я верю тебе, парень. Читай. Может, и сам что поймешь.

И Николай прочел о том, что война, которую царь вел с японцами, не нужна была народу. Слова волновали, они казались немыслимыми, но после рассказов солдата Николай чувствовал, что есть в тех словах правда.

С тех пор вечерние разговоры чередовались с чтением.

— Ты редко бываешь дома, — заметил как-то за ужином отец.

— Да у него дружок есть закадычный, — съехидничал Василий.

Николай метнул сердитый взгляд на брата. Тот смолк, но отец уже заинтересовался.

— Что за дружок? Скажи-ка.

— Один бывший солдат, — опять вставил Василий.

— Не тебя спрашивают, — прервал его отец. — Так ты у какого-то солдата бываешь, Николай?

— Никуда я не хожу. Просто гуляю по улице, весна ведь.

Объяснение, кажется, успокоило родителей. Но разговор возобновился, когда Николай снова задержался допоздна и, тихонько пробираясь к себе в комнату, столкнулся лицом к лицу с отцом.

— Иди спать. Поговорим утром.

— Так о чем вы разговаривали с солдатом? — за завтраком спросил отец.

— Так, обо всем. Про русско-японскую войну, например: он же ослеп на ней... О службе рассказывает. Разве неинтересно? — Николай понял, что отговариваться бессмысленно, что отцу от Василия многое известно, и решил вести беседу как можно равнодушнее.

— А про что ты рассказывал мальчишкам? Думаешь, не знаю? Ты говорил про какую-то революцию, плохо отзывался о царе, мне один из вашего класса все передал. — Василий, видимо, решил насолить брату и навлечь на него гнев отца.

— Неправда! Ты врешь, — крикнул Николай, вдруг испугавшись.

— Нет, правда! И это все твой солдат. Я знаю! — Василия словно кто-то подгонял: он говорил, что солдата нужно сдать в полицию, что таким место только в тюрьме.

— Ты с ума сошел! Ничего не знаешь, а выдумываешь! Что тебе плохого сделал этот человек? — Николай так волновался, что даже не слышал своего голоса. Как он ненавидел в эту минуту брата! Как боялся, что с солдатом может стрястись беда!

Спустя некоторое время после ссоры в столовой Рагозиных кто-то донес на слепого солдата. Николай узнал об этом от одного из друзей гимназии. Тот предупредил, что за домом солдата следят.

И хотя Николай не имел оснований считать Василия причастным к аресту слепого, он уже не мог относиться к брату по-прежнему, чувствовал в нем своего врага, и ни ласковость, ни его подлизывание не могли заставить Николая забыть их ссору. Прежде молчаливый, он еще больше замкнулся, много читал, допоздна просиживал за письменным столом. Это уже не была обида подростка. Вырабатывался характер юноши. Может быть, именно годы разногласий между братьями «слепили» такого Николая, которого запечатлел более поздний снимок: упрямые губы, резкий, исподлобья взгляд. Перед нами человек, имеющий свою точку зрения, волевой и, наверное, по характеру нелегкий.

Разрыв готовился годами, и, когда братьев уже ничто не связывало, они разошлись разными дорогами.

В то время Дмитрий был на фронте. Николай окончил гимназию и уехал учиться дальше. Василий ушел добровольцем на войну, стал офицером.

Но спустя время, уже после революции, братья вновь встретились в родительском доме. Два молодых человека с вполне укрепившимися взглядами на жизнь. Разными взглядами...

Василий делал вид, что его вовсе не интересуют дела Николая. Николай тоже не рвался к общению. Правда, не нравилось, что Василий завел каких-то подозрительных знакомых. Чем он занимался, чем жил — то было Николаю неизвестно. По разговорам матери лишь знал: дружки младшего брата — из бывших офицеров.

Ссора вспыхнула как-то за ужином.

— Что думаешь дальше делать? — спросил Николай брата, глядя ему в глаза.

— А тебя это очень волнует? — огрызнулся тот.

— Ну, не так чтобы очень, но хотел бы предупредить...

— О чем?

— Друзья твои не внушают доверия. А ты сразу среди них своим стал.

— За своими друзьями приглядывай! А мои — не твоя забота.

— Я предупредил, — сухо сказал Николай. — А там как знаешь.

— Еще неизвестно, кто кого предупреждать должен, — вспыхнул Василий. Вошла мать, и братья замолчали.

С того дня они не встречались. Николай ушел из дома, поселился на квартире вблизи от места работы. Теперь одна лишь ниточка связывала его с домом, с прошлым: телефон. Николай просил оставить аппарат для разговоров с матерью — единственным человеком из семьи Рагозиных, которого он продолжал нежно и крепко любить.

Пути братьев разошлись окончательно. Никому не рассказывал о конфликте Николай. Лишь иногда, вспоминая Василия, думал: «Образумится... Только бы не впутался в какую историю».

ЛЕОНИД ИСАЕВ

— Вот уже сколько на месте толчемся, — говорил Евстафьев, перекладывая папку на край стола. — Выйти бы на главарей, но пока — никак...

— А сообщение «монашки» о подслушанном на кладбище? — спросил его собеседник.

— Уж очень оно для проверки трудное. Темно было на кладбище, могла что-то и спутать...

Леонид Григорьевич Исаев, только что назначенный председателем губернской ЧК, принимал дела от своего заместителя — Алексея Ивановича Евстафьева. Несмотря на молодость — девятнадцать лет, — Исаев обладал достаточным жизненным опытом. С четырнадцати лет Леонид Григорьевич работал на заводе Михельсона. Борьба с врагами его учили в отряде замоскворецких красногвардейцев. Евстафьеву с самого начала он понравился: в дело входил не торопясь, задавал много вопросов, внимательно читал документы, дотошно спрашивал о сотрудниках.

— Анонимка... — протянул Исаев, знакомясь с очередным документом. — Что ты думаешь по этому поводу, Алексей Иванович?

— Не верю! Чтобы Рагозин — предатель? Не допускаю! — заволновался Евстафьев. — Преданный революции человек. Себя не щадит.

— А происхождение, связи?

— Да, он из офицерской семьи. И этого никогда не скрывал. Но с семьей связей не поддерживает. Кроме матери, вроде бы ни с кем не встречается. Нет, что-то тут не то...

— Может, враги специально подбросили, чтобы скомпрометировать?

— Я об этом думал. Хотел порвать ее, да есть тут у нас один, требует вынести анонимку на рассмотрение коллегии. Ты человек новый, поговори о Рагозине с людьми, мнение Крумина послушай — он старый подпольщик, у него на людей чутье отличное.

— Раз настаивают, придется говорить на коллегии. — И Леонид Григорьевич отложил в сторону бумагу.

А в это время ничего не подозревавший об анонимном письме Николай Рагозин был по другую сторону монастырской стены — на живописном холме, высоко поднимавшемся над рекой. С ним — Марина, недавно принятая на работу в Чека машинисткой.

Все свободные минуты Николай Рагозин стремился проводить с девушкой, чаще всего ходили они на холм или бродили по липовой аллее.

До революции в теплые вечера здесь всегда было оживленно, прогуливались молодые люди из «состоятельных» семейств. Ныне же среди обитателей города распол-

злись слухи об «ужасах» ЧК — и гуляющих почти не стало. Николаю и Марине никто не мешал.

Сегодня Марина была грустной и, как показалось Рагозину, чем-то встревоженной.

— Что с тобой? — спросил он ее, но девушка отмолчалась.

— Нет, ты определенно что-то скрываешь от меня, — с оттенком обиды сказал Николай.

— Нет-нет, — быстро проговорила Марина. — Ничего плохого не думай. Но... мне страшно за тебя, ой как страшно! Ведь кругом враги, и они знают тебя.

Николай улыбнулся: «И только-то». Вслух же сказал:

— Не надо бояться, Марина. У революции врагов немало, сразу с ними не покончишь...

— Но ты из их среды, а отступничества они не прощают...

Она не договорила. Вздогнула, услышав быстрые шаги за спиной. Рывком оглянулась. И в то же мгновение раздался выстрел. Охнул, схватившись за лицо, Николай. А стрелявший кинулся к склону и кубарем скатился вниз. Лишь мгновение видела его Марина.

Николай опомнился. Он выхватил наган, хотел было броситься за стрелявшим, но Марина удержала его — погоня была уже бесполезной.

Перед заседанием коллегии Леонид Григорьевич Исаев со своими ближайшими помощниками — Евстафьевым и Круминем — решил обменяться мнениями по делу «Владимирского офицерского батальона». Евстафьев, став заместителем Исаева, возглавил работу по борьбе с контрреволюцией.

Почти два месяца Евстафьев, Круминь и Рагозин расследовали загадочное убийство командира пулеметной команды Катова. Упорно продвигались они по едва заметным следам деятельности владимирских контрреволюционеров. И небезрезультатно. Некоторые сведения уже были в их руках. Но кто главари, по каким каналам идет связь заговорщиков, кто входит в «общество» — на эти вопросы чекисты еще не могли дать ответ.

Создавалось впечатление, что кто-то узнавал о действиях ЧК, о планах ее сотрудников, кто-то поставлял заговорщикам информацию из-за монастырских стен. Кто же? Об этом и нужно было поговорить на заседании коллегии.

— Нам предлагают арестовать известных нам заговорщиков, — рассуждал, поглядывая на членов коллегии,

Исаев. — Арестуем мелочь, а крупная-то рыба уйдет, и связи с ней уплывут... Вот что меня тревожит.

— Так, так, товарищ Леонид, — поддакнул Круминь. — Правильно говоришь...

— Правильно-то правильно, — вставил Евстафьев, — да ведь надо же что-то и предпринимать. Сидим, словно на пороховой бочке, а контра лезет во все щели... Враг среди нас находится!

— Но кто же, кто? — раздражаясь, перебил его Исаев. — Ты знаешь? То-то, молчишь. — И продолжал спокойнее: — Пока у нас одни подозрения, обстановка в Чека нервозная. Кто-то слушок пустил, кто-то анонимку подбросил. Мы вот об этой анонимке и говорить-то не хотели, но... настаивают на разбирательстве. Пришлось ознакомить с нею членов коллегии.

— Ну и обсудим все спокойно, — завершил разговор Евстафьев. — Пора на заседание!

Второй час шло заседание губернской Чрезвычайной комиссии, а до основных вопросов все не могли добраться.

— Что, Миша, следующее там у тебя? — спросил Исаев у секретаря комиссии Каширина.

— Доклад коменданта.

— Давай, товарищ Мокеев, — обратился Леонид Григорьевич к коренастому парню, сидевшему в дальнем углу стола.

— Плохи дела с кормежкой, — поднимаясь, начал комендант. — Сотрудники голодают, а у нас на складе реквизированные у буржуев и спекулянтов продукты. Надо бы взять немного для поддержания товарищей.

— Насчет взять — ты это брось! — резко ответил Исаев. — Все, что конфисковано, принадлежит Советской власти. Самовольно ничего не имеем права брать.

— Да ведь ребята голодают... — извиняющимся тоном возразил комендант.

— Правда, чекисты истощены: и от изнурительной работы, и от недоедания, — продолжал Исаев. — И поддерживать их продуктами необходимо... Вот что, обратимся с этим вопросом в губком партии. Попросим выделить нам малость из реквизированных продуктов. Верно? Кто за это, товарищи? Единогласно... Что дальше?

Протерев очки, Каширин поднес их к глазам, взглянул в бумагу, ответил:

— Вопрос об учебе. Докладывает товарищ Евстафьев.

Исаев кивнул.

— Говорить сейчас об учебе трудно, но надо, — начал Алексей Иванович. — Враги меняют тактику, и, если не научимся распознавать контру, не одолеем ее. В Москве по-иному начали вести борьбу с врагами, и нас хотят научить. На днях оттуда приедут товарищи Уралов и Артузов. Вот и учеба. Спасибо им, что время для нас выбрали. Хотя у них свободных минут еще меньше. У меня все.

— Вопросы к Алексею Ивановичу есть? — спросил Исаев, обводя глазами лица присутствующих. — Нет. Тогда и с этим покончено. Кроме членов коллегии — все свободны. Товарища Рагозина прошу остаться.

В кабинете зашуршали самокрутками. Вверх потянулся дым крепчайшего самосада.

— Заявление товарища Круминя, — начал читать Каширин, но его перебил Исаев:

— Подожди, Миша. Пусть Карл Янович сам расскажет... Выкладывай свою заботу, товарищ Круминь.

Резко отодвинув стул, Круминь встал. Чувствовалось, что он долго готовился к этой минуте, но сильно волновался и говорил с паузами.

— Считаю, у меня нет никакого морального права быть начальником следствия... Я беспартийный... Раньше примыкал к анархистам, но всегда был революционер... Теперь такой пост в Чека должен занимать большевик... Так считаю...

Евстафьев жестом остановил его:

— Да нам все это известно, Карл Янович. — Он глянул в сторону членов коллегии: — Круминь немало посидел в тюрьме за свою борьбу с царизмом. И хотя в партии он не состоит, я ручаюсь за него. Предлагаю оставить Круминя в прежней должности...

Исаев одобрительно кивнул головой:

— Присоединяюсь к предложению Алексея Ивановича. А заявление Круминя примем к сведению. Оно лишь подтверждает его принципиальность и честность перед партией. Кто за предложение Евстафьева? Против? Нет. Тебе, Карл Янович, пора и организационно связывать себя с большевиками. Хватит вспоминать об анархистах.

Круминь согласно кивнул головой. А Исаев продолжал:

— Ну вот, теперь надо покончить с одной историей, и перейдем к оперативным вопросам. На днях нам подбросили анонимку. Содержание ее вам знакомо.

Последние слова председателя были встречены настороженной тишиной. Одни опустили головы, другие отвернулись, тем самым как бы отмежевываясь от участия в этом неприглядном деле.

Исаев поднял лист бумаги:

— Вот эта писулька. Здесь обвиняется в предательстве товарищ Рагозин. Мое мнение — это гнусная клевета. Николай Николаевич порвал со своим классом еще до революции, а теперь беспощадно расправляется с врагами Советской власти. Думаю, на этом и покончим с разбирательством...

— А у меня есть к Рагозину три вопроса, — отозвался один из членов коллегии. — Первый: с кем из родственников встречаешься?

Рагозин, сохраняя спокойствие, подошел к столу.

— Встречаюсь с матерью. Правда, видимся редко. Чаще говорим с ней по телефону. Поэтому и просил остаться в ее доме аппарат...

— Да, было именно так, — подтвердил эти слова Евстафьев.

— Вопрос второй, — продолжал член коллегии. — Что делает твой брат, встречаешься ли с ним?

— Я же сказал, что, кроме матери, ни с кем не вижу, — вспылil Николай. Потом взял себя в руки: — Я предупредил брата давно, когда видел его в последний раз: если в чем будет замешан — пусть не ждет пощады.

Рагозину не успели задать третий вопрос. Круминь, стукнув кулаком по столу, прервал этот разговор:

— Мне претит это разбирательство! Что касается жизни Рагозина — я отвечу на все вопросы. Контрреволюция стремится очернить нашего товарища, выбить оружие, которым он разит врагов так метко...

На этом выступление Карла Яновича и оборвалось. Со всех сторон слышались возгласы, заглушившие его слова:

— Правильно!

— Рагозину верим!

— Спокойней, спокойней! — забарабанил какой-то железкой председатель. Глаза Исаева подобрели: он был доволен реакцией сотрудников. Коснулся плеча Рагозина и как ни в чем не бывало сказал: — Садись-ка, Николай. Сейчас займемся «офицерским батальоном»...

Телефонный звонок зазвучал настойчиво и резко.

Исаев взял трубку. Спустя минуту положил ее на рычаг и обратился к членам коллегии:

— Возникли новые обстоятельства — мне нужно ненадолго отлучиться. Перекурите пока.

И, подтянув ремень, он вышел...

ГОВОРИЛИ ПО ТЕЛЕФОНУ ЧК...

Товарищи! Довольно быть безучастными зрителями последних событий. Каждый сознательный коммунист, каждый сознательный работник должен приложить все силы... для оказания помощи Советской власти в момент борьбы с контрреволюцией...

Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Владимирской губернии, 1918, 8 августа

Ночная смена выдалась спокойной. Телефонистки, приспустив наушники, переговаривались. Уже не раз были перебраны «четки» городских новостей: наряды, кинематограф, дружок, который расстроил вчерашнее свидание.

Настойчивый сигнал вызова привлек внимание одной из телефонисток.

— Да, соединяю...

Чаще других в такое время выходили на связь номера, принадлежащие губернской ЧК. Анна, соединив абонента с требуемым номером, замешкалась, и так уж получилось, что подслушала...

То, что услышала, было ошеломляюще. Анна старалась не выдать подругам своего интереса. По ее безучастному лицу не догадаешься, что услышанная новость завладеет всеми ее мыслями, что новость эта будет требовать от Анны решительного действия.

Разговор окончился. Анна разъединила собеседников и вдруг почувствовала, что пропала сонливость.

Принимать решения в острый момент Анна научилась рано. Тогда, когда осталась в семье за старшую: проводив отца на войну, выхаживала больную мать. Малышей — четверых братишек и сестренку — нужно было и накормить, и хоть малость одеть. Анна знала, что такое беда...

Отец погиб, так и не дожив до революции. Мать, хоть и была слаба, встала на ноги. Зажилось легче. А потом Анна переехала во Владимир, поступила на те-

лефонную станцию. Работая здесь, имела возможность даже помогать семье.

То, что она услышала из разговора, было враждебно власти, рожденной революцией. Понимала ли это молодая телефонистка? Да. Теперь она знала: в городе есть заговорщики. Они против Советов, против большевиков. А большевиком был и ее муж.

Рослого, широкоплечего солдата Анна встретила здесь, в городе. Они полюбили друг друга и, хотя солдат наотрез отказался венчаться в церкви, стали мужем и женой.

Василий, как всегда после ночной смены, встретил Анну у подъезда телефонной станции.

— Ты что-то беспокойная, — сказал Василий.

— Устала.

Он взял ее под руку. Женщина доверчиво прижалась к мужу.

— Слушай, да что с тобой?.. — остановился Василий. Такой растерянной он ее еще не видел.

— Пойдем, пойдем домой, — словно очнувшись, заторопилась Анна. — Я расскажу, только быстрее...

Дома, выслушав рассказ жены, Василий тоже заволновался.

— Вот что, — сказал он наконец, — надо непременно сообщить в Чека.

У Анны перехватило дыхание:

— Я же главное не успела сказать! Один из них говорил с телефона Чека!

— Так-так-так! — изумился Василий.

— И я знаю, чей это номер, ведь не первый день работаю.

Василий задумался. Но вдруг его осенило:

— Слушай, мы пойдем в Чека и скажем только самому главному начальнику. Я знаю... на конференции голосовал за него.

На том и порешили.

— Вы хотели видеть начальника, — сказал Леонид Григорьевич. — Я председатель губчека...

— Солдат 1-го добровольческого Владимирского полка Василий Виноградов, — одним духом выпалил Василий. — А это моя гражданская жена Анна Ивановна Яковлева. Она телефонистка. Имеет срочность доложить важные сведения о контриках.

— Тогда, — мягко остановил Исаев солдата, — пойдемте-ка в другую комнату, там и потолкуем.

Усевшись на широкой скамейке рядом с солдатом, молодая женщина торопливо и несколько вразброд стала рассказывать, как под утро на городской телефонной станции подслушала она разговор двух мужчин. Из всего ими сказанного поняла, что в скором времени белогвардейские офицеры собираются поднять во Владимире мятеж... Запомнила и называвшиеся фамилии, и место, где хранится оружие, и номера телефонов. Нет. Анна Ивановна ничего не спутала. Один из абонентов говорил из ЧК.

Телефонистка смолкла и вопросительно посмотрела на Исаева. Тот встал, протянул женщине руку и крепко, по-мужски пожал ее.

— Ну что ж, Анна Ивановна... За проявленную пролетарскую бдительность от имени Чека выношу вам благодарность. А сейчас, — председатель несколько помедлил, — пришлю товарища, вы ему все подробно и расскажите. Он запишет. Если при разговоре с ним у вас возникнут какие-нибудь вопросы, потом все скажете мне. Об этом разговоре никому... Добро?

Анна кивнула. Исаев обратился к Василию:

— Домой ни вы, ни жена не ходите. Отсюда — прямо по этому адресу. — Он черкнул несколько строчек на листке бумаги. — Там сегодня и заночуете... Ты, доброволец Виноградов, от своей жены ни на шаг. Понял? В твой полк мы сообщим...

Решив, что сказал все, Исаев попрощался, но уже на лестнице оглянулся:

— Анна Ивановна, завтра утром позвоните мне прямо с телефонной станции.

Исаев медленно шел в свой кабинет. Подозревать председатель теперь мог лишь одного человека. А что, если ошибается?

Он приоткрыл дверь к дежурному и распорядился, чтобы сообщение Яковлевой запротоколировал Николай Судогодский — так звали того самого чекиста, которому «не повезло» с охраной трупы Катова.

Исаев вернулся в кабинет и, прерывая затянувшийся перекур, направился к председательскому месту. Бегло перелистал дело, лежавшее на столе. И неожиданно для членов коллегии заявил:

— Говорить об офицерском подполье сейчас не будем. Вернемся к этому вопросу через пару дней. Товарищей Евстафьева, Круминя и Соколова прошу остаться. Остальных не задерживаю.

С этими тремя Исаев мог говорить начистоту. Он в подробностях передал им разговор с телефонисткой и свои подозрения. Тут же наметил ряд неотложных мер.

— Окончательно план отработаем утром. Я почитаю протокол допроса Яковлевой, созвонюсь с ней... Обязательно следить за квартирой телефонистки. Обязательно! Кто-то да выйдет на охоту!

Оставшись один, Исаев долго курил, листал документы «офицерского батальона», думал. Если подозрения его оправдаются, то это станет известно завтра утром. У телефонистки хорошая память. А то, что «контрик» сидит в стенах бывшего монастыря, теперь это уже не подозрения, а факт.

Постучавшись, вошел Круминь.

— Хорошо, что зашел, Карл Янович, — обрадовался Исаев. — Посоветоваться хотел.

Круминь внимательно глядел в глаза Исаеву, слушая размышления председателя. Чекисты взвешивали все «за» и «против»...

СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ БУДЕТ

Василий Рагозин догнал Тихомирова у церквушки, стоящей на глухой улочке. Здесь, на безлюдье, можно было и поговорить. Заговорщики строго соблюдали конспирацию, назначая встречи на улице, и то в самых необходимых случаях.

— Здравствуйте, — пожал Рагозин протянутую ему руку.

— Какие новости? — спросил Тихомиров.

— Неважные, — не замедлил с ответом Василий.

Он остановился и, повернувшись спиной к ветру, зажег папиросу.

— Неважные? Что так? — встревожился Тихомиров, но Василий не торопился с ответом.

Он думал о том, что все было так тщательно продумано. И вот тебе — не учли, что телефонный разговор может «включить» в себя и третьего собеседника. «И на старуху бывает проруха...» — горько улыбнулся он. Вслух же сказал:

— Непредвиденное случилось. Наш с Николаем разговор подслушала телефонистка. И как это — ума не приложу! Ведь телефоны Чека вне всяких подозрений.

— Телефонистка? А откуда это известно?
— Все тот же источник — Николай.
— Когда он сообщил?
— Сегодня. Потому-то я вас срочно и вызвал. Говорит, что о показаниях телефонистки знает пока одно начальство и почему-то выжидает...

— Так-так. — Тихомиров повертел в руках тросточку.
— А что за телефонистка? Известно ее имя?
— Анна Яковлева. На всякий случай Николай сообщил ее адрес. — Василий протянул собеседнику бумажку. Тот бегом взглянул на листок и вернул его.

Минут пять они шли молча. Теперь их путь лежал вниз, где жались к крутому спуску деревянные домишки и где дорога была пробуравлена быстрыми потоками недавнего грозового ливня. Василий, которому новость уже не жгла язык, молчал, предоставляя Тихомирову принять решение.

— Ну, и ваш вывод? — вдруг резко обернулся к Василию Тихомиров.

— Убрать ее нужно, что еще придумаешь! И дело с концом. Пусть чекисты ищут улики... — Василий над этим предложением не раздумывал, оно им было выношено, и он знал, что Тихомиров думает так же.

— Правильно. — Тихомиров взял Рагозина за рукав. — А сделать это придется вам.

— Почему мне? — прищурился тот.

— Ну, подумайте, кому можно доверить столь ответственное дело? — И Тихомиров стал перечислять заговорщиков, по одной отмечая каждую кандидатуру. — Я не вижу человека вернее вас. Мелочь одна... В массе, когда нужно будет действовать всем вместе, они сыграют свою роль. Как стадо баранов... — Он усмехнулся. — Но человек, выходящий на борьбу один на один, должен быть талантлив. Как вы.

— Благодарю за столь лестное мнение, — иронически поклонился Рагозин. — Но я предпочел бы...

— Вот так всегда: когда действовать нужно — каждый умыл бы руки... У вас же опыт какой, Василий Николаевич! Помните, как ловко с Катовым получилось, да еще кое у кого, пока живого, отметина ваша.

Рагозин дернул плечом и, чтобы кончить затянувшийся разговор, сказал:

— Ладно. Вечером попробую что-либо предпринять.

На железнодорожных путях пронзительно загудел паровоз. Тихомиров кивнул и ушел. Василий долго слушал

стук колес, потом уже не стук, а лишь едва слышное гудение рельсов...

К домику, где снимала комнату Анна Яковлева, он подошел около десяти вечера. Время, нужно сказать, для визита неудачное, но для любовника, за которого собирался выдать себя Василий, час как нельзя более подходящий.

Хозяйка долго не открывала. Затем в сенцах зашлепали босые ноги, и сиплый голос спросил:

— Чего там еще?

— Мне бы Анну... — тихо сказал Василий.

— Нету ее. И не будет, — сразу же ответила старуха. Однако любопытство взяло верх, и, не собираясь открывать, она спросила: — А кто такой будешь? Знакомый аль кавалер?

— Скорей кавалер. Давно не видел ее, соскучился. Вот и пришел.

— Пришел, да опоздал, милок. Муж у ей есть, солдатик. Невенчанные они, да разве ныне разбирают, как оно должно быть.

— Значит, нет ее дома? Али на смене? Дождаться мне ее, что ли? — словно раздумывал Василий.

— Какой там дождешься! Днем забегали с солдатом. Сказывала Анна, чтобы в ночь ее не ждала, — у мужа будет. А он-то ее все водит под ручку...

Бабка стряхнула сон и не прочь была через запертую дверь поболтать с Анниным «кавалером». Но тот, поняв, что Анны действительно нет, тихо пошел от порога. Краем уха уловил еще старухино бурчанье:

— Что им бог да обычаи! Одно слово — нехристи. Невенчанные.

План Рагозина и Тихомирова по ликвидации свидетеля пока зашел в тупик.

«Завтра, — думал Василий, — завтра любыми способами нужно ее убрать... Правда, она не знает, кто звонил, да и голоса наши вряд ли ей запомнились... Но без свидетелей спокойней».

... Анна спала плохо. Она ворочалась с боку на бок. Без конца повторяла услышанное, пыталась вспомнить голоса. Волнения дня не улеглись, они были взвихрены новыми впечатлениями, новыми раздумьями.

«Нет, это точно его голос. Не могла я спутать...»

Анна тихонько повернулась к Василию и увидела, что и он не спит.

— Ну что тебя мучает? — шепотом спросил муж,

глядя Анну по плечу. — Хватит волноваться. Все обошлось. Правильно мы сделали, что к начальнику пошли.

— Да не о том я. — Анна приподнялась и глянула через голову Василия на дверь, словно боялась, что их кто-то слышает.

— Не о том, не о том, — пробурчал Василий, укладываясь поудобней. — Неужто не знаю, что беспокойно тебе. Не о том...

— Васенька, слышишь? Не спи же, — вновь зашептала Анна. — Узнала я его.

— Кого?

— Голос узнала, что из Чека говорил.

— Неужто? — изумился солдат.

— Точно он. Ты же знаешь, какая я памятливая. А тут как услышала, так внутри екнуло: знаю этого человека. А потом догадалась.

— Да кто ж такой?

— Записывал, что я рассказывала. Начальник его прислал. — Анна села на кровати и заторопилась: — Идти нужно сейчас же к начальнику. Сказать ему...

— Угомонись ты! — дернул ее за руку Василий. — До утра ждать надо. И начальник приказал звонить ему утром. Слышь, поспи малость.

Рассвет Анна встретила в полудреме. И лишь стало светло, заторопилась. Василий тоже встал: ему ведь приказали в ЧК ни на шаг не отходить от жены. Они направились к телефонной станции. В вестибюле на табуретке сидел... Исаев.

Он тоже провел беспокойную ночь. Прилег в кабинете на кушетке, намереваясь поспать. Но уснуть так и не смог. «Не вкралась ли ошибка?» Снова и снова во всех подробностях восстанавливал в памяти и рассказ Анны, и то, что было потом записано с ее слов. «Да, — убеждался Исаев, — между тем и другим есть незначительная, но все-таки разница. Значит, нет ошибки...»

— Здравствуйте, Анна Ивановна, — поднялся Исаев навстречу женщине. И такое ожидание было написано на его лице, что Анна, забыв о приветствии, одним духом выпалила:

— Он! Узнала его.

Это сообщение телефонистки не требовало разъяснений.

Проводив ее по коридору и снова приказав Василию быть при жене неотлучно, Исаев распрощался с ними. День предстоял трудный, но он внес в дела чекистов

существенные прояснения. Нужно было торопиться к товарищам.

Вернувшись, Исаев сразу же вызвал к себе Евстафьева и Круминя. Он не успел еще отдышаться от быстрой ходьбы, как один за другим оба появились в кабинете председателя.

Евстафьев прямо с порога заговорил о ночном наблюдении за квартирой телефонистки Яковлевой.

— Вечером пришел-таки один. Гад, он и есть гад. Предлог же себе какой придумал — будто хахаль ее прежний... Ну, а хозяйка, как мы и просили ее, дескать, забегала барышня с солдатиком и сказала, что ночевать не придет, у солдата будет...

— Кто же этот тип? — с нетерпением спросил Исаев.

— Рагозин. Василий Рагозин...

— Опять Рагозин? Ну что ж, будем считать показания телефонистки Яковлевой достоверными. Теперь можно ставить последнюю точку, — уверенно заключил Исаев и, обращаясь к Круминю, добавил: — А выходит, Карл Янович, твоя-то «монашка» тогда ухватила на кладбище правильную ниточку. Зря ты сомневался в ее наблюдениях.

— Первое, товарищ Леонид, — она давно уже не «монашка». С тех пор, как мы поженились, — улыбнувшись, ответил Круминь. — Правда, на другой день после свадьбы нас арестовали жандармы. Мы долго не виделись, хотя и сидели в одной тюрьме. Но это к делу не относится... Второе — сомневался. Она могла ошибиться. На кладбище было темно, а подойти поближе к тем типам боялась. А вдруг бы они с ней заговорили, спросили что-нибудь? По-русски жена говорит плохо, с акцентом. Могла бы все провалить...

— Ну-ну, — согласился Леонид Григорьевич. Он прошел к столу, сел в кресло. Жестом пригласил сесть остальных. — Теперь ближе к делу. Да, еще Рагозина нужно позвать.

Николай Николаевич явился тотчас же.

— Все, кто нужен, в сборе. Вот как обстоят дела, товарищи...

Исаев коротко сообщил о фактах, которыми располагали чекисты.

— И поступим мы так. Карл Янович, Смирнов и я отправляемся в Судогду. Евстафьев обеспечит тайну нашего выезда. А чтобы успокоить заговорщиков, спутаем их карты: Николая Николаевича «отстраняем» от

должности — телефонистка «узнала его голос»... И опять же, анонимка... Пусть порадуются враги, узнав, что по ложному следу пошли... Ясно?

— Ясно, — отозвался Рагозин. — О моем «освобождении» узнает мой тезка, а потом и брат...

— Так точно, товарищ Рагозин! Разыгрывай из себя оскорбленную невинность. Вопросы есть? Нет. Тогда в час добрый... И вот еще что: в газете повторить объявление о сдаче оружия.

СУДОГОДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

После коротких сборов ночью они покинули Владимир. Оперативную группу возглавлял Леонид Григорьевич. В нее входили четверо: Карл Янович Круминь, начальник иногороднего отдела Александр Константинович Смирнов и два красноармейца из батальона охраны Владимирской губЧК, которым командовал брат Исаева — Василий Григорьевич.

В Судогду прибыли, когда солнце уже взошло. Видавшая виды бричка, не привлекая внимания местных жителей, проскочила по главной улице вдоль торговых рядов и скрылась за углом.

Остановились у дальнего родственника Леонида Григорьевича. Хозяин дома — дюжий бородатый старик — встретил гостей приветливо, охотно согласился помочь Советской власти.

Но вначале, по русскому обычаю, он пригласил всех к столу, где пытел самовар. За чаем разговорились...

Исаев расспрашивал родича, как живут местные мужики. Спросил и о Соколове, судогодском леснике. Словоохотливый хозяин рассказал, что Соколов — человек богатый, из эсеров, в уезде был политической фигурой: все носился с учредилкой. Теперь притих... Промышляет самогоном, негласно торгует им, а иногда устраивает и тайные вечеринки.

Вот это были сведения! То, что и требовалось чекистам, приехавшим для обыска усадьбы лесника. По сообщению Анны Ивановны, именно тут, у Соколова, главари «офицерского батальона» организовали тайный склад оружия. Оперативной группе надлежало так провести обыск, чтобы до поры до времени и «комар носу не подточил».

И в этом им помог хозяин дома: подсказал подходящий предлог для посещения Соколова.

Среди дня Исаев вместе со своим родичем отправился к леснику.

— Вы тут отдохните малость, — сказал он товарищам, закрывая дверь. — Дело предстоит нелегкое...

Вернулся Леонид Григорьевич в отличном настроении.

— Ну, все в порядке, — с порога крикнул он. — Собирается «состоятельная компания» на пирушку. Уговорили Соколова «кутнуть» с нами.

— И легко поддался? — спросил Круминь.

— Да выпить он не прочь всегда... Родича моего знает. Почему бы с дружками известного ему человека и не повеселиться...

У Исаева до вечера были еще дела. Нужно было сходить в уездный военкомат, договориться о помощи.

— Что ж, пора, — сказал Исаев и протянул руку своему родичу. — Спасибо за подмогу и тепло, с которым нас встретил. Будь здоров!

Распрощались с гостеприимными хозяевами и выехали со двора.

Богатая усадьба лесника располагалась на пригорке, вдалеке от проезжей дороги. Рядом — сосновый бор. К дому Соколова подъехали лихо, с песней. А затем прикатил тарантас с местными дружками. Гулянка началась.

Гости делали вид, что всюю глушат самогон. Лесника и еще двоих мужиков из его компании удалось спойть довольно быстро. Чекисты приступили к обыску. Без особого труда в одном из амбаров обнаружили тайник, где хранилось много оружия и боеприпасов. Оружие было уложено бережно, со знанием дела.

Пока несколько человек обыскивали территорию усадьбы, Исаев и другие товарищи продолжали «гулять» с Соколовым и его собутыльниками. Сильно захмелевший лесник доверительно шепнул, что, мол, во Владимире скоро Советскую власть «прикончат».

Чекистская операция уже подходила к концу, когда случилось неожиданное. Один из дружков лесника — диристый верзила, — вероятно, что-то заподозрил и попытался улизнуть. Первым кинулся за ним паренек из батальона охраны губЧК, потом красноармеец Судогодского военкомата. Все это произошло в считанные мгновения, и никто толком не успел ничего понять, как во дворе раздались выстрелы.

Исаев бросился к выходу, дверь перед ним распахну-

лась, и на пороге появился боец военкомата. Он прижимал к груди окровавленную руку.

— Вот гад, — едва перевел раненый дыхание, — убил вашего хлопца... Ну, да я его, вражью силу, прикончил...

В доме оставили охрану. Остальные тронулись в обратный путь. Оружие, боеприпасы, мертвецки пьяных участников «пирушки» и сына лесника забрали в ЧК.

Возвращались молча. Только сейчас, когда можно было расслабиться, пришла боль за погибшего товарища.. Он был первым из тех, кого владимирские чекисты потеряли при ликвидации «офицерского батальона».

Круминь приступил к допросу Соколова, благо лесник протрезвел и с ним можно было разговаривать.

— Никакого отношения к оружию не имею, крест святой... — клялся лесник.

— Чье же? Кто мог хозяйничать в вашем доме? — допытывался Карл Янович.

— Павлушка, окаянный. Брат мой двоюродный! Говорит, не дашь амбар — прирежу. Ну, я и испугался, шальной он, Павлушка...

— А разговор за столом? Насчет того, что новой власти во Владимире конец приходит?

— Ну что верить выпившему человеку? Все это я с пьяных глаз наболтал. Чепуха это...

О связях брата Павлушки лесник, по его словам, понятия не имел. Второй задержанный не в счет — его дружба с лесником объяснялась самогонным увлечением. Вот тот, убитый, возможно, кое-что и знал.

Решили брать Павлушку и устроить ему очную ставку с лесником.

Соколов, узнав о намерении чекистов, уперся. Категорически заявил, что ничего при Павлушке не подтвердит. Чувствовалось, что лесник здорово боится брата.

И тогда чекисты пошли на хитрость. Леснику посоветовали обо всем случившемся написать брату...

Но как написать?

Письмо должно быть передано тайно сыном лесника, которого чекисты пообещали освободить и отправить домой. Пусть только Соколов напишет... После такого письма Павлушка будет далек от мысли, что лесник добровольно согласился оказать чекистам помощь.

Соколов сразу уловил в предложении Карла Яновича большую выгоду. Он не стал долго раздумывать, и письмо было отправлено.

Сын лесника вернулся в Судогду с поручением от

отца. В тот момент, когда он передавал письмо дяде, оба были задержаны с поличным и направлены во Владимир.

Павлушка поверил в легенду, составленную чекистами. Он не мог успокоиться, так его бесила выходка лесника. Он не стеснялся в выражениях, проклиная тот день, когда связался со своим кретином братом.

Однако храбрости у Павлушки хватило ровно на сутки. А потом брат лесника стал давать правдивые показания. Конечно, многого и он не знал — конспирация у заговорщиков была налажена, но Павлушка имел связь с одним из главарей «офицерского батальона», о котором сообщил весьма ценные сведения.

Теперь следствие располагало неопровержимыми материалами на Михаила Тихомирова. Бывший штабс-капитан царской армии, опытный и убежденный контрреволюционер, входил в руководство «Владимирского офицерского батальона». Скрыв свое происхождение и ловко замаскировавшись, он пристроился на работу в советское учреждение.

Павлушке предъявили несколько фотографий. На одной из них он уверенно опознал младшего брата Тихомирова — Николая. О нем Павлушка рассказал, что до мировой войны Николай учился в кадетском корпусе, после революции вернулся на родину, в Судогду, откуда в конце мая уехал...

В руках чекистов уже было достаточно материалов для того, чтобы вплотную приступить к ликвидации «офицерского батальона».

Исаев собрал у себя в кабинете ответственных сотрудников губЧК.

— В отношении главарей все ясно, — сказал он, — но есть люди, вовлеченные в заговор обманным путем. Как быть с ними?

Встал Круминь.

— Можно скажу? — Он встряхнул газетой и показал на первую страницу. — Вот давали приказ о сдаче оружия.. Многие принесли. Когда арестуем главарей, надо дать в газету публикацию о расстреле банды южских мятежников... Думаю, многие рядовые из местных заговорщиков призадумаются и придут с повинной. Надо немножко подождать...

Карл Янович вопросительно взглянул на председателя.

— Есть в твоих словах смысл, товарищ Круминь, есть, — отозвался Исаев. И, будто размышляя, продол-

жал: — Обманутые, втянутые в заговор силой могут порвать с прошлым, будут работать, приносить пользу народу...

Он поднял голову, обвел глазами лица присутствующих товарищей. Увидел, что они ждут от него решения.

— Что ж, предложение Карла Яновича принимаем. Только придут ли? Придут! — убежденно поставил он «точку».

Чекисты приступили к ликвидации заговора.

КОНЕЦ «ОФИЦЕРСКОГО БАТАЛЬОНА»

О ф и ц и а л ь н о.

От Владимирской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. В 12 часов с 13 на 14 сентября 1918 года по постановлению Президиума Чрезвычайной комиссии от 12 сентября сего года были расстреляны гр.: Цветков Сергей Васильевич, Зимин Иван Николаевич, Гаврилова Леонтина Антоновна, Голиков Алексей Иванович и Чернов Василий Григорьевич. Все вышеуказанные граждане являлись инициаторами контрреволюционного выступления в селе Южа Вязниковского уезда.

Президиум

Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Владимирской губернии, 1918, 15 сентября

— Все ясно? — спросил Исаев у коменданта, заканчивая разговор. — Тогда присылай его сюда...

Леонид Григорьевич посмотрел в сторону Круминя.

Карл Янович сидел за длинным столом. На вопросительный взгляд председателя он лишь кивнул головой: мол, готов к допросу.

И вот в кабинете Николай Судогодский. Новенькая гимнастерка, галифе, поскрипывающие хромовые сапоги. Уверенно направился он к председателю.

Исаев наблюдал за вошедшим. И когда тот подошел и собирался доложить, Леонид Григорьевич резко скомандовал:

— Оружие на стол!

Николай от неожиданности замер. Потом, пожав плечами, спросил:

— Не понимаю, товарищ председатель.

— Сейчас поймете, — сдерживая себя, ответил Исаев. — Я не товарищ... предателям!

Николай побледнел. Вспышка гнева председателя испугала Николая. Трясущимися руками он хотел достать оружие, но руки не повиновались. Исаев обезоружил его.

— А теперь — все по порядку. Фамилия? Только настоящую выкладываете!

Николай вдруг понял, что помощи ждать неоткуда и ловчить бесполезно. Обхватив голову руками, он упал в кресло.

— Тихомиров я, Тихомиров... Все расскажу... Я не хотел. Меня заставили...

Тихомиров сидел на краешке стула, жалкий, подавленный разоблачением.

В начале 1918 года с помощью брата Михаила по подложным документам он устроился на работу в военкомат. Михаил был старшим в семье. Николай, преклоняясь перед братом-офицером, старался во всем походить на него.

— Ныне надо думать о своей шкуре, — говорил бывший штабс-капитан, когда братья встретились после февральской революции. — Надо бороться с большевиками.

— Но как бороться? — спросил Николай, которого покоряла решимость брата. Привязанности к новой власти младший брат не испытывал.

— Как? — Михаил говорил четко, видимо, план действий был им обдуман и выношен. — С твоей помощью. Нужно пролезть к врагу, чтобы знать, чем он живет, чем дышит. Соображаешь?

И Михаил выложил план, согласно которому Николай и попал на службу в военкомат. Старший брат тоже стал сотрудником советского учреждения.

В мае по заданию Михаила Николай добился направления во Владимирскую ЧК. В городе его познакомили с главарем контрразведки «офицерского батальона» Василием Рагозиным, под руководством которого Тихомиров-младший стал работать.

Информация о делах владимирских чекистов поступала к врагам из «первых рук». Это он, Николай Тихомиров, из кабинета Рагозина сообщил по телефону свое-

му шефу — Василию Рагозину — о поступке командира пулеметной команды Катова.

Допрос Николая был не из легких. Он пытался доказать, что его силой заставили поставлять информацию. Он выпрашивал снисхождения, обещал быть лояльным к новой власти и во всем помогать ей...

— А сообщение телефонистки Анны Яковлевой перервал с какой целью? — спросил Круминь.

— Боялся разоблачения..

Первый допрос закончился. Он помог уточнить план ликвидации «офицерского батальона».

На очередном совещании был рассмотрен порядок ареста и допросов главарей заговора. Разошлись по своим кабинетам готовиться к операции Евстафьев, Круминь, Соколов, Аверьянов, Воробьев. Только Николай Рагозин остался в кабинете председателя.

— Пойми, Коля, нельзя тебе участвовать в аресте брата. — Исаев по-дружески положил ему руку на плечо. — Мы не отстраняем тебя, а оберегаем. Многого ведь еще не знаем...

— Я понимаю, — тихо ответил Николай.

— Не мучай себя. Ты же для матери, с доброй целью, просил поставить телефон, а он, гад, против нас использовал его... Всякое бывает. Иди звони сейчас матери, уведи ее из дома. Избавь от лишних переживаний.

И последний участник совещания покинул кабинет.

...Небольшой особнячок, принадлежавший Рагозиным, утонул в зелени разросшегося сада. Его и днем-то едва увидишь за деревьями, а в такую темень и вовсе не разглядеть.

Группа чекистов бесшумно проникла во двор и сад, но у самого крыльца их подстерегало неожиданное препятствие. Что-то грохнуло, и сразу же раздались выстрелы.

Евстафьев и Смирнов бросились к двери. И в тот же миг со второго этажа через окно друг за другом выпрыгнули два человека. Исаев и Круминь бросились за ними в сад, стреляя в темноту. Беглецы устремились в конец сада. Оттуда защелкали выстрелы — стреляла расставленная Исаевым засада.

Один из беглецов шмыгнул в кусты и скрылся. Другой кинулся туда же, но сильным ударом его оглушили, затем связали. Пойманным оказался Михаил Тихомиров.

А чекисты здесь его и не ожидали, они намеревались арестовать Василия Рагозина...

Василий же выбрался из сада через щель в заборе, у дуба, где в детстве они с братом любили играть.

Осталось лишь перейти дорогу и укрыться в домике церковного старосты, но вдруг совсем рядом он услышал хорошо знакомый голос:

— И я не забыл этот ход...

В следующий момент брата уже катались по земле. Кто знает, чем закончилась бы эта схватка, не подоспей вовремя чекисты!

Николай Рагозин не случайно оказался здесь. После разговора в кабинете Исаева он отправился к матери, которая была в то время в гостях у знакомых, но там не засиделся. Его мучило какое-то предчувствие, словно что-то не предусмотрели чекисты, что-то упустили. И Николай вспомнил о потайной лазейке. Его даже в дрожь бросило. Вот оно! Ведь чекисты о ней не знают...

Вот тогда, уговорив мать остаться до его возвращения у знакомых, Николай нарушил приказ не вмешиваться в арест брата. И стал действовать на свой страх и риск...

На допросе Василий Рагозин вел себя вызывающе. Он отказывался давать показания и вообще не желал разговаривать с чекистами. Следствию было ясно: Василий — матерый враг.

Другое дело — Михаил Тихомиров. Он тоже был из «убежденных», но нервишки имел послабее, чем Рагозин.

Чекисты сразу это заметили и решили использовать трусость арестованного в интересах дела.

В одном углу кабинета сложили оружие, изъятые у лесника, в другом — груды конфискованного офицерского обмундирования. На письменном столе так, чтобы хорошо было видно, разложили протоколы с показаниями Николая Тихомирова.

Круминь встал у двери, изображая из себя рядового охранника. Николай Рагозин, который ввел Михаила Тихомирова, посадил его возле стола, потом небрежно обратился к Круминю и велел покарать арестованного до прихода «начальства».

Они остались вдвоем: Тихомиров и Круминь. Чувствовалось, что Тихомиров нервничает, хотя старается этого не показать. Он внимательно осмотрел помещение, задержал взгляд на оружии и обмундировании, потом посмотрел на стол. Желая определить осведомленность «охранника», спросил:

— А скоро придет начальник?

Круминь пожал плечами. Тихомиров, вытянув шею, стал разглядывать бумаги, разложенные на столе. Прочитал кое-что из показаний брата, забеспокоился, забарабанил пальцами по столу, а вскоре обратился к Круминю с требованием немедленно вызвать начальство.

— Пожалуйста, — сказал «охранник». Он подошел к столу. — Гражданин Тихомиров, я и есть тот следователь, который будет вас допрашивать. Надеюсь, вам понятно, что многое за эти полчаса я увидел, да и вы зря время не теряли. Кое-какие материалы вам уже знакомы, не правда ли?

Тихомиров был обескуражен. Он попытался справиться с растерянностью, но не удалось. Тогда он задал вопрос, которого Круминь не ожидал так быстро услышать.

— Какие гарантии предложите мне в обмен на сведения о «Владимирском офицерском батальоне»? — спросил Тихомиров.

Конечно, никаких гарантий контрреволюционеру Круминь выдать не мог. Да и нелепо было бы давать обещания Тихомирову, обвиняемому в тяжких преступлениях против Советской власти.

Об этом Круминь, не скрывая, и сказал Тихомирову. Тогда арестованный попытался уклониться от показаний. Он лгал, валил все на сообщников. Но от прямых улик ему уже было не уйти.

Вскоре Михаил Тихомиров признался, что был одним из главарей «офицерского батальона». Рассказал о подрывной деятельности контрреволюционеров, об убийстве командира пулеметчиков Катова и о похищении его трупа. Представляло интерес для следствия и то, как начинал Тихомиров свою контрреволюционную деятельность.

Было это весной 1918 года. Во Владимир приехал однополчанин Михаила Тихомирова — поручик царской армии Орлов.

— Приехали по поручению Бориса Викторовича Савинкова, — доверительно сказал он Тихомирову. — Бывших офицеров нужно привлечь в «Союз защиты родины и свободы».

Орлов изложил собеседнику задачи контрреволюционной организации — Тихомиров был лицом проверенным и надежным. И вскоре «Союз» получил владимирский «филиал», названный «офицерским батальоном». Во главе его стали Тихомиров, Прокопович и Малиновский.

Главари заговора готовили батальон для выступле-

ния одновременно с контрреволюционерами Ярославля, Костромы, Муромы и ряда других городов.

Следствие по делу «офицерского батальона» разворачивалось, и тогда на помощь владимирским чекистам приехали товарищи из специальной следственной группы ВЧК, которой руководил Михаил Сергеевич Кедров, один из соратников Феликса Эдмундовича Дзержинского.

С самого вечера моросил тоскливый ноябрьский дождь вперемижку с мокрым снегом. В нетопленных помещениях монастыря было сыро, холодно и неудобно. Кутаясь в кожанку, Николай Рагозин сидел в кресле. Его знобило. Да и мысли были невеселые...

Утром коллегия губернской ЧК рассмотрела следственные материалы на одного из главарей «Владимирского офицерского батальона» — Рагозина Василия Николаевича. Неопровержимыми фактами следствие доказало террористическую деятельность Рагозина. Обвиняемого приговорили к расстрелу.

Тяжко думать о брате. Но, как ни ворошил память Николай, как ни выискивал факты, оправдывающие Василия, ничего найти не мог. Раздумья прервал голос дежурного:

— Товарищ Рагозин, там какая-то барыня вас спрашивает...

— Что? — не понял Николай.

— Говорю, мадам пришла к вам...

— Пригласи, пусть заходит.

Дверь открылась, и на пороге появилась мать Рагозина.

В кабинете председателя, нещадно дымя самокрутками, вели разговор Исаев и Круминь. Говорили о Рагозине.

— Говоришь, мать к нему пришла? — переспросил Исаев.

— У него сейчас..

— Трудно, ох как трудно ему: что ни говори, ведь брат.

— Испытание тяжкое, — согласился с Исаевым Карл Янович.

— Выпадет же человеку такая судьба. Может, стоит сейчас пойти нам к Николаю? Как думаешь, Карл Янович?

— Думаю, что не надо. Он сам найдет силы. Крепкий чекист...

Николай смотрел на мать, на ее изменившееся от

страшной вести лицо. Он глубоко сочувствовал ей. А поймет ли она его? Раньше понимала. Всегда он находил у матери поддержку и защиту. Чем же он отплатит матери? Как поможет ей?

— Ты можешь спасти его, не переступая законы чести и совести, — терпеливо выслушав рассказ Николая о вине Василия, сказала мать. — Муштра кадетского корпуса, фронтовые окопы ожесточили Василия. Он не успел еще разобраться в смысле революции и потому стал ее врагом. Мы с тобой сделаем его другим: добрым, хорошим...

— Мама, перестань! Василий слишком далеко зашел. Он враг, непримиримый враг революции. Он — преступник, убийца.

— О боже! — воскликнула женщина.

Она не могла понять страшные слова сына. Нет, нет! Василия оклеветали, оговорили, а он гордый, он не станет оправдываться. Чтобы убедить мать, Николай даже показал списки тех, кого намеревались заговорщики расстрелять сразу же после захвата власти. Эти списки составил Василий. И первым в списке значился Николай Рагозин. Мать словно окаменела.

— Верьте Николаю, — вдруг услышал Николай хорошо знакомый голос.

В дверях стояла Марина. Они не заметили, как вошла девушка, как стала, прислонившись плечом к двери.

— Верьте ему, — снова повторила она. — Я тебе ничего не говорила, Николай. Скажу теперь. Сегодня я видела, как проводили по коридору твоего брата. Я не знала, кто это, и спросила дежурного. И знаешь, Николай, знаешь...

Марина запнулась, потому что видела, как, ожидая чего-то страшного, побелел Николай.

— Не волнуйся, но вспомни; когда в тебя стреляли, я оглянулась. Оглянулась и увидела лицо стрелявшего... Это был твой брат. Это он хотел убить тебя!

Наступило тягостное молчание. Первой заговорила мать Николая.

— Я верю вам... — Она встала и медленно пошла к двери. У самого порога остановилась, еще раз взглянула на сына и вдруг спросила: — Ты знаешь, как тебя прозвали в городе?

— Знаю, — ответил он. — Ну, а кто впервые назвал мне имя Робеспьера? Кто с восторгом рассказывал мне, малышу, о восстании парижан?

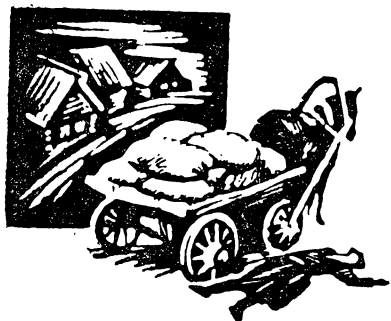
— Значит, я тебя воспитала таким.

Женщины вышли, а Николай долго еще стоял посреди кабинета..

Последних участников контрреволюционного заговора арестовали в ночь с шестого на седьмое ноября 1918 года. Трудящиеся города радостно встречали первую годовщину Великого Октября, не подозревая, какую жестокую расправу готовили им белогвардейцы.

Предвидения чекистов во многом оправдались. Те, кто был вовлечен в «офицерский батальон» из-за своей политической неграмотности, разобрались что к чему. Многие приходили в ЧК с повинной, обещали вернуться к труду, не причинять вреда новой власти.

Малиновского, Орлова, братьев Тихомировых отправили в Москву. Нити их преступной деятельности вели далеко за пределы Владимира. Следствие по делу этих преступников было передано в Москву, в ВЧК.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ МАНДАТ

Старые, пожелтевшие страницы...
Им мы и предоставим первое слово.

Из протокола заседания губкома РКП/б/, 1918 год

Слушается вопрос о положении на местах.

Доклаживают члены губкома товарищи Островская и Александров, объездившие накануне по заданию губкома ряд уездов губернии. С их слов картина складывается нелегкая.

Слабость партийных организаций на местах, недостаток грамотных работников, состав фабрично-заводских комитетов, как выразилась Островская, «почти черносотенный». А товарищ Александров добавил, что политическая работа в массах ведется исключительно в форме митингов. «Почва для работы хорошая, но нужно поставить организационную работу», — заключил он.

Ко всему этому — разлагающая работа эсеров. Это подчеркнули оба докладчика.

Из показаний

...В начале января 1918 года во Владимирскую губернию прибыл с широкими полномочиями от ЦК правых эсеров Богданов-Белковский.

Посылая его во Владимирскую губернию, один из руководителей ЦК, по кличке Угрюмый, наказывал:

— Мы должны учитывать притягательную силу большевистских лозунгов. Есть опасность отхода рядовой массы членов нашей партии от идей социал-революцио-

низма. Вам надлежит энергичными мерами выправить это положение.

Приказание было категорическим, Угрюмый был хмур, говорил отрывистыми, короткими фразами, часто поглядывал на дверь, будто ждал, что она вот-вот откроется, войдет некто и торжественно возгласит: «Поздравляем, Ваше превосходительство, с портфелем министра!»

Колеса по губернии, Богданов-Белковский требовал от местных комитетов правых эсеров завоевывать большинство на предстоящих выборах в Советы.

— Такова директива Центра, это важно, это очень важно — взять власть в свои руки, — говорил он, стараясь походить на Угрюмого, и резкий тик передергивал его худощавое лицо с золотым пенсне на хрящеватом носу. Он уже представлял себя на посту верховного комиссара губернии и тоже примеривал к себе прельстительное обращение «Ваше превосходительство».

И губернные эсеры, вслед за Угрюмым и Богдановым-Белковским, старались вовсю, добиваясь власти, сулившей им, как думали, немалые выгоды. В ход были пущены подкупы, угрозы, социальная демагогия, спекуляция на продовольственной политике Советской власти, боровшейся с разрухой и голодом. В ряде уездов и волостей эсерам удалось пробраться к руководству Советами, чем они не замедлили воспользоваться, призывая крестьян к открытому неподчинению большевистским Советам, подстрекая к бунтам, организовывая контрреволюционные мятежи.

Возвратившись в Москву, Богданов-Белковский преувеличенно бодро доложил на совете ЦК правых эсеров о готовности владимирских комитетов к вооруженному восстанию против Советской власти. Совет ЦК правых эсеров принял это заявление к сведению.

Из обвинительного заключения

Брусков Афанасий Павлович, 40 лет, из деревни Яслево Меленковской волости и уезда, бывший лесопромышленник, командовал и вел повстанцев на Бутылицы из села Архангел. В лесу у деревни Вичкино, недалеко от Меленковского тракта, Брусков А. П. и его сын Иван зверски убили двух красноармейцев. В селе Архангел младший Брусков, кроме того, застрелил Ивана Кирюшина, везшего красноармейскому отряду в Бутылицы продукты питания.

Костин Петр Федорович, 55 лет, и его сын *Илья*, 22 лет, являлись организаторами и активными участниками похода мятежников на Бутылицы. Под нажимом *Костина П. Ф.*, бывшего председателем Совета в селе Архангел, сход принял резолюцию: «Всем идти на Бутылицы, кто не пойдет — расстрелять, а их семьи лишить земельного надела».

Из решения Чрезвычайной следственной комиссии

Комиссия в составе: председателя Меленковского уездного Чрезвычайкома *Павла Смелова*, военного руководителя Меленковского уездного Военкома *Ивана Захарова*, инструкторов Владимирского губернского Чрезвычайкома *Петра Петрова* и *Павла Магничкина*, секретаря Меленковского Чрезвычайкома *Михаила Платонова*, рассмотрев материалы по делу граждан Меленковского уезда, обвиняемых в открытом выступлении против Советской власти, в неподчинении распоряжениям местной власти, за звон в набат, посредством которого население было вовлечено в выступление, постановила:

1. Считать главными вдохновителями мятежных выступлений несознательных граждан Муромского и Меленковского уездов в июле 1918 года особоуполномоченного Меленковского комитета правых эсеров *Царькова Г. И.*, бывшего поручика царской армии *Дубенского В. К.* и объявить их розыск.

2. Выявленных и задержанных главарей и зачинщиков Бутылицкого мятежа, запятнавших себя зверскими расправами над красноармейцами, расстрелять, что и привести в исполнение в 3 часа 30 минут сегодня.

3. На местную буржуазию и имущих крестьян-кулаков для восполнения убытков, нанесенных мятежниками Советской власти, наложить контрибуцию в размере двух тысяч рублей.

4. Остальных задержанных граждан в количестве 22 человек освободить из-под ареста как несознательных, обманутых, действующих по внушению злонамеренных лиц.

1

Старые рабочие Меленковской фабрики хорошо знали *Пашку Смелова*, помнили его еще молодым, вихрастым подмастерьем, насмешником и шутником, любившим задирать начальство.

Доставалось от него и рабочим — из тех, кто был не прочь прихвастнуть, подхалимам, доносчикам, жадным поест за чужой счет.

Но особенно часто он подшучивал над старым фабричным будочником Афанасьичем, дослужившим до царской пенсии, но все еще бывшим при деле — вечно дремавшим в своей полицейской будке, опершись на шашку в вытертых ножнах. Афанасьич частенько засыпал на службе — из будки доносились похрапывание и носовой свист. Пашка в таком случае был тут как тут. То дверь подопрет бревном, и старик, очнувшись, вынужден был звать кого-нибудь на помощь, чтобы открыли; то устроит перед дверью будочника настоящий пожар: подожжет что-нибудь и, когда пламя взметнется, крикнет: «Горим!» Афанасьич, пробудившись, видел огонь и, тараща ошалелые глаза, тоже орал: «Пожар!»

Однажды Афанасьич поймал Пашку за ухо, сказал:

— Ох, Пашка, ты у меня добалуешься, отведу я тебя в участок.

Но угрозу так и не исполнил: Афанасьичу нравился чем-то этот бедовый парень.

— Что за польза от тебя, Афанасьич? — спросил его как-то Пашка. — Сидишь да сидишь в будке, что проку?

— Служба у меня такая, мил человек, — ответил старик.

— Да какая ж это служба, когда ты все время дремлешь? — стал допытываться Пашка.

— Э, не скажи. Дремлю не дремлю, а, что нужно, вижу.

— А что нужно?

— То, что начальство велит, то и вижу, — сказал старик да вдруг осердился: — А чегой-то ты пристал? Уж не подослан ли кем, а?

— Да ты что, Афанасьич? — сделал простодушный вид Пашка. — Гляжу, дремлешь и дремлешь, а что, как царскую шашку сопрут — тогда как?

— Сопрут?! Как сопрут? — изумился Афанасьич. — Да кто сопрет? Все подозрительные у начальства, у меня и в полиции давно на заметке.

И стал Пашка Смелов поддерживать дружеские беседы с Афанасьичем, узнавая от него по заданию подпольщиков, кем именно из рабочих интересуются в полиции.

Стали подпольщики приглашать Смелова на свои тайные собрания, давали читать запрещенные книги, а со

временем сметливый парень начал помогать подпольщикам сочинять и распространять листовки против царя.

Так втягивался Павел Смелов в революционную борьбу пролетариата с эксплуататорами. В 1905 году он уже был в составе фабричной дружины, был крещен жандармскими нагайками. С ростом политической сознательности пообтесался, утрачивая бившую через край ребячливую дурашливость.

В том же 1905 революционном году Павла Смелова приняли в члены РСДРП. На его квартиру время от времени наведывались «гости» из Владимира, привозили в больших плетеных корзинах «гостинцы» — революционные листовки и прокламации, которые Смелов вместе с женой Машей расклеивал по городу, распространял на фабрике.

В 1910 году Смелова арестовали, судили и вместе с женой выслали из уезда, а затем за пределы Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Лишь в 1917 году, после февральской революции, вернулся Смелов в родные Меленки, где еще в январе исполком уездного Совета, вопреки усилиям фракции эсеров, добился большинства в Совете, был сформирован из большевиков. В июне 1917 года Смелова избрали председателем Меленковского Совета рабочих депутатов, а в январе 1918 года он возглавил уездную ЧК.

Шел июль того же года. Смелов держал в руках короткую, всего в три слова, депешу, поступившую в ЧК кружным путем, через Муром.

«Бутылицах бунт потоп...»

«Только что, в начале месяца, был подавлен эсеровский мятеж в Муроме, теперь бунт в Бутылицах!..» — с тревогой подумал Смелов, перечитывая депешу, и с этой странной телеграммой в руках бросился в уездный комитет партии... Мысленно старался разгадать, что кроется за словом «потоп».

Бутылицы — большое село, а по существу — центр торговой и хозяйственной деятельности уезда, потому что через Бутылицы уезд связан железной дорогой с рабочими городами Муромом, Гусь-Хрустальным, Орехово-Зуевом, Карабановом и самой Москвой.

Уезд хлебный, а в стране разруха, голод, и эсеры, возглавившие Бутылицкий волостной Совет, способствуют, а может быть, даже наверняка направляют спекуляцию хлебом. Недаром через Бутылицы кулачье вагонами пе-

реправляет хлеб в рабочие районы и сбывает там по баснословным ценам.

Только сегодня утром в Бутылицы для борьбы с хлебной спекуляцией был направлен отряд Меленковской ЧК под командованием старого солдата Прохора Жегалкина. Отряд мал, плохо вооружен, и что будет, если кулачье пойдет на крайние меры, как это случилось совсем недавно в Муроме?..

2

Запыленные, в потных солдатских гимнастерках, красноармейцы выстроились на перроне перед зданием небольшого вокзала.

Жегалкин, приземистый красноармеец с побитым оспой лицом, в тяжелых солдатских ботинках с обмотками, отдавал распоряжения энергично, предвеляя каждое из них твердым словом «требуется».

— Требуется проверить все стоящие на путях вагоны и при обнаружении частных хлебных грузов наложить арест.

В тот же день на станции были обнаружены три вагона с мукой, стоявшие в стороне, на тупиковой ветке. Вагоны опечатали и взяли под охрану. Вскоре нашлись и хозяева этих вагонов, вернее, не хозяева, а сопровождающие, — ими оказались крикливые мужики из села Тимошино, от «опчества», как сказал один из них, самый крикливый. На требование Жегалкина предъявить документы, разрешающие вывоз хлеба, крикливый мужичонка зло бросил: «Как же, чичас будут тебе все документы!» И побежал вдоль путей. Остальные, их было человек семь, бросились за ним. Через час-полтора мужики вернулись на станцию вместе с председателем Бутылицкого ВИКа — эсером Сазановым.

Этот пятидесятилетний фельдшер, в прошлом зажиточный крестьянин, был одет в полотняную толстовку, перехваченную в поясе солдатским ремнем, держался вызывающе высокомерно. В ультимативной форме Сазанов потребовал от отряда Жегалкина сложить оружие.

— На это требуется письменное распоряжение уездной власти, — сказал Жегалкин. — Местному ВИКу мы не подчиняемся. — И добавил спокойно, но решительно: — Прошу посторонних покинуть территорию станции.

— Мужики! Народ! — кричал Сазанов, двигаясь по улице вместе с тимошинскими крестьянами. — Больше-

вики захватили станцию! Сами будут убирать в волости урожай! И заберут весь хлеб, до зернышка, — голод вас ждет, мужики!

Тимошинские крестьяне побежали в свое село, а слухи, все более тревожные слухи, опережая тимошинцев, поползли по волостям Меленковского уезда, пугая крестьян несправедливостью и близящимся голодом.

В Бутылицах ударили в колокола. Площадь перед волисполкомом загрохотала. Крестились на церковные купола, галдели, кричали, били оземь картузами — будоражили и без того взбудораженный слухами человеческий муравейник. Как же: и бедные и богатые, и лошадные и безлошадные — каждый засеял свой надел, с него и кормились и одевались. Хлебушком жили. И на тебе! Явились большевики с винтовками, оберут до зернышка — ложись и помирай!

Обстановка все более накалялась. Сазанов выглядел из-за шторы, радовался: еще плеснуть масла в огонь — пожар!

Вышел Сазанов на исполкомовское крыльцо — галдеж усилился, Сазанов замахал бумагой, призывая к тишине. Дождлся, когда утихнут последние возгласы, и стал читать, выкрикивая каждое слово:

— «Выписка из протокола общего собрания Ляховской волости по продовольственному вопросу.

Заслушав и обсудив декрет Центрального Исполнительного Комитета от 13 мая с. г. о продовольственном деле, волостное собрание на заседании своем постановило: означенный декрет не исполнять... Категорически требую свободных закупок и вывозов хлеба...»

Чем дальше читал Сазанов о решении, принятом в Ляхах, где верховодили эсеры, тем более устрашающая, готовая к взрыву тишина устанавливалась над толпой. Только кончил читать Сазанов — на крыльцо взбежал известный в округе богач, скототорговец Иван Лушин, тяжелый, упитанный человек с красной, могучей, как у быка, шеей.

— Граждане! — закричал он зычным басом. — Дольше терпеть будем?! Кто ни вздумает, устанавливает свои законы! Разве дозволим, граждане, отнимать свое, кровное?! Не дозволим!..

И взорвалась площадь. Кто-то выламывал из изгороди колья, кто-то бежал за ружьем, а кто-то доставал припрятанную до поры винтовку. Проныра и шустряк, знакомый бутылинцам скандальным характером, Иван

Шебакин звал «заарестовать» начальника волостной милиции — и вот уже ташили к волисполкому со скрученными руками милиционера, подталкивая в спину прикладом у него же отобранной винтовки.

3

«Ну началось! Заварилась каша!» — радуясь, думал Сазанов, покинув под шум волисполком и направляясь к дому бутылничьего священника отца Красовского, где собрались и ждали его важные гости.

В теплой горенке, куда матушка подала чай, сидели вокруг отца Красовского бывшие участники муромского мятежа особоуполномоченный Меленковского комитета правых эсеров Царьков и ближайший помощник руководителя мятежа Сахарова поручик Дубенской. По правую руку от хозяина дома восседал подтянутый, седой, интеллигентного вида бывший помещик, престарелый полковник в отставке Беляев.

Когда пришел Сазанов, первым взял слово особоуполномоченный Царьков. Молодящийся мужчина, с благообразным лицом, любивший покрасоваться перед публикой, в этот раз говорил сухо:

— Товарищи! — Но, увидев, как скривились губы у отставного полковника и как передернул плечами поручик Дубенской, тут же поправился: — Господа! Мы не можем стоять в стороне от событий, мы должны возглавить народное движение, направить его ...э...э... как бы сказать, в русло. То, что не удалось в Муроме. Здесь мы имеем э... э... совсем другую картину. Поднялся мужик, мужик — это, господа, не городской обыватель, он за хлеб, извините, зубами будет э... э... перегрызать глотку. Общая цель — объявление всего уезда свободным от большевистского засилья и назначение новой власти. Мы начнем, а там, дай бог, движение перекинется на другие уезды, на губернию в целом, э... э... возможно, на другие губернии...

Затем выступали остальные. Говорили об оружии, о разборке железнодорожного полотна в сторону Москвы, об объединении разрозненных мужицких выступлений и так далее. Военное руководство мятежом было возложено на поручика Дубенского. Последним выступил Сазанов:

— Господа! Только без этих, как их... эксцессов. Ваше дело тут, можно сказать, стороннее, а мне...мне тут жить.

Его поддержал отец Красовский:

— Не убий, да не свершится грех тяжкий.

— Да-да, конечно, — скороговоркой промолвил и Царьков.

Отставной полковник Беляев, соглашаясь, закивал, встряхивая седой головой.

Поручик Дубенской по своей солдатской привычке отрубил:

— Там уж как выйдет. На войне как на войне. — И решительно поднялся, готовый к действию.

Дубенской не стал хитрить еще и потому, что видели все собравшиеся, говоря об избежании эксцессов, лицемерят. Для них, как и для него, сына помещика, все мужики — это «быдло». И те, что стояли за «коммунию», и те, что теперь бунтовали, — все они «быдло», и все они, все: и бедняки, и так называемые справные — в девятьсот пятом году сообща сожгли имение его отца.

«Лицемерите, господа, — думал поручик Дубенской, оглядывая державшихся уклончиво заговорщиков. — Прекрасно понимаете, господа, что мы с вами откупориваем бутылку с джином в лице собственника-кулака, самого свирепого из всех джинов... Не убий, да не свершится грех тяжкий?.. Нет уж, господа, на войне как на войне».

Добравшись до своего села, тимошинские спекулянты начали истошно орать:

— Православные! Люди добрые! Ограбили!

Когда подводы подошли к сельсовету и остановились, толпа загрохотала всю прилегающую площадь. Начался стихийный митинг. Особенно усердствовали богатые мужики, спекулировавшие хлебом.

— Миром идти на Бутылицы! — призвал бывший волостной старшина Рябиков.

В толпе то там, то здесь стали появляться люди с ружьями, с топорами, вилами, а то и просто с кольями, выдранными из ближайших плетней. Вскоре под предводительством Рябикова и бывшего городского Хорошева взбудораженная толпа двинулась на Бутылицы.

В ближайшем на пути к Бутылицам селе Синжаны — снова митинг. Здесь инициативу перехватили в свои руки местные богатеи Аладышев, Колпаков, Конин, Чернов.

— Гонцов, гонцов послать! — кричал толстомордый Аладышев. — Поднимать народ надо! Покончить с этой властью!

Из Синжан были посланы конные гонцы в окрестные

деревни и села — Коровино, Данилово, Верхоунжу, Архангел — и в соседние волости — Урвановскую, Папулинскую, Заколпскую. Гонцы получили наказ: поднимать всех под угрозой лишения надела земли. По пути к Бутылицам горланившая толпа все больше разрасталась. Особенно воинственными криками будоражил людей предводитель мужиков из деревни Яселево, бывший лесопромышленник Афанасий Брусков.

Возле деревни Вичкино разросшейся толпе встретился небольшой обоз, сопровождаемый двумя красноармейцами. Обоз направлялся в Меленки, возы были загружены мешками с зерном.

— Земляки! — закричал Брусков. — Хлебушек наш увозят! Комиссаров кормить! Не позволим, мужики! Не отдадим!

— Хлеб казенный, — отвечали красноармейцы. — Не подходи!

Орущая толпа надвигалась, красноармейцы выстрелили в воздух — и тут же были обезоружены. А Брусков неожиданно для всех в упор выстрелил в красноармейца, тот упал. Второй красноармеец бросился бежать к лесу.

— Держи! Лови! — закричал Брусков и кинулся вслед.

Красноармейца догнали, начали избивать чем попало.

— Закопать их! Закопать — и концы в воду! — командовал Брусков. — А хлебушек мы поделим.

Яму выкопали наспех, кое-как, приволокли красноармейцев, бросили в яму, красноармейцы были еще живы — орудовавшие лопатами мужики замешкались.

— Негоже так, живьем закапывать, — проговорил один из них, глядя на Брускова, и бросил лопату.

— Вот еще! — выкрикнул Брусков. — Некогда с ними цацкаться! — И, схватив лопату, стал яростно забрасывать землей стонавших красноармейцев.

— Это чего же мы, братцы, творим? — громко спросил тот, чья лопата оказалась у Брускова. — Солдаты — такие же мужики, как мы! Ни в чем не повинны, а мы порешили их самосудом да закапываем живьем!

Брусков ощерился:

— А тебе приказ нужен? Так я... — И замахнулся на мужика лопатой, но сзади лопату удержали. Брусков оглянулся: за его спиной стояли крестьяне с хмурыми, решительными лицами.

— Бунт, значит?

— А как хошь понимай. Атаман выискался, едрена

мать! — выругался тот, на которого Брусков замахнулся лопатой. — Повертай назад, мужики! — сказал он твердо. — Несподручно нам такое.

Большая толпа отделилась от общей массы и повернула обратно. Брусков, вначале было оробевший, крикнул вдогонку:

— Вы еще попомните меня, гужеды!

В селе Архангел, куда Брусков привел поредевший отряд, возле сельсовета шумела толпа, а с другого конца села к толпе двигалась телега, сопровождаемая красноармейцем.

— Вот еще один! — закричал Брусков. — Хватай его, мужики!

Красноармейца разоружили.

— Связать его и под арест! — сказал председатель местного сельсовета Костин.

Толпа угрожающе загудела, а красноармеец неожиданно рванулся из рук мужиков и бросился бежать в сторону речки.

— Пали! Пали! — закричал Брусков. У Брускова была винтовка с боевыми патронами, и он первым выстрелил.

Поднялась пальба из ружей. Красноармеец споткнулся, но все же добежал до Унжи, перебрался на другой берег, там упал.

— Живой ведь! Живой! Очухается — уйдет! — кричал Брусков.

— А это мы его счас, — выискался сын Брускова, двадцатилетний балбес Иван. — Дай-ка мне, папаня, винтовку.

На виду у всех балбес перешел неглубокую Унжу и, не раздумывая, выстрелил красноармейцу в голову.

Звали того красноармейца Иваном Кирюшиным.

4

А в самих Бутылицах все еще звонили в колокола и митинговали у здания ВИКа, когда подросли орущие толпы из других сел и деревень, и бунтовщики двинулись к железнодорожной станции.

Путь им преградила жиденская цепочка красноармейцев. Впереди стоял Прохор Жегалкин. Он ждал. Из толпы должен был кто-то выйти. Должен был кто-то что-то сказать, и тогда он, Жегалкин, ответит как уполномоченный уездной власти.

Но никто не вышел к Жегалкину. Задние напирали — толпа с гулом надвигалась. Кто-то взвизгнул, завопил — толпа с криком ринулась, смела красноармейцев, началась кровавый самосуд.

Прохора Жегалкина зарубили топором, других красноармейцев убивали чем попало — прикладами, вилами, кольями, а двоих, Василия Сдобного и Сергея Иванова, привязали к деревьям и сожгли.

В Бутылицах, как и возле деревни Вичкино, зверская расправа вновь отрезвила многих. Как только упал окровавленный Прохор Жегалкин, тысячная толпа ахнула — бросились врассыпную, остались лишь озверевшие зачинщики, которым терять уже было нечего.

Они-то и разгромили станцию. Начальника станции не нашли, вытащили на перрон телеграфиста Потапова, избили, но оставили живым, не зная о том, что это он послал тревожную депешу о бунте, подписав ее своей фамилией Потапов, которую телеграфный аппарат отстукал словом «потоп...».

5

А в доме попа Красовского продолжал заседать штаб «народного движения». Не было только отставного полковника Беляева. Сославшись на нездоровье, он сел в свою фасонную пролетку и укатил домой. Не было и Сазанова, который, как выразился поручик Дубенской, был «командирован непосредственно на театр военных действий».

Но вот Сазанов появился в дверях. Он трясся, был бледен. Заикаясь, прокричал с порога:

— Я п-предупреждал, в-вас господа!... Эт-то неслыханно!... С нас всех п-поснимают головы!...

— Успокойтесь, Сазанов, — подступил к нему Царьков. — Чем причитать по-бабьи, лучше расскажите толком, что там произошло, ведь мы вас командировали туда...

— Т-там!... Т-там убийства, господа! Убийства! — простонал Сазанов. — Там, господа, зверства! Живых людей жгут!

— Да, такие картинки не для женщин, — хладнокровно сказал поручик Дубенской. — Но, с другой стороны, чего же вы ожидали, господа? Дипломатических переговоров? Лобызаний?

— Оставьте, поручик, свои нравоучения, — бросил не-

довольно Царьков. — Тем более здесь неуместен юмор. Нам надо выработать линию... в данной ситуации.

— Линия одна, — опять съязвил поручик, — позаботиться о собственных головах, чтобы их, как изволил выразиться господин Сазанов, не поснимали с плеч.

— После Муромы вы, кажется, имеете опыт, господин поручик? — парировал Царьков. — Так, может, поделитесь?

— Вы, господин социалист-революционер, — сказал Дубенской раздельно, — тоже, слава богу, уцелели. А ведь это вы с вашей компанией основали так называемый комитет содействия муромскому предприятию. Впрочем, комитет не столько содействия, сколько бездействия. Там, где нужно стрелять...

Он не окончил фразу, потому что со стороны Меленковского тракта явственно донеслась пулеметная стрельба. Стреляли, без сомнения, из пулеметов, а у мятежников пулеметов не было.

— Однако ж, господа, — проговорил Дубенской, — не кажется ли вам, что нам пора расстаться до будущих, более благоприятных времен? Говоря проще, пора сматывать удочки, господа...

6

Не прошло и получаса после получения странной этой депеши: «Бутылицах бунт потоп...», как из Меленок выступил отряд красноармейцев, вооруженный винтовками и двумя тяжелыми пулеметами. Командовал отрядом помвоенкома Иван Захаров. Павел Смелов руководил всей операцией, так как к Бутылицам одновременно с ними должны были прибыть по железной дороге отряд чоновцев из Москвы и отряд добровольцев из Мурома.

Захаров и Смелов ехали впереди отряда в старом уиковском автомобиле с открытым верхом, Смелов достал из нагрудного кармана только что врученный ему военкомом Малышевым мандат.

Прочитал: «Предъявитель сего председатель уездной Чрезвычайной комиссии и член уездного Военно-революционного Совета товарищ П. Д. Смелов уполномочен принимать самые беспощадные меры к врагам революции, вплоть до расстрела на месте, рассеивать ружейным и пулеметным огнем...».

Перечитал еще раз, подумал: «Неужто придется при-

менять такие полномочия? Неужто опять, как недавно в Муроме, зверствует кулачье?..

Богачи, белогвардейские офицеры обманут мужиков, напугают выдумками о большевиках, застрашают расправой от своих и — взбунтуют и поведут несознательную массу против народной, еще не окрепшей власти...

И что делать? Выждать, когда мужики образумятся, а пока пусть громят комбеды, большевистские Советы, убивают, грабят, мародерствуют?..

Нет, не для того сбросили царя с престола! Революции нужен порядок! Власть есть власть! Без этого не справиться с разрухой, голодом, не начать строительство новой жизни!»

Примерно так думал Павел Смелов, пряча в карман чрезвычайный мандат, обычный в то тяжкое для молодой Советской власти, взрывное время.

На полпути из Меленок в Бутылицы отряду Смелова повстречалась беспорядочная толпа крестьян. Увидев красноармейцев, мужики упали на колени.

— Не прикажи казнить! — кричали из толпы. — Не по доброй воле мы.

Они были безоружны и не походили на мятежников. Один старик, на голове которого, несмотря на июльскую жару, боком сидел заячий малахай, глядя ясными, почти детскими глазами в лицо Смелова, сказал:

— Поспешайте, сынки. Мертвых-то уж не воскресить, а кровососов пымайте и казните лютой казнью!

Услыхав насчет мертвых, Смелов нахмурился, что-то тяжелое толкнулось ему в сердце. Он спросил:

— Кто — мертвые?... Красноармейцы?

— Всех до одного порешили, командира первого, — печально сказал старик.

Мужиков отпустили с миром, а дедка в заячьем малахае Смелов взял к себе в автомобиль.

— Расскажи, отец, как было? Тебя как звать-величать-то?

— Гороховский я, Кочубеев Иван, отца звали Митрием. А лютовал-то в Бутылицах богатей Гришка Бункин. Бункины-то скотом торговали, их новая власть поприжала, однако сам Гришка в активистах сидел в волсовете. Он, Гришка, и порешил красного командира.

«Эх, Жегалкин, Жегалкин, — подумал с болью Смелов. — Добрый, молчаливый исполнительный Жегалкин!.. Все говорил: требуется. Вот и потребовалось умереть на боевом посту... А мы не успели на выручку, чуть-

чуть не успели! Прости нас, Прохор! Простите, ребята!»
— Ты-то как попал в эту кашу, Иван Митрич? — спросил он сурово деда. — Или тоже раньше скотом торговал?

Старик посмотрел на него своими ясными глазами, сказал простодушно:

— В спину винтовкой будут ширять, дак и ты б пошел, куды денешься. А насчет скота верно, ты угадал, есть скот, как же: серый кобель да черный кот. Кот, однако, сбежал — мышей не стало. Хлебушка нет, так и мышам на дворе делать нечего.

«А шел на Бутылицы вместе с богатеями! И другие, такие же, как ты, шли!.. — хотел крикнуть Смелов, но сдержал гнев. — Шли и убивали. А нам что же остается делать, защищая революцию?.. Чрезвычайный мандат и винтовка нам пока требуются!»

— Хорошо бы успели вовремя ребята из Муромы и из Москвы, — сказал Захаров, наклоняясь к Смелову. — Заметил, в Бутылицах, как и в Муроме, не просто бунтуют — убивают зверски. Может, и тут приложили руку поручик Дубенской да Царьков — скрылись из Муромы и вот объявились?

— Может быть, может быть, — согласился Смелов. — Не успели мы — ребят жалко!

— Только бы чоновцы подоспели да из Муромы!... Ударим с трех сторон — за все гады поплатятся!

— Поспешайте, сынки, поспешайте, — поддержал дед. — Казните злодеев лютой казнью.

Чекисты, как оказалось, опасались не зря. Накануне Царьков и Дубенской ездили вдоль железной дороги в сторону Москвы. В селе Борисово нашли подходящего человека, выпивоху и скандалиста Сергея Горунова, который за сущий пустяк — четверть самогона — обязался разобрать путь в районе станций Добрятино и Заколпье. Четверть самогона Горунов получил, сговорил двух своих дружков, но, когда они явились в Добрятино и начали орудовать ломami, набежали добрятинские мужики, представители местного Совета, начальник станции, ломы у них отобрали, а самих заперли, впредь до вытрезвления и разбирательства, в сельскую кутузку при Совете.

Все три одновременно подошедших отряда с ходу вступили в бой. Мятеж был подавлен.

Тела замученных красноармейцев были похоронены в общей могиле, им были отданы последние воинские по-

чести. Отправив в разных направлениях небольшие отряды для преследования и поимки мятежников, Смелов обосновал свой штаб в кабинете сбежавшего предвика Сазанова и возглавил следствие и суд. В данном случае ЧК использовала свои полномочия непосредственно на месте расправляться с контрреволюционерами в чрезвычайных обстоятельствах.

А обстоятельства были таковы, что едва подавили чекисты мятежи в Муроме, затем в Бутылицах, как пришлось Павлу Смелову, снова наделенному чрезвычайными полномочиями, скакать во главе конного отряда в Урваново, где местные богатеи братья Кузякины, Иван Волкодавов да Петр Базов вместе с двумя неизвестными, ряженными под странников, подбили мужиков на бунт. Был разгромлен волисполком и пункт всеобуча, откуда мятежники похитили двадцать винтовок с патронами и разбежались.

И снова, как в Бутылицах, Павел Смелов создал чрезвычайную комиссию для расследования, суда и немедленного исполнения приговора...

В самом конце 1918 года Смелов вместе с другими меленковскими большевиками добровольно отправился на Восточный фронт. По окончании гражданской войны вернулся в Меленки, весь в отметилах, шрамах, и долго не прожил.

На братском кладбище в городе Меленки благодарные потомки установили памятник павшим защитникам революции. Среди двадцати имен, выбитых на граните, значится имя П. Д. Смелова. И поныне пионеры возлагают к памятнику цветы — символ жизни.

КРУШЕНИЕ «ЧЕРНОГО БАРОНА»

Весной 1945 года меня, руководившего в то время одним из подразделений Владимирского областного управления госбезопасности, вызвал к себе начальник.

— Дело вот какое, Павел Александрович, — сказал он. — В одном из районов Прибалтики, освобожденном от оккупантов, действует созданная немецко-фашистской разведкой шпионско-диверсионная организация. Сначала диверсанты распространяли антисоветские листовки с призывом к населению совершать диверсии, убивать партийных и советских работников, офицеров Советской Армии, теперь они переходят к действиям. Есть основания полагать, что эти люди не просто ослеплены ненавистью ко всему советскому, но хорошо обучены для совершения диверсий и вооружены.

После паузы продолжал:

— Местные органы там только-только начинают развертывать работу, а у нашей фронтовой контрразведки хватает и других дел.

— Нужна помощь? — спросил я.

— Да. И немедленная. Приказ подписан. Вам надо выехать в Прибалтику, где совместно с отделом контрразведки указанной в предписании дивизии организуйте работу. Вам даются большие полномочия. Задача — выявить организацию и пресечь ее деятельность. Желаю успехов.

Вечером того же дня я был в Москве, а в полночь уже сидел в вагоне поезда «Москва — Рига».

Теперь до Риги можно доехать за шестнадцать часов, тогда поезда тащились двое суток. У меня было время наглядеться на картины разрухи, оставленной врагом в населенных пунктах, расположенных у железной доро-

ги, где бои шли особенно упорные, было время и подумать.

Миновали Резекне. За окном пошли картины, мало похожие на те, что мелькали за окнами несколько часов назад у Великих Лук или Новосокольников. Не было сел и деревень, какие мы привыкли видеть с детства, вместо них, среди полей и перелесков, стояли одинокие хутора. На это обратили внимание и другие пассажиры, впервые ехавшие в Прибалтику. Одна словоохотливая женщина, помню, сказала:

— Скучно живут. С утра до вечера только своя семья да скот. Ни горем поделиться, ни радостью с соседом. И так изо дня в день — осточертеет!

— Эти хуторяне, как правило, неразговорчивы, — заметил другой пассажир.

Для моих соседей по купе нашелся повод поговорить о нелюдимом характере хуторян, а меня эти хутора вынудили вносить существенные поправки в планы, которые я обдумывал под стук колес. Ведь на любом подворье может быть хорошо замаскированный тайник. Это значительно усложняло задачу, сформулированную начальником управления предельно сжато: «Выявить и пресечь».

Отдел контрразведки, куда мне предписывалось прибыть, размещался в двухэтажном здании.

— Ждем, ждем, вас, товарищ Легаев, — сказал начальник отдела контрразведки, проверив мои документы.

— С чего начнем? — спросил я. — Какими сведениями вы располагаете?

— Сведения крайне скудные, — услышал в ответ. — По характеру диверсий без труда можно сделать вывод, что в шпионско-диверсионном подполье действуют люди из числа тех, кто готовился фашистами на этой территории в двух разведшколах. Втягивают в свою организацию местных националистов. Других сведений у нас пока нет.

— Начинать, выходит, придется с нуля?

— К сожалению. Но, зная о вашем прибытии, товарищ Легаев, мы пригласили сегодня на совещание руководителей местных партийных и советских органов. Их очень беспокоит активизация профашистских элементов.

— Без них, без этих людей, нам, конечно, с задачей не справиться, — сказал я, обрадованный тем, что сегодня же увижу тех, с кем предстоит совместно работать.

После совещания обстановка в районе для меня про-

яснилась. Оказалось, что партийные, советские органы настойчиво разъясняли населению политику и основные законы Советской власти. Среди населения проходило резкое размежевание. Враждебные элементы усиливали свою деятельность, угрожали партсовработникам расправой — по телефону, в письмах, в листовках, написанных от руки, отпечатанных на пишущих машинках и даже в типографии. Те, кто в период фашистской оккупации ничем себя не запятнали, считали своим долгом сообщать властям о фашистских приспешниках, помогая поиску преступников.

Так вскоре мы вышли на Роберта Буртиса, проживавшего на своем богатом хуторе в тридцати километрах от Риги.

Отец Буртиса умер перед войной, оставив единственному наследнику, Роберту, довольно крупное хозяйство, которое сын сумел сказочно быстро превратить в кулацко-помещичье подворье. На месте старого, отслужившего свой век дома и надворных построек Роберт поставил двухэтажный дом с башнями, окружив его ажурным забором из красного глазурованного кирпича и керамики. Земельные владения непомерно расширил за счет других, разоренных хуторян, которых принудил работать на той же земле, но уже в качестве своих батраков.

Отметив про себя, что последнее обстоятельство делает Буртиса в борьбе с Советской властью уязвимым, я тщательно изучил все сведения, характеризующие Роберта Буртиса. Вот они. Роберту тридцать семь лет, черноглазый, брюнет, что не совсем типично для латыша, высок ростом, строен, красив, пользуется успехом у молодых вдов и девушек. В начале Отечественной войны был призван в Красную Армию и направлен на фронт. В конце сорок первого оказался в плену. Очевидно, сдался добровольно, потому что в том же году был отпущен домой. Фактов, подтверждающих сотрудничество его с немецкими оккупантами, тогда не было, но из того, что он преумножил свое богатство именно в период оккупации, можно было сделать предположение, что такой человек вряд ли обрадовался восстановлению в республике Советской власти.

Однако нужны были не догадки и предположения, а факты, улики. А вот и они. В имение Буртиса, соблюдая предосторожность, наведываются неизвестные лица. Кто и зачем ходит к Буртису по ночам? Выяснить это мог помочь кто-нибудь из тех, кого Буртис закабалил,

превратив в батраков. Не могло же быть одинакового отношения к Советской власти у хозяина хутора и у тех, кто гнет на него спину.

Впервые я увидел Роберта Буртиса в бинокль.

Рассматривал дом издали: флюгер в виде петуха, залетевшего на шпиль башни; фундамент, сложенный из голышей; парадный подъезд, боковой фасад. На солнце сверкают разноцветные стекла. Их много — и в круглых окнах башни, и в верхнем ярусе сплошь застекленной веранды. За ажурной оградой, сверкающей бликами, по одну сторону — аккуратно подстриженный кустарник, дорожки, клумбы, на которых начинают зеленеть зимние цветы, а по другую — открытая поляна, за ней дикий кустарник и лес. Было безлюдно и тихо. Но вот из дома вышел мужчина. Высокий, в свободном свитере крупной ручной вязки, в гольфах. По осанке, по имевшемуся описанию я узнал его: Буртис. Он подошел к турнику, ухватился за перекладину и несколько раз легко, в хорошем темпе подтянулся. Мне показалось даже, что он скосил взгляд в мою сторону. Я замер. Нет, это только показалось, он спрыгнул и ушел в дом. Минут через десять появился во всем черном, с плетью в руках. На нем были хромовые сапоги, брюки с леями, хромовая куртка с молниями, кожаный картуз с высоким околышем и козырьком, выдвинутым вперед, как у жокеев. Он хлопнул плетью — работник тут же подвел к нему оседланного рыжего жеребца в «чулках». Буртис пружинисто поднялся в седло. В это время на крыльцо выбежала белокурая женщина, прижалась щекой к ноге Буртиса, он махнул ей рукой и, не оглядываясь, поскакал за ограду.

На другой день я уже беседовал с тем человеком, который подвел Буртису коня. Это был Имант Озолс. Мы его вызвали официально для объяснений по поводу уклонения от трудовой повинности. В районе восстанавливали дороги и мосты, разрушенные во время боев. На эти работы по решению местного Совета привлекалось все трудоспособное население.

Имант явился точно в указанное в повестке время. Передо мной сидел типичный беловолосый латыш, лет сорока, худой, руки натружены, по-русски говорит с чуть заметным акцентом. Уклонение от трудовой повинности объясняет плохим здоровьем. По этой причине он был освобожден и от службы в Красной Армии. Вообще-то он хотел бы поработать вместе со всеми, но хозяин не разрешил, сказав: «Раз есть справка от врача, что ты не

годен на тяжелые работы, то и нечего ходить. Успеешь еще на них поработать».

Имант по-своему давал мне понять, что особой любовью к хозяину своему не пылает. Однако действовать надо было осторожно. Может, хозяин попросил Иманта прозондировать, с какого боку местный Совет интересуется Робертом Буртисом.

— Расскажите про своего хозяина. Как он вел себя при немцах? Чем занимался?

Имант посмотрел на меня испытующе. Он явно оценивал: тот ли я человек, с которым можно откровенничать.

— Вы и без меня знаете, как он вел себя при немцах.

— Знаем, конечно, но вы были с ним рядом.

Собеседник мой сразу насторожился. Должно быть, подумал: «Как бы меня с хозяином не повязали одной веревочкой». Торопливо отрезал:

— Я в его делах не участвовал.

— Нам это известно. Да и трудно представить себе кулака с батраком в одной упряжке. Хотя иногда бывает и такое. Батраки дают себя обмануть. Но Имант Озолс не из таких. Мы это знаем. Полагаю, и вы знаете, что Советская власть с первых дней опиралась в городе — на рабочих, в деревне — на батраков и бедняков.

— Знаю.

— Время Буртисов прошло. Теперь вы — опора власти.

— У меня с Буртисами свой счет, — сказал Имант. — Они убили мою мать и двоюродную сестру Эрику.

— Убили?

— Да... У нас с отцом была своя земля. Плохая — камень на камне... А когда хлеб побилло градом, Буртисы пообещали выручить... Купили хутор по дешевке и самих взяли в придачу — батрачить. Вот тут Роберт и обольстил Эрику, обещал жениться, а потом Буртисы выгнали ее... Эрика утопилась, а моя мать с горя зачахла и умерла.

— Страшные люди...

— И за свое держатся! — обрадованно и зло сказал Имант. — Я, знаете, обрадовался вызову к вам! А то как прийти? К кому? Но я должен знать, с кем разговариваю? Какая за вами сила стоит?

Я сказал.

— Та сила далеко, — возразил Имант. — Ведь Буртис не один, и у них не пустые руки.

— А не рассказывал Буртис, как оказался в плену? — спросил я. — И почему немцы его отпустили?

— Зачем ему воевать против немцев, если он их ждал. Сдался при первом случае. Сам рассказывал. Вернулся на хутор, а к нему немецкие офицеры зачастили. Роберт — ленивый из ленивых; пока за отцом жил, только кутил с бабами, а при немцах вдруг изменился — и днем и ночью гонял на мотоцикле по хуторам. По целой неделе не бывал дома. Приедет измотанный, спать завалится, даже не помывшись. О бабах месяца три не вспоминал.

— Он женат?

— Нет. Қотует.

— А кто эта блондинка, которая вчера провожала его у крыльца?

Имант взглянул, словно произнес: «О, вы о нем уже кое-что знаете!» Вслух сказал:

— Таких жен у него много. Это Эрна. Верит, глупая, что Роберту за особые заслуги дадут звание барона. А она, значит, будет баронессой.

— Поясните, что значит: «У них не пустые руки»?

— Есть пулеметы, автоматы-карабины, много патронов, гранаты, взрывчатка.

— Где это все?

— Спрятано в конюшне и за погребом. Есть еще комната, в которую хозяин никого не пускает, даже Эрну. Ключи хранит у себя. — Он обвел взглядом помещение, в котором мы вели разговор. — Вот такая комната.

— Что там может быть? Оружие?

— Не знаю.

— Сам он ходит туда?

— Ходит. Қогда ночью приезжают к нему, обязательно ходит. Чего-то выносят из этой комнаты в сумках.

— Возможно, листовки?

— Пожалуй, — согласился Имант.

— А машинка пишущая у него есть?

— Есть, даже две. Стояли в кабинете. Недавно перенес в ту самую комнату.

— Что за люди бывают у хозяина?

На этот вопрос Имант ответить не смог. Ходят эти люди ночью. Стучат по-условному: три-два-один. И еще раз: три-два-один. Стучат в окно каморки, где живет Имант. Он подходит к окну, ему показывают черно-зеленую бирку, величиной поменьше игральной карты. Тогда он идет открывать и проводит ночного гостя к хозяину.

— В лицо я не знаю всех, а кто они такие, на них не написано. Хотя вру, — поправился Имант, — на одном написано. Когда показывал бирку, я заметил на руке наколку: «Петя». А на груди — ночь была душная, рубашу он распахнул — на груди у него орел.

— Раньше не встречали этих людей?

— Нет.

— Их много?

— Наверно, человек тридцать будет. Буртис у них за главного.

— Это вы предполагаете или точно знаете?

— Знаю точно. Немецкий офицер его назначил. Буртис хотел было удрать с ними. А тот сказал: «Вы нам здесь нужны. Мы еще вернемся». Этот офицер приехал на грузовике. С ним было три солдата. Они оставили ящики и много картонных коробок. Коробки солдаты сложили в той комнате, куда Буртис никого не пускает. Ящики хозяин приказал мне закопать, а сам сел с офицером в кабину и куда-то поехал. Перед этим офицер ему сказал: «Сейчас я тебя познакомлю с надежными людьми. Учились в нашей школе. Будут в полном твоём распоряжении».

— А как вы узнали, что находится в ящиках?

— Закапывал я их один. Конечно, посмотрел.

Иманта интересовало: как мы будем действовать? Не поторопимся ли взять одного Буртиса? Он понимал, что в таком случае соучастники хозяина могут с ним расправиться, как с виновником провала.

— Одного брать глупо, — сказал я. — Постараемся захватить и других. И я надеюсь, вы нам в этом поможет?

— Помогу, — сказал он не колеблясь, и даже с видимым облегчением. — Одного взять — только спугнуть.

Самым лучшим было бы накрыть их во время очередного собрания, но Имант не знал, когда они соберутся. По его сведениям, такое собрание уже было недавно.

— Я им чай подавал, один кричал при мне: «Чем мы занимаемся? Пугаем предателей?» Так они называют коммунистов, — пояснил Имант. — «Расклеиваем и бросаем «листочки». У них таким делом пионеры занимались. Я под Гродно сам прикончил двух таких оборванцев». Тут его другой перебил: «А мост и пекарню уничтожили — это «листочки», по-вашему?» Дальше я слушать не мог. Один так крикнул, так повел глазом в мою сторону — пришлось уйти.

И про мост, и про пекарню я знал. Мост только что восстановили, а он внезапно обрушился незадолго до моего приезда. Диверсия не вызывала сомнения, а пожар на пекарне произошел при мне, у местных властей сразу возникли трудности в снабжении населения хлебом. Это наводило на мысль об умышленном поджоге, но специалисты определили, что загорание произошло из-за скопления сажи в дымоходах. Огонь, вспыхнув в трубе, проник сквозь трещины, образовавшиеся в кладке. Что бы это значило? Или пожарники ошибались, или начинающий диверсант записал в свой «актив» случайный пожар, чтоб отчитаться перед начальством? Хозяин требует работы, а тут случай — и вот, мол, я тоже не сижу сложа руки. А может, так ловко сработано, что пожарные эксперты не смогли отличить поджог, скажем, на чердаке, у этих дымоходов, от случайного загорания?

С Имантом мы договорились, когда и где встретимся и как он должен действовать в непредвиденных обстоятельствах. Имант отправился на хутор, а я к начальнику контрразведки. В голове уже складывался план пресечения действий Черного Барона (так мы стали называть Бургиса).

— План ваш хорош, Павел Александрович, — сказал, выслушав меня, начальник. — Но для его осуществления потребуется много времени, а его у нас нет. — Он открыл ящик стола, достал листовку и подал ее мне. — Читайте.

На тыльной стороне листа были следы клея. Текст, отпечатанный на машинке, угрожал расправой председателю местного Совета, если председатель не прекратит мобилизацию населения на восстановление дорог и мостов. Перечислялись все члены его семьи, которые будут также истреблены, если он не выполнит ультиматума.

— Знаешь, где висела? — спросил начальник отдела. — На двери его кабинета.

— Обнаглели!

— До предела. Так что в ваш хороший план придется вносить поправки.

Решили прежде всего разыскать Петра с наколотым на груди орлом. Приметы, сообщенные Имантом, были надежные. Они помогли чекистам довольно быстро установить местонахождение Петра, и так как он уклонялся от трудовой повинности, то мы его пригласили для объяснений по этому поводу.

Помню, был теплый апрельский день, в окно наносило горьковатый дух цветущей черемухи. Я, просматривая

оперативные материалы, ждал Петра. Наконец появился мужчина лет тридцати пяти, шатен, среднего роста, волевой, решительный. Верхние пуговицы клетчатой рубашки расстегнуты, на загорелой коже видна голова наколотой птицы — он! Наколку на руке прочесть не успел, но там, над большим и указательным пальцами, что-то синело. Документы в порядке.

— Почему вы, Петр Матюшкин, не выполняете постановление местного Совета?

— Какое?

— О трудовой повинности.

— А-а, это... Некогда, знаете.

— Чем вы так заняты?

— Да все время ищу работу. — Улыбается, взгляд независимый. — Работу найти, конечно, не проблема, но я хочу устроиться по специальности.

— Какая у вас специальность?

— Перед войной я закончил авиамеханический техникум.

Рассказывает, где он был в поисках работы, а сам то и дело вскользь задает мне вопросы: мол, знаете это учреждение? Или: бывали на этом предприятии? Чувствуется, что сам в обстановке ориентируется прекрасно. Видимо, понял, что беседует с ним чекист.

— Войне скоро конец. Поэтому хочется устроиться основательно. Хватит, попетлял. Я хоть и русский, но родился и вырос в буржуазной стране. — Смотрит, какое впечатление произвели его слова. Не заметив на моем лице умиления, слегка стушевался. — Плохо соображал что к чему и за это поплатился: в сороковом году схватил два года лишения свободы.

— За что?

— За хулиганство. Дурак был.

— В Красную Армию призывались?

— В тридцать девятом нет.

— Почему?

— Я же говорю: отбывал наказание. Призвали меня в сорок первом, когда освободился. Воевал недолго. В сорок втором оказался в плену, — признался Матюшкин и посмотрел, явно желая узнать, известна ли нам эта страница его биографии.

— Об этом периоде вы расскажете позже. — Тут по моему сигналу вошел оперативный работник. — А теперь вспомните, кто и когда вас познакомил с Робертом Бургисом?

Матюшкин едва заметно вздрогнул. Фальшивого удивления разыгрывать не стал. Посмотрел пристально на меня, на сержанта, застывшего у порога, сказал вяло:

— Ясно... Дело проиграно. Отведите меня в камеру. Я должен собраться с мыслями.

Работы у нас было много. И хотя солнце вставало рано, а вечером светило долго, все равно дня не хватало, приходилось его удлиннять за счет ночи, отдыхая урывками. Сотрудники отдела, когда выпадал свободный час, шли на веранду, где стояли три медицинские кушетки, и там, едва успев снять сапоги, валились запертво. В тот день и я, доложив начальнику отдела контрразведки о первом разговоре с Матюшкиным, решил отдохнуть. Спал чутко. В приоткрытую дверь услышал, как дежурный с кем-то советовался: «Как быть-то? Этот опять стучит. Молотит в дверь кулаками—страшная сила! Будить Павла Александровича или пусть поспит? Недосонков у него накопилось много».

— Будить, будить! — сказал я, догадываясь, что в дверь камеры колотит Матюшкин: требует вести его на допрос. Сейчас самое время с ним поговорить, а то вся откровенность перегорит.

— Хотел попросить бумаги, — сказал Матюшкин, сев на предложенный стул, и вытер внезапно вспотевшее лицо.

— Пожалуйста.

— Нет, лучше так. На бумаге слово мертвое.

— Слушаю вас.

— Я очень ясно осознаю свое положение, — начал он подрагивающим голосом. — Единственный шанс остаться в живых — чистосердечное признание.

— Правильно понимаете.

— Значит, так, пишите. Или лучше сперва я расскажу, а потом повторю для протокола.

— Рассказывайте.

— В плен сдался добровольно. Поначалу это мне ничего не дало. Немцам некогда было разбираться. Шел в общей колонне. И в лагере вместе со всеми... Чуть не загнулся. Дурацкое положение. Напроситься, чтобы вызвали на допрос, нельзя: пленные могут придушить. Тянул лямку. Потом начали таскать по одному. На первом же допросе сказал немецкому офицеру, что сдался добровольно. «Что вас побудило к этому?» — спрашивает. Ну, сказал, что был зол на Советскую власть, при кото-

рой сидел в тюрьме. Назвал, кто это может подтвердить. Они, очевидно, проверяли. На следующем допросе офицер сказал: «Немецкое командование вам доверяет и желает, чтобы вы служили в доблестной немецкой армии». Предложили мне пойти учиться в их разведшколу...

Нелегко далось ему это признание. Утирает ладонью пот, долго молчит.

— Чему вас учили в разведшколе?

— Изучали оружие разных систем, топографию, радиодело, мины, где и как их ставить. Нас ведь готовили взрывать мосты, поезда. Учили, как подсчитать пропускную способность железнодорожной станции, как собирать информацию о дислокации войск, составлять донесения о настроении населения, как привлекать к своей работе людей, недовольных Советской властью, собирать с их помощью информацию и совершать диверсии... Вас, конечно, интересует, засылали ль меня в советский тыл... Засылали, — добавил он после паузы. — Дважды. Первый раз в сорок третьем году в составе группы из трех человек забросили в район Смоленска. Задание: собрать информацию о дислокации войск Красной Армии и совершать диверсии в поездах на линиях, имеющих важное стратегическое значение.

— Вы выполнили это задание?

— Да. Успешно.

Чтоб не сбивать его с мысли, я не стал уточнять, с кем он был заброшен и какие преступления совершил в советском тылу. Сейчас надо дать ему высказаться в том объеме, в каком он готов. Уточнения будут потом.

— Вторично нас забросили в сорок четвертом году в район Минска, с тем же заданием.

Он провел по лицу ладонью, словно смахнул паутину, взглянул на меня и медленно процедил:

— За выполнение этого задания Гитлер наградил меня железным крестом.

До этой минуты я слушал, стараясь ничем не выдавать своего отношения к его признаниям, но после такого заявления сохранить спокойствие и не показать презрения было трудно. Если Гитлер награждает железным крестом не арийца, а русского, то нетрудно представить, что этот человек натворил в районе Минска. Я вспомнил картины разрушений, которые видел по пути в Прибалтику, и внутренне содрогнулся.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — сказал Матюшкин: — «И этот человек еще на что-то надеется...»

Человек жив, пока надеется, а нет надежды — он уже труп... Жизнь пропала.. А ведь могло быть все иначе. Вместо черного гитлеровского креста мог иметь советский орден, а то и Золотую Звезду. Я ведь смелый, находчивый. Вот давеча, когда я говорил, что родился и вырос в буржуазной стране, вы в душе, конечно, улыбнулись: покупает, мол, на дешевуху, а ведь это надо все-таки учитывать. К моему падению это имеет прямое отношение. Да что сейчас об этом... Значит, получил крест и был направлен в разведшколу для повышения квалификации. Школа эта находилась в тридцати километрах от Риги. — Он указал на карте. — Вот здесь. Учился до прихода частей Красной Армии.

— Почему не эвакуировались с немецкими войсками? Судя по всему, немцы вас ценили.

— Опытный человек, хорошо знающий местность, обычаи населения, им здесь был нужен... Немецкий офицер из разведотдела связал меня с местным помещиком Робертом Буртисом. — Матюшкин попросил карту района и указал хутор Черного Барона. — Вот здесь, метрах в пятистах от дороги, рядом с этим лесочком, и стоит его новый двухэтажный дом. Пленные строили. Мне было сказано, что Буртис является старшим и я должен выполнять все его задания. Он пока заданий мне не давал. Да я и не стал бы ничего делать. Игра полностью проиграна. Это я понял раньше, чем вы меня взяли.

— Почему же не пришли с повинной, а ждали, когда возьмут?

— У меня зрел план. Хотите — верьте, хотите — нет... Сейчас это уже не имеет значения.

— Какой план?

— Предупредить вас о готовящейся диверсии и выдать Буртиса и всю его свору. Так, полагаю, для моей драгоценной шкуры было бы надежнее? — Он даже хохотнул. — В приговоре трибунала могли быть слова: «но, принимая во внимание...» Но вы опередили.

— Почему же не предупредили о взрыве моста, о поджоге пекарни?

— Я ждал этого вопроса. Во-первых, я об этом не знал. Честно говорю. Можете верить. Если уж я не утаил о железном кресте, то неужели не сказал бы об этом?! Во-вторых, это все-таки мелочь. Я предполагал, что Буртис захочет по-своему отметить 75-ю годовщину со дня рождения Ленина. Или устроить «фейерверк» по случаю праздника Первое мая. Признаться, думал заар-

канить их на этом. Тогда мог бы рассчитывать на смягчение. Но они пока еще не развернулись. Приглаждаются, принимают. Больше жмут на листовки.

— Где эти листовки готовятся?

— Их еще немцы напечатали. Хранятся у Буртиса. Он мне их не давал. Готовил меня, как я понимаю, к более серьезному делу.

Матюшкин подтвердил сведения, полученные от Иманта, о наличии у Буртиса спрятанного оружия.

Назвать участников шпионско-террористической организации Матюшкин не смог. У Буртиса они бывают по одному, по двое. Общее число он как разведчик определяет десятка в три. Полагает, что в организацию, наряду с теми, кто обучался в немецких шпионско-диверсионных школах, входят также члены местных националистических групп. Буртис внедрил своих людей в бригады и отряды, занимающиеся восстановлением дорог и мостов. Правда, это были только предположения Матюшкина, но они оказались верными. Забегая вперед, скажу, что это подтвердилось, когда наши оперативные работники вышли в бригады и попросили бригадиров показать людей, числящихся по спискам. Тут получились заминки у некоторых бригадиров. «Так где же этот плотник?» — спрашивал оперативный работник. На помощь приходили рабочие: «Вы, если хотите его видеть, — называлась фамилия, — приходите в день получки. Тут он всегда бывает». «И когда продовольственные карточки получаем, — добавлял другой рабочий. — А все иные дни он на велосипеде катается».

Катание, как потом выяснилось, было не праздным — развозили листовки во все концы республики. Этим создавалось впечатление, что подполье действует буквально во всех районах.

Мне захотелось узнать у Матюшкина об отношениях Буртиса с батраком.

— Какова роль Иманта Озолса в организации?

— Скрытный он мужик. Буртис ему доверяет. Ставит на пропуске.

Матюшкин подтвердил, что пропуском в дом Буртиса служит черно-зеленая бирка. При нем ее не оказалось, но он сказал, где она у него находится дома.

— А то при обыске ваши люди могут на нее не обратить внимания. Вот когда начнете брать, то этот кусочек картона будет самой серьезной уликой.

Он уже действовал по пословице: «Чем могу — помогу». Давал советы.

— Батрака советую потрясти. Ему многое известно. По крайней мере, в лицо знает всех членов организации.

Пошли подробности. Выяснение их заняло и весь следующий день. Все это надо было оформить протоколом, отрываясь на короткое время, чтобы по ходу дела дать задание оперативным работникам. Но эту работу пришлось прервать в связи со звонком участкового милиционера.

— Тут вот какое дело, — сказал в трубку участковый, — рабочие-строители доставили к нам подозрительного гражданина. Говорят, что он в хлебном магазине вел антисоветскую агитацию. Такие дела, — сказал участковый, — относятся к компетенции органов государственной безопасности. Так что ждем вашего товарища.

Задержанный назвался Виктором Макарским. Документов при себе не имел. Голубоглазый блондин, среднего роста, лет тридцати, кипел от негодования, мечя громы и молнии в сторону задержавших его. Это были латыши Калнинши — отец с шестнадцатилетним сыном.

— Идиоты! — кричал Макарский. — Везде им контра мерещится! Что я такого сделал? Ведь это правда: раньше не было никаких очередей, а тут за хлебом приходится стоять. Глупо тратить время. Рабочему человеку это ж обидно. Я это и сказал. Сами можете убедиться, какая очередь. Это ж правда. А он: «Ты контра!» Силища бычья! Подросточек тоже! — Макарский ткнул пальцем в сторону младшего Калнинша. Лучше бы ума накопил, чем силы.

Калнинши не перебивали его. На вопросы отвечал только старший, отвечал без запальчивости, но с нескрываемой неприязнью к Макарскому. А тот продолжал негодовать:

— Делать им нечего. Очередь из-за них прошла — опять становись!.. Контру надо искать не в очередях, а там, где создают эти очереди, чтобы людей возмущать.

— Вам известно, что пекарня сгорела? — спрашиваю Макарского. Он неопределенно пожал плечами. Тогда ответил Калнинш.

— Ему в пять голосов об этом говорили! А он на это: «Сгорела — и будет гореть».

Макарский будто не слышал, что сказал Калнинш, продолжал его костить:

— Немцам шестерил на каждом шагу и тут решил. Не пройдет этот номер. Разберутся.

Тут Калнинш-старший встал, подошел вплотную к столу, достал из бокового кармана конверт, торопливо извлек фотографию.

— Этот офицер, — указал на фотографию, — мой старший сын Кришьян. Воюет сейчас под Берлином. Добивает фашистов. А это второй мой сын Янис, — указал на сидящего парня. — Ему нет еще шестнадцати, по советскому закону трудовой повинности не подлежит, а он со мной восстанавливает мосты.

— Потому они и проваливаются, — хихикнул Макарский.

Калнинша покинуло хладнокровие. Он резко повернулся к Макарскому и вскинул кулак.

— Проваливаются мосты потому, что вот такая сволочь не перевелась! — Он ткнул кулаком Макарского. — А из-за этого... из-за этого, — сказал он тихим всхлипывающим голосом, — погибла вот эта женщина. — Он показал фотографию молодой женщины. — Жена Кришьяна, Зоя. Она русская, из Воронежа. Он там служил в армии.

— Как она погибла?

— Аппендицит... Хирург сказал: «Если бы хоть на час раньше». А как раньше, если моста нет? По объездной дороге тряслись. — Он с лютой ненавистью посмотрел на Макарского. — Ничего, вот вернется Кришьян! — Он выпрямился. — Возьмутся за эту сволочь!

Поблагодарив Калниншей и записав их адрес, я сказал: «Вы свободны». Макарский сделал вид, что это относится ко всем, поднялся первым — и к порогу.

— А вы обождите. — Он будто не слышал. — Обождите, вам говорят, Макарский! — остановил я.

При обыске у Макарского был обнаружен вроде пустячный, малозначащий предмет: кусочек глянцевой картона с закругленными углами. Лицевую сторону по диагонали разделяла красная линия, а образовавшиеся треугольники были покрашены — один в зеленый, другой в черный цвет. Накануне точно такая бирка была найдена на квартире Матюшкина. Стало ясно: Макарский — член шпионско-диверсионной организации.

Увидав бирку на столе начальника отдела и узнав о ее значении, председатель местного Совета сказал:

— Не худо бы и мне занять такую.

— Это очень просто, — пошутил начальник отдела

контрразведки. — Надо только вступить в организацию Черного Барона.

— Я не шучу, — сказал председатель. — Мы с вами договорились, установим в Совете секретную сигнализацию — в случае опасности надо дать сигнал, нажать на кнопку. Но, пока оперативник прибежит, террорист успеет меня прихлопнуть. А тут — он на меня с пушкой, а я вскину бирку — он и скис. Председатель-то, оказывается, «свой в доску». Время выиграно. Могу еще получить от него задание. А? Как вы на это смотрите?

— А ведь дельная мысль! — воскликнул начальник отдела. Тут же распорядился изготовить несколько бирок и снабдить ими, кроме председателя, еще двух товарищей, получивших угрозы по почте. Строго-настрога наказал воспользоваться ими только в случае крайней опасности.

И вот они у меня в руках, точно такие, как у Матюшкина и Макарского, даже слегка потертые. Хочется верить, что они товарищам послужат своеобразными охранными грамотами. А если принять игру, предложенную председателем, могут помочь проникнуть и в замыслы подполья. А это уже половина успеха, если не больше.

Я прикинул, как сейчас использую эти бирки при допросе Макарского. Дежурный держал его уже в боксе. Прошу ввести... Оказалось, еще за дверью Макарский настроился на волну крайнего возмущения, которое он и излил на меня, едва переступив порог. Предлагаю сесть — куда там! Проходит к столу. Говорю строго: «Сядьте там, у порога!» Стоит.

— Вы что?! Задержали незаконно да еще издеваетесь?! Документов не оказалось — это дело! Принесу. А не верите — пошлите со мной милиционера. Обыскали на каком основании? Думали, у меня в каждом кармане по пулемету? Дураков послушали — сами в дураках остались.

— Ну, почему же в дураках? При обыске у вас кое-что найдено. Вот это, например. — Я показал ему бирку.

— А что это? — спросил он тоном ниже, чем говорил до сих пор.

— Я вас хочу спросить, что означает этот предмет?

— Сами видите. Багажная бирка.

— На багажных бирках бывают номера, а эта без номера.

— Не всегда с номерами.

— Где и кто вам вручил эту бирку?

— А черт ее знает, не помню.

— Хорошо, я вам помогу. — Достаяю из стола все бирки, складываю их веером и показываю Макаарскому. — Владельцы этих бирок, в отличие от вас, не валяли дурака, а сказали, что эта бирка свидетельствует о их принадлежности к шпионско-террористической организации, которую возглавляет Роберт Буртис.

Устанавливая личность Макаарского, нам вскоре удалось выяснить, что перед войной его отец был осужден за антисоветскую деятельность. Вызвав Макаарского на допрос, я попросил его рассказать об отце.

— Вы о нем больше знаете, — отвечает, — а я вот уже четыре года никаких сведений не имею.

— Значит, обиделись за отца? — А вы не пробовали посмотреть на его действия со стороны закона?

— Пробовал... — И рассказал мне следующее.

Его отец не был богат, но страстно мечтал разбогатеть. Лучшие годы своей жизни работал на хозяина, снабжавшего жителей небольшого курортного поселка дровами. В тридцать пятом году хозяин умер, оставив дело дочери, но дочь вышла замуж за рижанина, дровяной магазин ей был ни к чему, и она предложила купить магазин в рассрочку одному из самых опытных работников, которым и держалось все дело, — Макаарскому. Тот был счастлив. Сбывалась его мечта.

В конце тридцать девятого года ему дали заказ на санитарную рубку большого лесного участка. Это сулило хорошие барыши. «Повезло, здорово повезло!» — говорил Макаарский сыну. Раньше этот заказ всегда доставался немцу Зильберту, но зимой Зильберт почему-то ликвидировал оптовую торговлю дровами и уехал в Германию... Сын пытался убедить Макаарского, что Зильберт уехал не случайно — в воздухе уже пахло порохом, но отец не переставал радоваться, а когда в сороковом году пришла Советская власть, он понял, что время хозяйчиков прошло, обозлился, испугался и решил, что ему несдобровать.

— Почему он решил, что Советская власть будет его преследовать? — спросил я.

— Незадолго до этих событий он был на собрании местных националистов, — отвечал Макаарский. — Там говорили: «У большевиков даже в гимне поется: «Кто был ничем, тот станет всем». И он твердил: «Значит, мой работник будет всем, а я ничем?» Решил: «Этому не бывать!» — и записался в организацию националистов.

— Но главная его вина в том, — сказал я, — что он выступил против Советской власти с оружием в руках.

— Я это понимаю... Теперь я вижу: его никто не тронул бы. Ведь он фактически был небогат.

— Ну, хорошо, отец ваш был ослеплен жадной разбогатеть, одурачен буржуазной пропагандой, и его ярость еще можно объяснить, но вы-то, судя по вашим же словам, не разделяли его надежд стать миллионером?

— Когда его брали, он сказал, тихо сказал, никто, кроме меня, не слышал: «Виктор, отомсти!» Для меня это — закон... В войну я добровольно сдался в плен. Вместе со мной сдался латыш Путкус. Он был членом местной националистической организации, мы вместе с ним согласились поступить в немецкую разведшколу. Окончить школу не успели... А когда немцы отступали, немецкий офицер сказал, что нас оставляют в тылу советских войск и что теперь моим начальником будет Роберт Буртис.

Материалов, уличающих Черного Барона в антисоветской деятельности, было вполне достаточно. Я уже мысленно согласовывал с начальником отдела контрразведки решение об аресте Роберта Буртиса, но тут Макарский сообщил неожиданно, что на 10 мая Черный Барон назначил совещание руководящего состава своей организации. «Вот когда мы и возьмем их», — подумал я. Но тут же решил, что сообщение Макарского надо уточнить. Почему Матюшкин, который был столь откровенен и, кажется, уже искал, чем бы помочь нам, чтоб смягчить свою участь, — почему он не сказал о предстоящем совещании? Не знал? Но Макарский говорит, что ему об этом известно уже несколько дней. Возможно, мы взяли Матюшкина незадолго до того, как ему должны были вручить приглашение Черного Барона... Вполне возможно. Но тогда, не найдя Матюшкина, посыльный доложил об этом Буртису... А о том, что активный член его организации находится в наших руках, Буртис не должен знать. Как же быть? Ждать шесть дней? Опасно. За это время могут быть совершены диверсии и террористические акты.

Как позже выяснилось, примерно в то самое время, когда я допрашивал Макарского, его соучастник Путкус явился по вызову для объяснений по поводу уклонения от прописки к председателю местного Совета. В приемной председателя с Путкусом пыталась объясниться секретарша, но тот не пожелал с ней разговаривать и от-

крыл дверь кабинета. Почувствовав неладное, секретарь хотела позвонить в милицию, но тут другой посетитель, который вошел следом за Путкусом, грубо придавил ее руку к телефонному аппарату, сказав парализующим шепотом: «Не надо звонить».

В кабинете Путкус, не дожидаясь приглашения, сел у приставного столика.

— Что вам угодно? — спросил председатель, чувствуя, что посетитель цепко следит за всеми его движениями.

— Вопросы буду задавать я, — сказал Путкус. — Почему беспокоите людей всякими трудовыми повинностями и прописками? — Председатель не сразу нашелся что ответить на такую дерзость. — Я спрашиваю?!

— Это дело органов власти, и я не собираюсь...

— Я тоже не собираюсь! — перебил Путкус и скомандовал, выразительно держась за боковой карман: — Руки на стол! Предупреждение получал? Получал. Оно было наклеено на твоей двери. С тобой хотели по-хорошему — предупреждали.

Председатель понял, с кем имеет дело, но сохранил самообладание. Спросил:

— Что вы от меня хотите?

— Тебе об этом было сказано в письменной форме. — Путкус встал. — Еще раз говорю: прекратить всякую работу!

— Но это не в наших интересах, — тихо сказал председатель.

— А мы плевали на ваши интересы!

— Кто это мы? — строго спросил председатель и двумя пальцами выхватил из кармашка черно-зеленую бирку.

Путкус опешил. Глупо ухмыляясь, заговорил виноватым голосом.

— Так ты, выходит, наш?

— Выходит, так, — сказал председатель. — А теперь уходи, пока не засекали чекисты. И больше такой самостоятельности чтобы у меня не было!

Но Путкус не уходил. Неловко переминаясь, он стал просить председателя, чтобы тот не говорил о случившемся Буртису.

Председатель пообещал молчать, но выразил опасение, что разболтать может соучастник.

— Нет. Могила! — заверил Путкус. — Мне поручено

его натаскивать. Смелый парень. Мы с ним пугали пекаря. А потом спалили.

Проводив Путкуса до порога, председатель нажал сигнал тревоги. А в кабинет ворвалась перепуганная секретарша. Увидев председателя живым и невредимым, на миг застыла, а потом на радостях расцеловала и сообщила, что успела позвонить в милицию.

Работники милиции задержали Путкуса и его подручного. При допросе Путкус твердил, что произошло недоразумение, что его товарищ просто неудачно пошутил с секретаршей, а она вообразила бог знает что.

— Вы это можете проверить у самого председателя, — говорил он. — Товарищ председатель вам скажет, что разговор шел о прописке. Ругал он меня. Конечно, за дело. Но тут, видите ли, какие обстоятельства...

И принялся объяснять, что он никак не найдет подходящей квартиры. Долго крутил на этой волне, полагая, что спешить с признанием ему нет смысла, поскольку он только что «открыл» нового члена организации в лице председателя, который хоть немножко и рассердился за «самодеятельность» Путкуса, но все равно придет на помощь.

У нас, конечно, было желание устроить Путкусу встречу с председателем и таким образом уточнить время сбора заговорщиков у Буртиса. Сам председатель настаивал на такой встрече, но мы не решились впутывать его в рискованную затею. Путкус же твердил, что ни о какой встрече у Буртиса не знает. Оставалось надеяться только на Иманта. Но Имант пока ничего не знал о совещании.

Наступило 9 мая сорок пятого года. Народ, ликуя, праздновал Победу, а мы, хоть и радовались не меньше других, с тревогой ждали условленного сигнала Иманта. День Победы прошел безрезультатно, Имант не подавал сигнала — ни о том, что совещание состоится, ни о том, что оно отменяется или перенесено на другой день.

И вот утро 10 мая. Выход оперативной группы назначен на 19 часов, и группа готова. Ждем сигнала. Часы показывали 9.30, а с наблюдательного пункта никаких вестей. Стоп! Вот вышел Имант, осмотрелся. Идет к турнику. Что сейчас он изобразит? Так.. Короткая разминка. Ухватился за перекладину. Ждем сигнал срыва. Нет! Трижды уверенно подтянулся! Значит, все остается в силе. В те минуты, когда мы его так напряженно ждали, он, очевидно, получал инструкции хозяина.

Через несколько минут Имант снова подошел к турнику и повторил сигнал — для верности. Но это уже было излишним.

Дальше все шло по разработанному плану. Солдаты заняли свои секторы, окружив хутор кольцом. В девятнадцать часов Имант вышел из дома и направился к шоссе. Не доходя шагов двадцать, свернул в кусты. Хозяин снова доверил ему стоять на пропуске. В 19.10 с шоссе к хутору свернул велосипедист. Против куста, в котором схоронился Имант, ехал медленно, тронул рукой черно-зеленую бирку, висящую на руле. Потом так же проехал другой, третий, а там еще и еще, с интервалами в две-три минуты, с той и с другой стороны дороги, ехали и ехали, молодые и средних лет, с усами и безусые, и каждый имел черно-зеленую бирку на руле велосипеда и замедлял ход, проезжая мимо широкого ивового куста. Когда я насчитал двадцать два, поток прекратился, но Имант еще не выходил из укрытия, это говорило о том, что съехались еще не все участники. Часы показывали 19.50. Вот еще двое. Случайные прохожие? Нет, сворачивают к хутору. Поравнявшись с кустом, тот и другой, словно в фашистском приветствии, вскинули руки — показали бирки-пропуска.

Ровно в 20.00 Имант вышел из укрытия. Осмотревшись и никого из нас не обнаружив, направился к дому.

Все, что происходило в доме, потом было записано в протоколах, поэтому я могу об этом рассказать так, будто сам присутствовал там с самого начала.

Они сидели в большой гостиной, облицованной полированной карельской березой, за хорошо сервированным столом. Это, как потом выяснилось, маскировало сборище под застолье по случаю семейного торжества.

— Господа! — поднялся Черный Барон, не трогая стоявшего перед ним бокала. — Вы все уже, наверно, знаете, что вчера немецкая армия подписала акт капитуляции. — Он склонил голову и с минуту стоял в скорбном молчании. — Но рано большевики торжествуют победу. Им никогда не осуществить свой замысел — поработить Европу. Этого им не позволят сделать теперешние их союзники.

Развивая эту мысль, он связывал большие надежды с новым президентом Соединенных Штатов. Говорил, что при выработке мирного договора возникнет вопрос о Прибалтике. Призывал к активным действиям, какие дадут

повод Англии и Америке более энергично поддерживать националистов.

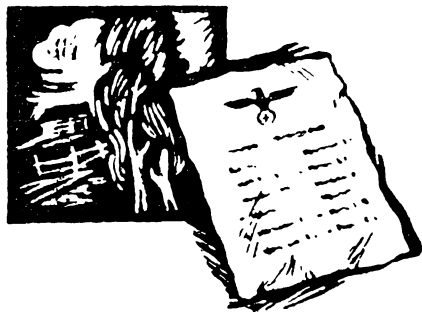
— И Советы будут сговорчивее, — вещал Буртис. — Не забывайте, что у союзников есть свои спецслужбы, которые очень заинтересованы иметь в тылу у Советов таких людей, как мы. И мы должны показать им именно сейчас, на что мы способны. Надо больше внедрять своих людей в организации и учреждения. Колеса ваших велосипедов должны крутиться все быстрее и быстрее. Листовки должны появляться во всех концах, чтоб создавалось впечатление массового сопротивления Советской власти. И тогда за нами пойдет больше людей. Мой батрак сейчас открывает тайник с оружием. Вы его получите. Так что у нас, господа, все еще впереди!

Но впереди у него и его подручных оставалось меньше минуты. Оперативная группа действовала. Одни взяли на прицел окна, другие, пропущенные Имантом, бесшумно прошли по коридору к гостиной. Дверь распахнулась, и раздалось требовательное:

— Руки вверх!

Во Владимир я вернулся еще не скоро. Как вы помните, у Черного Барона собрались только руководители шпионско-диверсионных групп. Клубок разматывался дальше. К ответственности было привлечено несколько десятков специально обученных в немецко-фашистских разведшколах диверсантов. У них изъяли два пулемета, двадцать автоматов-карабинов немецкого производства, большое количество боеприпасов, взрывчатки, две пишущие машинки и десятки тысяч листовок антисоветского содержания. Нетрудно представить, какой ущерб могли причинить эти агенты, оставаясь на свободе, сколько они могли взорвать предприятий, мостов, поездов, сколько оборвать жизней честных советских людей.

В ходе следствия контрразведчикам удалось получить важные сведения еще о нескольких десятках диверсантов, заброшенных в другие районы Советского Союза. Это позволило органам государственной безопасности своевременно пресечь их преступную деятельность.

ПО ЛИСЬЕМУ СЛЕДУ

1

Это была последняя строка донесения. Салаев твердо поставил точку, тщательно промокнул чернила, положил донесение в пухлую папку и, откинувшись на спинку стула, с облегчением вздохнул. Дело, которое выглядело вначале пустячным, оказалось сложным, запутанным, и понадобилось два месяца, чтобы во всем разобраться, дать объективную оценку нескольким сотням фактов. Теперь уже ничто не вызывало сомнений, и Салаев мог с чистой совестью передать дело следствию.

«Отдохнуть бы денек-другой, — подумал Салаев. — Курортных условий, пожалуй, не попрошу, — иронизировал он над собой. — День-два ни о чем не думать — и не надо никакого курорта».

На столе зазвонил телефон.

— Зайди, Николай Васильевич, — послышался в трубке негромкий, с хрипотцой голос начальника областного управления Комитета госбезопасности, и тут же последовали частые гудки.

«Вот и отдохнул», — подумал Салаев, кладя папку в стол. В управлении все знали, что начальник звонит лично лишь в экстренных случаях.

Полковник сидел в кресле за широким письменным столом, читая какой-то документ. Он жестом предложил вошедшему Салаеву сесть напротив и, дочитав до конца, спросил:

— Как у тебя с тем делом?

— Только что закончил. Можно передавать следствию.

Полковник удовлетворенно кивнул, его взгляд, минуту назад жесткий, потеплел. Ему нравился этот всегда подтянутый, внутренне собранный старший лейтенант.

— Ознакомься, — протянул полковник Салаеву перегнутый пополам лист бумаги с машинописным текстом.

Это была выписка из сообщения контрразведки партизанского соединения, действовавшего в годы войны на территории оккупированной гитлеровцами Витебской области. Партизаны добыли сведения о личном составе 605-го восточного карательного батальона «Волга», зверствовавшего на белорусской земле. В карательных операциях против партизан и несломленного местного населения участвовали, кроме немцев, изменники Родины — уголовные преступники, кулацкие сынки, а также поддавшиеся гитлеровской пропаганде о непобедимости Германии слабые духом военнопленные. Среди этого отребья оказался и Трофимов Иван Георгиевич, уроженец Гусь-Хрустального района.

— Никаких других данных нет, — сказал полковник, когда Салаев ознакомился с документом. — Дело сложное. Берешься?

— Я понял так, что мне уже поручено это дело, — ответил Салаев, удивленный тем, что полковник будто бы интересуется, желает ли он, старший лейтенант службы госбезопасности, разыскивать преступника.

— Ну вот и договорились. — И неожиданно для Салаева полковник заметил: — Замотался ты, вижу. Терпи, казак. Война только полгода как кончилась, и работы нам — сам видишь.

Вернувшись в свой кабинет, Салаев долго вышагивал взад-вперед от стола к двери, заложив руки за спину. С чего начинать? Нельзя было рассчитывать на то, что Трофимов, на чьей совести наверняка кровь белорусских патриотов, сразу же после войны появится в своем доме. Однако другого не оставалось, как ехать в Гусь-Хрустальный и попытаться разыскать его родственников. Они-то знают о Трофимове больше, чем сказано о нем в выписке из донесения партизанской контрразведки.

На следующий день Салаев был уже в Гусь-Хрустальном. Городок встретил его тишиной припорошенных первым снегом улиц. У небольшого двухэтажного здания, где размещался городской отдел госбезопасности, стояла привязанная поводом к забору оседланная лошадь. Бока ее лоснились от пота.

«И здесь срочные дела», — подумал Салаев.

Начальник отдела, невысокий, седоволосый капитан, приветливо протянул руку.

— Ты — как сегодняшний снег на голову. Не ждали. Говори, что у тебя. Извини, что тороплю, — дела.

Салаев в нескольких словах рассказал о цели своего приезда.

— Что ж, действуй. Мешать не будем, — сказал капитан.

— Я не хотел бы сам заниматься этим.

— Почему? — нахмурился тот, поняв, что придется отрывать от дела одного из своих работников.

— Я здесь человек новый, — объяснил Салаев, — и не резон мне расспрашивать людей о Трофимове.

Капитан подумал немного и согласился:

— Осторожность не помешает. Ладно, бери лейтенанта Карасева. Только ненадолго. Он здешний, многих знает. Сейчас вызову его.

Карасев быстрым шагом вошел в кабинет, стоя внимательно выслушал распоряжение капитана. Лейтенант ни словом, ни жестом не выдал своего отношения к предстоящему сотрудничеству с Салаевым, но, когда они оба вышли за дверь, Карасев по-мальчишески озорно подмигнул старшему лейтенанту, весело потер ладони.

— Наконец чем-то мало-мальски дельным займусь, — широко улыбаясь, проговорил он.

— Скучать приходится?

— Что ты?! — воскликнул Карасев. — Работы хватает, да только все в основном бумажной.

— Так здесь тоже ничего особенного пока нет, — предупредил его Салаев.

— Это я и сам сообразил сразу: круглым дураком надо быть этому гаду, чтоб появиться здесь. Но все-таки, — поднял он вверх указательный палец, — серьезным делом пахнет.

«Кажется, сообразительный», — отметил про себя Салаев и сказал:

— Да, время терять нельзя.

— А ты меня не торопи. Сам знаю. Твое дело — ждать от меня доклада.

Салаев рассмеялся — иной реакции не мог вызвать безобидный, свойский тон Карасева, его самоуверенность.

— Шустер ты, брат, — дружески хлопнул Салаев ладонью по плечу Карасева. — Но все-таки — долго ли мне ждать?

— А ты не жди. Пойди попитайся где-нибудь, город посмотри, а там и вечер придет. Вот вечером я тебе и доложу.

— Смотря что доложишь, — нахмурился Салаев.

— Понимаю, — не меняя тона, произнес лейтенант. — Не доверяешь. Дело хозяйское. Только зря ты задумал копаться в архиве.

— Да, я посмотрю архив, — сухо сказал Салаев, не подавая вида, что удивлен догадливостью Карасева, — возможно, кто-нибудь из Трофимовых проходил по городской прописке.

— Дело хозяйское. Только зря наглотаешься пыли в архиве. В городе такой фамилии нет.

Салаеву была непонятна самоуверенность Карасева, и он заподозрил, что лейтенант разыгрывает его, чтобы проверить, насколько опытен работник областного управления. Но Карасев смотрел ему в глаза добродушно, открыто.

— Ладно, не будем терять время, — сказал Салаев.

И они расстались, условившись, что вечером встретятся здесь же.

За окнами были уже густые сумерки, когда Салаев безнадежным движением руки захлопнул очередной том архива. Он извинился перед заведующей за то, что заставил ее задержаться на работе, и с мрачным видом вышел на улицу. Полдня просидел он в архиве, просмотрел документы не за один год, но нужной фамилии не нашел. Не верилось, что в ближайшие дни станет известно ему, где проживают родственники Трофимова. Если не в городе, то попробуй объехать все села и деревни. Ведь телефоны есть только в некоторых сельских Советах. Появилось недоверие к Карасеву: возможно ли собрать к вечеру сведения о неизвестно где проживающих людях? А вдруг Трофимовых не один десяток в районе? Несерьезным казался ему сейчас Карасев, и Салаев досадовал, что ему попался легкомысленный помощник, что он, работник областного управления, допустил ошибку — поверил несерьезному лейтенанту, пошел у него на поводу. Салаев представил себе, как будет оправдываться перед ним вернувшийся ни с чем Карасев, и его манера разговаривать показалась Салаеву непозволительным панибратством. «Одернуть надо его. Как следует одернуть», — решил Салаев.

Несмотря на сверхурочный час, в городском отделе почти все были на месте. Карасева не оказалось. «Где шляется?» — с раздражением подумал Салаев, уверенный в том, что день прошел впустую. Хотел было зайти к начальнику, но передумал — ведь тот поинтересуется,

удалось ли что узнать, и, конечно же, посочувствует, что день потерян. А Салаев не любил сочувствия.

«Завтра с утра надо звонить в сельсоветы, где есть телефоны, — размышлял Салаев, прохаживаясь по коридору. — Попробовать связаться с участковыми милиционерами. А Карасев на всякий случай посмотрит городской архив за более ранние годы».

Стоявший лицом к темному окну Салаев не увидел появившегося Карасева, не обратил внимания на звук приближающихся шагов — по коридору часто проходили.

— Ну как дела, товарищ старший лейтенант? — услышал Салаев за спиной. В голосе Карасева прозвучала ирония.

Салаев круто повернулся и строгим взглядом смерил лейтенанта, сапоги и шинель на котором были забрызганы грязью. И, прежде чем Салаев успел что-то сказать, Карасев произнес с улыбкой:

— Понятно. Кому-то из нас должно было повезти. Вижу, повезло мне.

— Короче, — отрезал Салаев.

— А я не умею короче. Да и в двух словах все не скажешь. В общем, Трофимов Георгий Константинович, отец Ивана Георгиевича, проживал в деревне Васильево. Давно переехал оттуда на постоянное место жительства в поселок Уршель. Его сын не вернулся с войны, чего, собственно, мы и ожидали. Жена этого вояки с сыном и дочерью проживает на станции Ильичево соседнего Курловского района, работает сторожем. Она получает за без вести пропавшего вояку пенсию. Всё, — выдохнул Карасев. — А теперь идем ко мне. У меня переночуешь. Едва волочу ноги.

По мере того как докладывал Карасев, выражение лица Салаева быстро менялось. Он с признательностью и восхищением смотрел на лейтенанта.

— Как ты так сумел?

— А что, проверять хочешь? В архиве разве не убедился, что меня не надо проверять? Ну ладно, идем, — и, устало шагая к выходу, продолжал: — Проклятая кобыла! Такие крутые бока у нее, что и сейчас кажется, сижу на ней, — ноги так и выворачивает в стороны, — и Карасев, подхватив на ходу руками полы шинели, изобразил, как это у него ноги выворачивает в разные стороны. Он проделал это с таким юмором, что Салаев прыснул от смеха.

— Как же ты все-таки успел разузнать все? — не вытерпел Салаев, когда они вышли на улицу.

— Не веришь в достоверность сведений?

— Верю. Теперь верю. Просто любопытно. Не мог же ты объехать весь район на лошади. Или случайно повезло?

— В нашем деле, наверное, случайных везений не бывает. Люди помогли. У нас тут есть знаешь какие старожилы? Клад! Ходячие энциклопедии. Мне оставалось только проверить да кое-что уточнить. А городской архив, с которого ты сегодня пыль сдувал, я почти назубок знаю.

Карасев с женой и маленьким сыном занимал тесную квартиру: небольшая жилая комната и кухня. Чтобы не стеснять хозяев, Салаев настоял на том, чтобы ему постелили на кухне. Лежа с открытыми глазами, он с уважением думал о лейтенанте: если есть незаменимые люди, то они такие, как Карасев.

Салаев вспомнил короткие скупые строчки выписки из донесения партизанской контрразведки. Может быть, кто-то из партизан погиб ради того, чтобы о Трофимове узнал он, Салаев, довел начатое ими до конца. И задание найти преступника, отдать его правосудию воспринимал старший лейтенант как дело не только долга, но и своей совести.

Что же за человек он, этот Трофимов, почему оказался на стороне врага? Где искать его? Разные предположения приходили на ум Салаеву. Но пустое это дело, решил он, теряться в догадках. Надо добывать факты, они-то обо всем и расскажут.

2

...Трофимов сидел за столом в белом халате и выписывал назначения раненым. Он то и дело откладывал в сторону ручку, задумчиво смотрел в окно. Из головы не выходила вчерашняя сводка с Восточного фронта. Немцы, несмотря на свои многочисленные заверения перейти в решительное наступление, парализовать действия основных сил Красной Армии, вот уже длительное время откатывались назад. Навязчивы были мысли, при которых нарисованное радужной мечтой будущее превращалось в прах.

Не верилось Трофимову, что он просчитался. Его еще ни разу не подводила расчетливость, ему всегда везло.

Тогда, до войны, после рабфака, тонким подходом к влиятельным людям — когда вниманием и лестью, когда умением блеснуть умом — он добился направления в Ленинградскую военно-медицинскую академию. Нет, не стремление сделать что-то полезное для Красной Армии, посвятить себя службе Родине побудили его избрать судьбу военного. Ему претила жизнь родителей, которая проходила незаметно в постоянных заботах деревенских людей, нелегком труде от зари до зари. В свои молодые годы Трофимов мечтал о высоком служебном положении, достатке, который можно было бы нажить без особых усилий. Понимал, что без образования ничего не добьешься. Поступить в гражданское высшее учебное заведение было в то время нелегко, к тому же Трофимов чувствовал, что у него мало знаний. И он воспользовался тем, что Красная Армия нуждалась в кадрах. Военная академия подходила ему по всем статьям.

Учеба давалась трудно, но он сумел убедить преподавателей в своем серьезном отношении к науке, и те были благосклонны к нему. Трофимов делал вид, что глубоко и чистосердечно переживает неудачи товарищеских курсантов, а на собраниях безошибочно выбирал подходящий момент, чтобы показать себя, и тогда вместе со словом сочувствия высказывал серьезную озабоченность чужими промахами, критиковал, предлагал. Выглядел он честным, справедливым, принципиальным, и командиры, преподаватели видели в нем способного, инициативного работника, администратора. Ему пророчили завидное будущее, высокие должности, и он верил во все это. Но тут грянула война. Весть о ее начале поразила Трофимова — он знал: его призовут в действующую армию — и прощай, карьера. Ведь война, полагал он, — это стихия и все будет зависеть не от него, а от стечения обстоятельств.

И действительно, вскоре пришлось получить личное оружие. Запасный полк на пути следования к фронту перебрасывали то в одном, то в другом направлении, а потом эшелон неожиданно повернул обратно на восток. Прошел слух, что полк едва не оказался в окружении, что немцы стремительно наступают. И тогда Трофимов подумал о том, что надо быть готовым ко всему, чтобы не прогадать; ни в коем случае не упустить малейшую возможность не только выжить, но и извлечь для себя что-то полезное.

Полк, ведя кровопролитные бои, отступал. Вражеская авиация забрасывала его подразделения листовка-

ми, в которых немецкое командование предупреждало о скором падении Москвы, полном поражении Красной Армии, предлагало сложить оружие, обещало жизнь военнопленным. Фронтовые сводки становились с каждым днем все тревожнее, и Трофимов решил, что настало то время, которое нельзя упускать, иначе будет поздно...

Стоя навтыяжку перед немецким офицером, он клятвою заверял, что лишь по стечению обстоятельств оказался в Красной Армии, готов верой и правдой служить великой Германии. Ему казалась обнадеживающей презрительная улыбка немецкого офицера, и Трофимов не жалел слов, выражая свое искреннее отношение к Германии.

Он был уверен, что ему снова повезло, что он сумел разобраться в этой сумасшедшей жизни, выбрался на гребень ее волны. Его особенно устраивало, что ему нашлось место в «русской освободительной армии» (РОА). Он не задумывался о судьбе Родины, своего народа, для него главным и единственным источником существования и морального удовлетворения было теплое, перспективное местечко. Оно снова подвернулось, и он выжимал из своих подопечных все, на что они были способны. Вскоре последовал и чин начальника санчасти, звание оберлейтенанта, немецкие награды. С ним считались старшие командиры, такие же предприимчивые и продажные, как и он сам. А побывавший в батальоне немецкий полковник поблагодарил Трофимова за усердие в службе и многозначительно сказал, что Германия не забудет тех, кто верен ей.

Трофимову виделись золоченые погоны, а после окончания войны — большая поликлиника и обитая красивым дерматином дверь его кабинета с надписью: «Главный врач». Ну, а дальше — была бы возможность, он ее не упустит.

Иногда Трофимов вспоминал об оставшихся на Владимирщине жене и детях, даже испытывал некоторое чувство угрызения совести перед ними, но, как человек устремленный, хорошо знающий, что ему надо, он гнал прочь воспоминания. Прежняя семья сейчас казалась ему итогом глупой молодости и не больше того.

Но вот предвкушаемое будущее отодвигалось все дальше, по мере того как немецкая армия после Сталинграда и Курска откатывалась все ближе к Белоруссии. Активизировались партизаны, их удары по гарнизонам становились все мощнее, все более дерзкими. Не в состо-

янии справиться с партизанскими соединениями силами тыловых частей, немецкое командование бросило в леса полицейские гарнизоны, части «русской освободительной армии». Все это много значило для чуткого к событиям Трофимова.

Он давно привык к запаху пропитавшихся кровью бинтов, долго не заживающих ран переполнивших санчасть солдат, но сейчас этот запах раздражал его. Приказав санитарам никуда не отлучаться, Трофимов вышел на крыльцо. С жадностью вдохнул воздух, наполненный ароматом цветущих акаций. Деревья плотным кольцом окружали обшитое тесом здание, где до войны размещалась сельская школа. Но ни аромат акаций, ни прохладная тень, которую бросали они на утопанную тяжелыми коваными сапогами траву, не принесли Трофимову облегчения. Он с кислой физиономией оглянулся на дверь. Не было ни малейшего желания возиться с ранеными. «Управятся санитары», — решил Трофимов. В конце концов, он, начальник санитарного батальона, может позволить себе развеяться. Тем более что батальон ушел в леса на карательную операцию, контролировать его, обер-лейтенанта, некому.

Село будто бы вымерло. На широкой, избитой в пыль улице ни души. Трофимов знал, что в этих приземистых белых хатах, вытянувшихся вереницей вдоль дороги, женщины, старики, дети и что сейчас его провожают долгие взгляды из окон. Еще совсем недавно ему нравилось медленно пройти по пустынной улице притихшего и будто подавленного собственной тишиной села, где останавливался для проведения карательных операций батальон. Тогда Трофимов испытывал самодовольство, чувствовал свою исключительность, которой, как ему казалось, наделяли его погоны офицера самозванной армии, поскрипывающие, начищенные до блеска сапоги, позвякивающие на груди две медали, которыми наградила его «непобедимая» Германия. Но сейчас пустынная улица села наводила на него непонятную тоску, а взгляды из окон хат представлялись ему не испуганными, подобострастными, а настороженными, недобрыми.

«Что же они ничего не предпринимают? — с досадой подумал Трофимов о немцах. — Сколько танков, самолетов, а отступают. Может быть, это действительно тактический маневр? Не похоже — по всему фронту отходят».

С мрачным видом он открыл калитку, направился

к' двери хаты, отданной ему для постоя. Только хозяйская дочь могла отвлечь его сейчас от мрачных раздумий, тревоги и сомнений. Трофимов был рад такому постою. Кроме угрюмого старика, он нашел в этой хате молодую, красивую женщину и всерьез увлекся ею. Тогда, в первую же ночь постоя, она молча согласилась выйти с ним из хаты во двор и так же молча приняла его объятия. Высоцкая ни разу не обмолвилась о своем муже-красноармейце, воевавшем где-то с немцами, была щедра на ласку.

За углом хаты послышался знакомый шорох встряхиваемого белья, и Трофимов прошел в палисадник. Подоткнув спереди подол юбки за пояс, Высоцкая развешивала простыни на натянутой между яблонями веревке. Увидев Трофимова, она не удивилась его неожиданному появлению, не обрадовалась, не одернула юбку. Трофимову нравилось ее равнодушие, пренебрежение стыдливостью — он видел в этом сдержанность женского характера, откровенную покорность мужчине.

Отец Высоцкой, кряхтя, держась обеими руками за поясицу, вышел в холодную половину хаты, где на лавке стояло ведро с водой. Взялся было за кружку, чтобы напиться, но тут через небольшое оконце в стене услышал возню, затем тихий, похожий на стон голос дочери:

— А если отец увидит?

Старик прислушался, плюнул в сердцах, стукнул кружкой о лавку и, не напившись, еще более сторбленный, ушел в свою комнату.

Трофимов сидел на пороге хаты, ожидая приглашения к обеду. Он, может быть, и не обратил бы внимания на приглушенные голоса в хате, если бы разговор быстро оборвался. Старик, против обыкновения, был многословен:

— ...Таскаешься с предателем, — донеслось до слуха Трофимова. — Мужик твой с немцем воюет, кровушку проливает, а ты, стерва, с предателем милуешься. Люди ж все узнают. Стыдоба какая! Вздернут тебя партизаны — не пожалею, не заплачу по тебе.

— А ты, батя, не сволочи меня, — спокойно отвечала Высоцкая. — Он просит меня замуж за него выйти, и выйду. Хватит ждать с моря погоды. Где Сашка, где наши — пойди поищи. Все сидят в лесах. А мне молодость губить свою? Люблю, пока любится.

— Да как ты смеешь говорить такое, как язык пово-

рачивается?! — негодовал старик. — Придут наши, помни мое слово — придут, и тогда люди будут тыкать в тебя пальцами. А еще лучше, если судить будут при всем народе за то, что с предателем опаскудилась.

— А ты потише, батя. Доживай свой век, а то скажу ему, как ты его называешь.

— Ах ты, стерва! — воскликнул старик во весь голос. — Доноси на родного отца, коли черная кровь в тебе завелась. Мать померла, а то бы и ее выдала врагу?

Трофимов напряженно вслушивался в этот разговор. Его лицо потемнело, взгляд неподвижно и жестко уперся в землю. Он впервые услышал, как говорят о нем за его спиной люди, впервые понял, как ненавистен он им. Рука сама потянулась к кобуре пистолета. И случись это на полгода раньше, когда он, Трофимов, был уверен в выборе судьбы и старался во всем подражать немцам, — тогда бы он заставил старика замолчать. Молнией пронеслась мысль о вчерашней сводке о положении на фронте, и Трофимов испытал вдруг такую опустошенность, будто душу вынули из него. Рука безвольно соскользнула с кобуры, косточки пальцев стукнулись об угол порога.

Послышалось всхлипывание Высоцкой.

— Не выдам я тебя, батя... Это я так, чтоб молчал ты, ничего не говорил. Думаешь, мне легко?.. Полюбился он мне. Сама не знаю почему. Он же свой, русский. Врачуется только — не убивает.

— А кого врачуется? — закашлялся старик. — Ворога врачуется, а тот потом наших же по лесам стреляет. Тебя вместе с ним на одном суку повесить надо, как они партизан вешают. Ты о людях подумай, перед ними ответ держать.

Трофимов матерно выругался, порывисто встал и, чтобы не слышать этого разговора, ушел в палисадник, грузно опустился на землю под яблоней. Он вдруг понял, что в нем что-то переменилось. Расстрелять бы этого тестя, который, видимо, заодно с партизанами, но рука не поднимается, да и нет почему-то злости на него. Так — одно лишь сознание, что они — враги.

Он потер пальцами виски, закрыл лицо ладонями. А когда опустил руки на колени, увидел перед собой Высоцкую. Волосы спадали на ее узкий лоб, карие глаза смотрели настороженно, виновато.

— Идем обедать, — сказала она. — Я звала тебя, а ты не слышал.

Высоцкая никогда не расспрашивала Трофимова о военных делах, не делилась с ним мыслями по поводу местных событий, а тут за столом как бы между прочим обронила:

— Наши наступают.

— Кто сказал?! — вскочил со стула побагровевший Трофимов. — Говори, от кого ты узнала это? — подступил он к Высоцкой, нервно дергая кобуру пистолета. Но, увидев полные ужаса глаза ее, вдруг остыл, отвернулся.

В дверях появился старик. Трофимову показалось, что старик смотрит ему в глаза дерзко, вызывающе.

— Ты вот что, дед, — негромко произнес Трофимов, садясь за стол. — Ей, — кивнул он головой в сторону Высоцкой, — от меня теперь — никуда. Иначе пропадет. Если хочешь, чтоб этого не случилось, прикуси язык. — И, помолчав, выдохнул: — Ну и денек.

Этот день готовил Трофимову еще большую неприятность. Не успела Высоцкая подать на стол отваренный картофель, как послышался гул автомашин. Это возвращался с операции батальон. Трофимов выскочил из-за стола, сдернул с гвоздя фуражку и выбежал на улицу.

У штаба, располагавшегося в другом крыле школы, стояли офицеры. Здесь был и командир батальона майор Демский. Трофимов вначале не понял, почему все они смотрят в одну сторону, но вскоре увидел стоявших спиной к стене двух пленных партизан. Руки у этих парней были связаны за спиной, на лицах запеклась кровь. Демский издали допрашивал партизан.

— Последний раз спрашиваю, — слышался визгливый голос майора, — сколько человек в отряде, кто командир, почему отряд не принял бой, куда отошел?

— А ты у нашего командира спроси, холуй немецкий, — отозвался один из пленных, что повыше ростом. — Попробуй сунься в лес, тогда и узнаешь, сколько человек в отряде.

— О, доктор! — увидел Трофимова худой, длинный, как жердь, старший лейтенант — командир одной из рот. И, дохнув ему в лицо винным перегаром, сказал: — Мы не знаем еще, как ты стреляешь. Мишени — что надо. Живые! Ну-ка, продемонстрируй.

Трофимов давно ненавидел этого старшего лейтенанта, считал его последним на свете подлецом и выскочкой. Тот знал, как относится к нему обер-лейтенант, и вот

улучил момент отомстить за ненависть. Трофимов отвернулся.

Демскому, видимо, надоел допрос, и он молча махнул рукой. Трое стоявших неподалеку солдат вскинули немецкие автоматы.

— Предатели, гады ползучие! — раздался пронзительный крик другого партизана. — Всем вам скоро конец!

— Слышишь, это и в твой адрес сказано, доктор, — не унимался старший лейтенант. — Господин майор, тут вот доктор желает показать меткость.

Демский не слышал, каким был разговор минуту назад, и в знак согласия кивнул головой.

В какое-то мгновение в сознании Трофимова отложился смысл вчерашней, не обещающей ничего хорошего фронтовой сводки, дерзкого, вызывающего взгляда отца Высоцкой, предсмертных слов партизана.

— У каждого свои обязанности, старший лейтенант, — едва услышал свой голос Трофимов. — Если я стану расстреливать пленных, то вам придется ухаживать за ранеными.

— Нет, не открутишься, доктор! — тарашил на него глаза командир роты. — Чистеньким хочешь быть?

Трофимов перехватил пристальный взгляд майора, увидел, что все офицеры с угрюмым любопытством смотрят на него, и понял, что на этот раз ему не уйти от преступления, которое когда-то ему могут припомнить. Лоб покрылся испариной. Дрожащей рукой Трофимов растегнул кобуру, вынул пистолет. Мушка прыгала перед глазами.

— Запиши на свой счет — зачтется тебе, шкура! — услышал Трофимов голос партизана. — Последнюю пулю для себя оставь.

Он не считал, сколько раз выстрелил.

— А ты, действительно, оставил последний патрон, — хохотнул командир роты. — Для себя, что ли?

Офицеры молча поднимались на крыльцо штаба. Трофимов вздрогнул при звуке раздавшейся за спиной хлесткой автоматной очереди — солдаты добивали партизан.

В эту ночь Трофимов не спал. Он думал, как уйти от ответственности, если Красная Армия разобьет немцев.

3

— Где же искать нашего голубка? — размышлял вслух Карасев, когда они вошли в кабинет. Повесив ши-

нель на металлический крючок, лейтенант прошел за стол и, шумно пододвинув стул, сел.

— Об этом и думаю, — отозвался Салаев, подсаживаясь к столу.

— Было бы неплохо почитать его письма с фронта. Жена должна бы сохранить их. Может, в них какая зацепка есть? Да и по настроению писем можно понять, добровольно ли он перешел к немцам.

— Добровольно или в плен попал — это деталь для следствия, — сказал Салаев. — А вот насчет зацепки согласен. Только нельзя жену его трогать.

— Да, можно испугнуть, если объявится.

— Не только поэтому. Можно понять женщину: одно горе еще не пережила, а тут другое. Она ведь сразу поймет, что он жив и скрывается, если мы интересуемся им. Надо нам уточнить сейчас, с какого времени Трофимов числится без вести пропавшим, откуда он призывался и какое имел звание.

Карасев вопросительно посмотрел на Салаева и, пожав плечами, проговорил:

— Все знает жена Трофимова. Полдня — и эти сведения в кармане. Можно Москву запросить, но это — длинная песня. Пока там найдут его в списках.

Салаев улыбнулся — Карасеву явно не хватало опыта.

— А про то, что жена получает пенсию, забыл? — спросил Салаев. — На каком основании ей была назначена пенсия?

— А! Сообщение из воинской части о без вести пропавшем. Понял.

— Надо запросить курловцев. Ну вот и все, кажется. Мне тут у вас делать больше нечего.

— погоди, — протянул к нему руку Карасев, будто Салаев мог уйти сию минуту. — Ну, ответят тебе курловцы, узнаешь, когда, откуда и в каком звании призывался в армию Трофимов. А дальше что? Никакой зацепки, где искать его.

— Эти сведения могут кое-что подсказать потом, когда будут другие факты. Одно другим дополнится.

— А где возьмешь другие факты?

— Запросим белорусских чекистов. Им должны быть известны какие-то подробности.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Карасев. — Все-таки тебе не позавидуешь. Ищи-свищи ветра в поле. А если погиб Трофимов?

— Не исключено. Во всяком случае, нетрудно устано-

вить теперь, когда Трофимов пропал без вести: до службы в карательном батальоне или же позже, когда он снова каким-то образом оказался в Красной Армии и потом исчез. Сообщение из воинской части об исчезновении Трофимова датировано? Датировано. Известно и то, в какие годы действовал в Белоруссии карательный батальон.

— Ну, хоть одна ясность будет, — сказал Карасев.

Через несколько дней был получен пакет из Курлова. Военком писал, что военврач третьего ранга Трофимов Иван Георгиевич, выпускник Ленинградской военно-медицинской академии, был призван в действующую армию в 1941 году и, как свидетельствует сообщение из воинской части, пропал без вести в октябре того же 1941-го. Салаеву было известно, что 605-й карательный батальон зверствовал на Витебщине в 1942—1943 годах. Значит, Трофимов не погиб в сорок первом.

С нетерпением ждал Салаев ответа из Белоруссии. Белорусские товарищи не задержались с ним. Салаев взглянул на подпись в конце этого документа и удивился: ответ был не из Витебска, как предполагал он, и не из республиканского центра — его прислали черниговцы. Первые же строчки подробного сообщения объясняли, почему получен ответ из Черниговского областного управления. В центральном аппарате государственной безопасности, говорилось в документе, проходило дело некоей Лядинской, арестованной на территории Германии за измену Родине. На допросе она назвала в числе других изменников знакомого по Черниговщине офицера-власовца обер-лейтенанта Трофимова Ивана Георгиевича, начальника отделения госпиталя РОА. В то время он был награжден немцами двумя медалями. Потому и поручил центр черниговцам искать Трофимова.

Черниговцы навели справку в Главном военно-медицинском управлении. Оттуда ответили, что Трофимов... уроженец деревни Василево Гусевского района Черниговской области, окончил... был призван... неизвестно, где находится в настоящее время. Черниговцы стали искать его в своей области. Выяснили, что там проживал ранее Трофимов Иван Тимофеевич, уроженец Чувашии. Чувашии ли? А может, Черниговщины? Разыскали его в городе Буй Костромской области. Но он оказался не врачом, а учителем. Сменил профессию? Нет. Разыскиваемый почти всю войну служил у немцев, а этот Трофимов сражался на фронтах в составе частей Красной Армии, имеет боевые награды за взятие городов, которые были ос-

вобожжены в то время, когда разыскиваемый Трофимов служил в РОА. Запросили центр о подробностях показаний Лядинской. Узнали, что у разыскиваемого Трофимова жену зовут Верой, а у найденного — Татьяной. Не он. И только тогда черниговцы — этим делом занимались, видимо, новички — обнаружили, что в их области нет Гусевского района, нет и деревни Василево.

Снова запросили Главное военно-медицинское управление. Оттуда сообщили уже новое место рождения Трофимова: те же деревня и район, но уже Владимирской области.

Прочитав это, Салаев чертыхнулся: дорого стоила черниговцам халатность какого-то писаря-разини из Главного военно-медицинского управления. Тот в ответе на первый запрос наверняка имел в виду Владимирскую область, а, отвечая черниговцам, указал их область. Не проверил достоверность сообщения и тот, кто подписывал его. И черниговцы потеряли напрасно немало времени.

Значит, фамилия Трофимова, размышлял Салаев, дважды прошла в делах центрального аппарата МГБ: первый раз — в донесении партизанской контрразведки, второй — в показаниях Лядинской. Но какое время имела в виду Лядинская? Отыскал глазами нужный абзац. «Это уже факт!» — обрадовался Салаев. При первом беглом чтении документов он не обратил внимания на эту дату, которую черниговцы сочли нужным указать: Лядинская знала Трофимова как начальника отделения госпиталя РОА по 1944 году. Сведения, которыми располагал Салаев о карательном батальоне, обрывались на 1943 годе. Значит, еще на один год продляется биография Трофимова. Выходит, и в сорок четвертом Трофимов продолжал служить в армии генерала-изменника.

Но на этом ниточка терялась. Не было ни малейшего намека на возможное место пребывания Трофимова. Ничем больше не могли помочь белорусские товарищи, не было смысла наводить справки и в центре, потому что все сведения, какие есть там о Трофимове, были переданы черниговцам. После долгих раздумий Салаев пришел с докладом к начальнику отдела, тот направил его к начальнику управления, который лично давал задание.

Полковник внимательно выслушал доклад старшего лейтенанта, затем попросил его рассказать не торопясь все сначала.

— И каковы же выводы? — спросил полковник.

Салаев был готов к этому вопросу.

— Думаю, если Трофимов не за границей, то он изменил свое имя. Это первое, что, по логике, он должен был сделать.

— Так, — то ли согласился, то ли торопил старшего лейтенанта полковник.

— Трофимов — врач, другой специальности не имеет, — продолжал Салаев. — Если не работать ему врачом, значит, быть кем-то рядовым. Вряд ли это устроит его, ведь он окончил академию и имеет неплохие шансы. Рано или поздно Трофимов попытается официально восстановить свое подлинное имя. Иначе ему нельзя предъявлять полученный в 1941 году диплом или обращаться в академию за дубликатом, если диплом утерян или выброшен как улика.

— И как же может он восстановить имя? — откинулся на спинку кресла полковник.

— В первый попавшийся военный орган Трофимову нет смысла обращаться — там ничего не сделают. В Главном военно-медицинском управлении просить помощи тоже нельзя — там не обойдется без проверки. Он не может не подумать об этом. Выход у него один: обратиться в Гусь-Хрустальный, где проживают его родители, или в Курловский район, где живет его жена.

— Понимаю, — сказал полковник. — Родители или жена подтвердят, что он есть он, и через городской или районный отдел легче протащить выдуманную биографию.

— Да, товарищ полковник. Если Трофимов не за границей, то рано или поздно обнаружит себя.

— Все это так, — в раздумье проговорил полковник. — Но твои предложения построены на логике, а не на фактах. А если Трофимову удалось остаться незамеченным под своим именем?

— Мало вероятно. Для него это — большой риск.

— Ну хорошо, — вышел из-за стола полковник. — У нас тоже нет пока другого выхода, кроме как ждать. Надо предупредить гусевцев и курловцев.

— В курсе дела лейтенант Карасев из Гусь-Хрустального горотдела.

— А этого достаточно? — вскинул брови полковник.

— Достаточно, — твердо ответил Салаев.

В небольшом городке Солдатское-Александровское Ставропольского края Трофимов и Высоцкая снимали комнату в полуподвальной части старого кирпичного дома.

В единственном окне был едва различим в вечернем сумраке изогнутый ствол дерева. Он будто бы приковал к себе взгляд Высоцкой. В накинута на плечи пуховом платке она сидела на стуле у остывшей плиты и чутко прислушивалась к скрипу снега за окном под ногами прохожих, к звуку шагов в коридоре. Всегда пунктуальный, Трофимов сейчас задерживался с работы. Высоцкая не зажигала лампу — сэкономила керосин. Все тревожнее становилось на душе. И вдруг она почувствовала, как сильно устала. Не от работы — в кабинете зубного врача так не устанешь. Какая-то тяжесть давила на плечи. Хотелось ни о чем не думать — ни о прошлом, ни о настоящем, но мысли не давали ей покоя.

Вот уже много времени ее преследуют тягостные раздумья. Все прошлое выглядело мрачным, а настоящее казалось настолько зыбким, что порой Высоцкой овладевало отчаяние. Она потеряла уверенность в себе, в своем благополучии еще тогда, когда, повинаясь воле обер-лейтенанта Трофимова, уехала с ним в Германию. А возвращение на Родину оказалось не менее безрадостным: постоянная тревога за мужа, который, боясь разоблачения, таился от людей и заставлял ее жить замкнуто, нелюдимо; не давало покоя как-то незаметно пробудившееся в сознании, еще не до конца понятое чувство вины перед всеми, кто окружал ее.

Однажды — это было уже здесь, на Ставрополье, — Высоцкая не выдержала гнетущего душевного напряжения и сказала Трофимову, что не может больше жить так, уйдет от него. Тот хладнокровно пообещал убить ее, если она это сделает. Высоцкая думала, что эта угроза подсказана любовью Трофимова, и ей ни разу не пришло в голову, что он видит в ней свидетеля своих преступлений, — свидетеля, которого нельзя отпускать от себя. Ей было известно не только о тех двух партизанах, расстрелянных в ее родном селе обер-лейтенантом Трофимовым, но и о его личном участии в карательных операциях, после которых остался один пепел от Лог, Грязина, Гребнева и других белорусских сел.

Высоцкая много думала о своей судьбе, и ей казалось,

что некуда идти, никому другому она не нужна теперь, и заставляла себя верить в любовь Трофимова.

Заслышав знакомые шаги в коридоре, она, обжигая спичками пальцы, торопливо зажгла лампу и с испугом взглянула на вошедшего Трофимова. В надвинутой на глаза шапке он стоял у порога, опустив голову, держа руки в карманах старого демисезонного пальто.

— Что случилось, Ваня? — шепотом спросила она.

— Я не Ваня! — вскричал вдруг Трофимов. — Запомни, я не Ваня! Не Трофимов! — послышалось отчаяние в его голосе. — Я — Высоцкий Александр Александрович.

С минуту он молча смотрел на нее. Постепенно с его лица сходила багровость, дикое выражение глаз сменилось подавленностью. Он медленно подошел к Высоцкой и тихо произнес:

— Прости.

— Что случилось? — положила она ему руки на плечи.

— Чекисты интересуются нами.

Высоцкая охнула, словно ее ударили.

— Что я должна сделать, что? — заговорила она быстро. — Только скажи, я все сделаю.

— Ничего, — вяло обронил Трофимов и, взглянув на нее, вдруг заметил, как постарела она. — Ничего, — повторил он мягко и тут всем своим существом осознал, что Высоцкая — единственный человек, который может еще прощать ему. К горлу подступил горький комок. — Ничего, — едва слышно произнес Трофимов. Он испытывал сейчас огромное желание сказать что-то доброе. — Ты разрешила мне взять имя своего мужа. Это самое большое, что могла ты сделать для меня... Успокойся. На этот раз, кажется, все обошлось.

Работники Солдатско-Александровского райотдела МГБ заинтересовались супружеской парой врачей Высоцких — Александром Александровичем и Верой Александровной. Оба они — уроженцы Белоруссии, оба во время войны были за границей, а сейчас почему-то они здесь. Биография Высоцкого вызывала лишь сочувствие. Родился 13 ноября 1916 года в Витебской области, до семи лет воспитывался у тетки, так как отец-красноармеец погиб в гражданскую, а мать умерла от тифа. Оказался в детдоме, сбежал оттуда, беспризорничал. Затем Бачейковская школа-коммуна, рабфак, Минский медицинский институт. Женился на студентке зубоврачебной школы, государственные экзамены сдавал в горящем от фа-

шистских бомб Минске. Не успел эвакуироваться и вместе с солдатами-окруженцами пробивался на восток. Под Оршей был контужен, ранен и доставлен в Оршанскую железнодорожную больницу. Пришли немцы и всех раненых и больных выбросили на улицу, заняли помещение больницы. Жил и лечился у жены по адресу: улица Новый быт, 9. В 1942 году разбомбило дом, и супруги переехали в Минск, в июне 1943 попали в облаву и были вывезены в Германию, в лагерь, что в местечке Зангерхаузен. В середине апреля 1945-го пленников лагеря освободили союзные американские войска. Оттуда Высоцкого, как писал он в объяснении, направили в войсковую часть 52702, где он работал врачом до середины сентября 1945-го. В оккупированной немцами зоне не работал из-за болезни. На допросах у немцев и американцев не был.

Никаких подозрений не вызывали и сведения анкеты: в боевых операциях не участвовал, в Красной Армии и армиях воевавших с СССР стран не служил, предателей, изменников Родины, пособников врага не знает.

На всякий случай ставропольцы поинтересовались в горздравотделе, предъявлял ли Высоцкий документ, удостоверяющий его профессию врача. Горздравотдел ответил, что его приняли на работу в поликлинику на основании справки, выданной ему 25 марта 1945 года в Зангерхаузене и свидетельствовавшей о том, что он, русский гражданский врач, работал в больнице по обслуживанию населения Востока. Это сходилось с автобиографией Высоцкого, и в горотделе МГБ отложили его дело в сторону.

Но в горздравотделе обеспокоились тем, что органы госбезопасности интересуются документами Высоцкого. В тот день заведующая поликлиникой вызвала Высоцкого — Трофимова к себе после работы и учинила ему допрос, потребовала предъявить диплом или его дубликат. Трофимов не выдал охватившего его волнения и сделал вид, что удивлен таким требованием. Он-то знал, что документы Минского медицинского института не сохранились, и осторожно, чтобы не вызвать гнева заведующей, сказал, что уже обращался в институт, но ему отказали из-за утраты архива.

— Ничего не знаю, — отрезала заведующая. — Вами тут интересуются... — и сразу умолкла, поняв, что сказала лишнее.

Трофимов пообещал найти свидетелей его учебы и окончания института, чтобы получить дубликат дипло-

ма, и, вежливо попрощавшись с заведующей, поспешил на улицу. Он сразу понял, кто именно интересуется им, и испытал панический страх. Бежать, бежать куда-нибудь, только подальше от этого города. Но постепенно Трофимов пришел в себя, собрался с мыслями и понял, что ничего страшного пока нет. Ведь если бы органы госбезопасности всерьез заинтересовались им, то ему пришлось бы беседовать не с заведующей поликлиникой. «На всякий случай наводили справки», — не ошибся он в своем предположении.

— В поликлинике требуют от меня диплом, — объяснил он Высоцкой, снимая пальто. — Надо уезжать.

Высоцкая с облегчением вздохнула. У нее появилась вдруг надежда, что этот переезд как-то изменит их жизнь, принесет хотя бы немного покоя.

— Поедем в Лоев, — предложила она. — Там я работала до войны, меня знают. Устроимся.

В Лоеве Высоцкую, действительно, вскоре приняли на работу, но для Трофимова места не оказалось. Два месяца сидел он без дела, почти не появляясь среди людей. Одной зарплаты едва хватало. Заедала тоска, изматывающая нервы экономия денег. Искать работу в другом городе? Есть ли смысл? Ведь везде в любое время могут потребовать от него диплом вместо этой затертой справки, которую он сам набрал ручным набором и тиснул в пустовавшей типографии. К тому же эта справка предательски свидетельствует о том, что он был в Германии. Идти в разнорабочие, натруживать спину? Уже сама мысль об этом пугала Трофимова, и он вынужден был действовать.

Вот когда пригодилась ему феноменальная память — он вспомнил подмосковный адрес своего помощника, второго врача санчасти карательного батальона. Тот сбежал со службы еще в Белоруссии и, по мнению Трофимова, мог уйти от ответственности перед советскими властями.

Поезд прибыл на эту небольшую станцию рано утром. Страх и смятение прочитал Трофимов на лице Бурова, когда тот увидел своего бывшего начальника и его спутницу. Пропустив в квартиру незваных гостей, Буров тут же закрыл за ними дверь на ключ.

— Мы всего на три-четыре дня, — попытался успокоить его Трофимов. — Не бойся.

Но хозяин не сразу опомнился от этой встречи, которая не сулила ему ничего хорошего.

На третий день Трофимов ожидал в Москве на Кур-

ском вокзале вызванного из Уршеля телеграммой отца. Под вечер он увидел его, суетящегося в толпе, заглядывающего в лица прохожим. На старике были потерянная стеганка, измятая шапка-ушанка, ватные, засаленные на коленях брюки, серые стоптанные валенки.

— Сынок! — радостно воскликнул старик и со слезами на глазах упал ему на грудь. — Где же ты был? Живой?! А мы уж тебя давно похоронили. У тебя не хватило денег, чтоб домой доехать? Так я тут взял, — и старик рукой пощупал что-то за пазухой. — Соседка займы дала. Трудное время сейчас.

Но тут он заметил, как хмур сын, и выжидающе умолк.

— Никому не говори пока обо мне, — оглянувшись, сказал Трофимов.

— Почему?! — удивился тот.

— Я в плену был.

— А-а-а, — задумался старик. — Так то не беда. Вас таких много после войны. Все домой вернулись. Пойдешь, куда надо, всю правду расскажешь — и живи спокойно. Мы похоронили тебя, а женка твоя все ждет. Она в Ильичеве живет сейчас. За детишками хорошо смотрит. Здоровы они. Вот обрадуется! — не мог насмотреться старик на сына.

— погоди, — мотнул головой Трофимов, почувствовав, как защемило у него в груди. — Обо мне никто не спрашивал у тебя с матерью или у жены?

— Как же, спрашивали. Соседи. Все интересуются, не объявился ли ты.

— Да нет. Ну, из милиции или еще откуда.

— Не-е-е, — не сразу ответил старик и пристально посмотрел на сына. — А что такое?

— Да так, ничего, — старался говорить с безразличием Трофимов. — Фамилия у меня другая. Свою надо вернуть. Да не думай ты ни о чем, — махнул он рукой, увидев, что отец нахмурился, опустил голову. — Просто так надо было. Маленькая формальность.

— Нет, просто так ничего не бывает, — проговорил старик и хмуро взглянул на сына. — Что натворил ты?

— Ну вот заладил. Ничего. Маленькая формальность — и все.

— Так что мне делать? — произнес старик и смахнул ладонью накатившуюся слезу. — Обратно ехать?

— Да. Прости за короткую встречу. Езжай домой. Обо мне никому не говори. Скоро увидимся.

Старик протяжно вздохнул и вдруг заговорил энергично, требовательно:

— Только помогать тебе в твоих делах я не буду. Как потерял свою фамилию, так и находи ее. Но чтоб никакого пятна на нас с матерью да на твоей жене не было!

Вернувшись с вокзала, Трофимов выложил Высоцкой свое решение:

— Мной не интересовались, значит, ехать туда можно. Поедем ко мне.

Высоцкая недоуменно посмотрела на него.

— Там же твоя жена, — сказала она.

— Ну вот еще! — рассердился Трофимов. — Впрочем, — задумался он, — ты можешь пожить некоторое время в Лакинске, пока я все сделаю. В Лакинске легче найти работу.

— Ваня! — обхватила его за шею руками Высоцкая. — Не оставляй меня! Слышит мое сердце — беда будет.

От ее голоса у Трофимова мороз пошел по коже. Он грубо отстранил Высоцкую и сказал:

— Не говори глупостей.

Но тут же плечи у него опустились, он медленно сел на стул, уставился в пол.

— А если случится что, — медленно заговорил он, — не поминай меня лихом. Виноват я перед тобой, — и закрыл лицо ладонями. — Если что — устраивай свою жизнь. Спокойную жизнь. Со мной тебе этого не сделать.

Высоцкая с рыданием упала перед ним на колени, обхватила руками его ноги.

— Не оставляй меня... Не оставляй... А знаешь что? — заглянула она ему в глаза. — Пойди и сознайся во всем. На коленях проси у них прощения, на коле...

Резко вставший со стула Трофимов не дал ей договорить.

— Я знаю, каким будет для меня прощение, — сказал он, глядя за окно.

5

Больше часа стоял Трофимов на заснеженной улице Ильичева, выжидая, когда выйдет из дома жена. Он не хотел заходить в дом — боялся видеть своих детей, одно лишь упоминание о которых стало для него в последнее время судом совести. Она пробудилась у него незамет-

но: что-то заставляло его все чаще и чаще вспоминать прошлое, довоенное — жизнь с родителями, женитьбу, рождение детей, и каждый раз, отдавшись воспоминаниям, Трофимов все сильнее и сильнее тосковал о прошлом, чувствовал себя виноватым перед теми, кого не возблагодарил он за доброту, ласку, любовь. Здесь, на родине, он совсем сник, на глазах у него стали появляться слезы. Вот и сейчас, ожидая не предупрежденную о его появлении жену, Трофимов нервничал, шмыгал носом. Чтобы не пропустить ее мимо, не спутать с другой, он припоминал черты ее лица.

Трофимов не ругал отца, лишь досадовал на него за упрямый отказ пойти вместе с ним в Гусь-Хрустальный горотдел и подтвердить, что его имя — Иван, что он — его сын. Трофимов не хотел, чтобы об этом отказе отца узнали в горотделе, и устремился за помощью к жене. Он решил, что это даже кстати — заявить о себе в другом районе.

Он узнал ее издали. Короткое пальто плотно обтягивало тонкую фигуру, на ногах, явно не по размеру, кирзовые сапоги, темный платок придавал лицу бледность. Она хотела было пройти мимо, но тут остановилась, вскрикнула, потянулась к нему руками.

— Ваня... — прошептала жена. — Ванечка! — и с изумленно открытыми глазами отшатнулась назад, когда Трофимов отвернулся.

— Не надо, — старался он говорить резко. — Все в прошлом. Я не имел возможности помогать тебе материально. Теперь буду помогать. Не надо, успокойся, — поморщился он и вытер кулаком нос. — Но для того, чтобы я мог помогать, ты мне поможешь. Я с тобой не разведен, значит — муж. Сейчас нам надо вместе поехать в район, и ты подтвердишь, что я — твой муж. Меня ведь здесь не знают.

— А з-зачем, куда? — спрашивала она в полной растерянности.

— Ну, понимаешь, в органы. Маленькая формальность.

Жена тихо вскрикнула, прикрыла рот ладонью.

— Ты там был?

— Нет. Надо сразу вместе. Так лучше. Прошу, помоги мне. Мы ведь близкие люди.

Телефонный звонок заставил Салаева оторваться от бумаг.

— Привет! Узнаешь? — слышалось в трубке.

— Пока нет, — ответил Салаев, припоминая, кому принадлежит этот голос.

— Да-а, давно не был ты в Гусе. Забыл.

— Карасев?! — радостно воскликнул Салаев и тут же принялся к трубке, сообразив, что Карасев не может звонить от нечего делать.

— Да, я. Весточку шлю тебе. Голубок наш у соседей. Понял?

— Понял. Жди меня. Выезжаю.

Салаев положил трубку и поспешил к начальнику управления.

Работники Курловского райотдела МГБ получили распоряжение не учинять Трофимову подробных допросов, взять у него лишь письменное объяснение, пообещать, что документы на его имя будут выданы, но осторожно задержать его в районе как можно дольше.

И вот в руках Салаева письменное объяснение Трофимова. Его одиссея выглядела правдоподобно. В октябре 1941-го был ранен, контужен и в бессознательном состоянии попал в плен к немцам. До марта 1942 года находился на излечении в лазарете для военнопленных в городе Вязьме. По октябрь 1942-го был врачом лагеря военнопленных в Смоленске, а в ноябре — врачом госпиталя в Орше. 1942 — октябрь 1943-го — врач госпиталя в Вильно, затем до февраля 1945-го — врач лазарета во французском городе Квитвидан. Лазарет был переведен в Германию, в город Беренбург, а в марте военнопленных освободили американцы.

Много данных имел Трофимов в запасе — указанные им время и место нахождения госпиталей и лазаретов точно соответствовали действительности.

Трофимов писал далее, что поверив враждебной пропаганде, призывавшей не возвращаться на Родину, он испытывал страх перед тем, что в СССР будто бы жестоко расправляются с бывшими военнопленными. Однако он не мог жить на чужбине и вернулся. А чтобы избежать незаслуженного, на его взгляд, наказания, взял фамилию мужа своей сожительницы. Где она, не знает. Сейчас он рассказывает в том, что вынужден был под угрозой смерти служить в лагерях врачом, и просит выдать ему документы на его подлинное имя.

По тому, как смело признавался Трофимов в своей службе врачом, Салаев понял, что тот — третий калач:

знает, что работа врачом у немцев не подлежит наказанию.

Не учел Трофимов одной тонкости: ведь он сразу же по возвращении в СССР должен был убедиться в лживости вражеской пропаганды, пугавшей военнопленных какими-то репрессиями со стороны советских властей, и вскоре мог смело заявить о себе, однако ходил под чужой фамилией более двух лет.

«Хитришь, грубо хитришь», — подумал Салаев о Трофимове. Этого на испуг не возьмешь. Нужны факты. Надо доказать, что он служил врачом не в лагерях военнопленных, а в карательном батальоне.

Запросили центр: не известно ли там, где находятся другие бывшие служаки 605-го карательного батальона?

Шли дни. Трофимов каждое утро справлялся в Курловском райотделе, когда будут готовы документы. Ему вежливо обещали: скоро. И ссылались на временный отъезд работника, который занимается этим делом. Трофимов поверил в удачу и, разговорившись однажды с начальником райотдела, сказал, что договорился уже насчет работы в Уршельской участковой больнице и теперь, мол, остановка за документами. Что же касается диплома, то он уже написал в Ленинградскую военно-медицинскую академию и скоро получит его. Об этом разговоре сообщили Салаеву, а тот — дальше по инстанции. Задерживать выдачу Трофимову документов становилось рискованно — он мог заподозрить неладное и скрыться. Решили выдать Трофимову документы и строго-настрого наказали курловцам не спускать с него глаз. Трофимов вскоре получил дубликат диплома, устроился на работу в Уршельской участковой больнице, вызвал к себе Высоцкую. Теперь Салаев мог без оглядки на время добывать нужные факты.

Снова помогли белорусские товарищи. На просьбу владимирцев уточнить службу Трофимова в карательном батальоне минчане сообщили, что такие-то и такие жители сел, где останавливался батальон для проведения карательных операций, знают Трофимова в лицо и на одной из показанных им фотографий опознали его.

Но и этого было мало. Факт службы у немцев не влечет уголовной ответственности, а сомнения не вызывало, что Трофимов принимал непосредственное участие в расправах над партизанами и мирным населением. И тут помог центр. Он сообщил место жительства двух бывших военнослужащих карательного батальона, кото-

рые не совершили тяжких преступлений, а также место заключения третьего.

Бывшие подчиненные Трофимова также опознали его на фотографии и, боясь, что и им может не поздоровиться, рассказали о нем все, что знали. Центр сообщил и о том, что Трофимовым занимались ставропольцы. Полученные от них сведения оказались весьма кстати.

Трофимова арестовали на работе. В райотделе МГБ он громко возмущался, требовал объяснений, затем закатил истерику со слезами и кусанием кулаков. Для его успокоения был один рецепт.

— Вы помните свое письменное объяснение, которое дали перед тем, как вернуться из-за границы?

— Да, помню. То объяснение противоречит этому, которое я дал здесь. Так разве непонятно, почему я так писал тогда? Я был военнопленным и хотел скрыть это, чтобы избежать возможных репрессий.

Салаев невозмутимо продолжал:

— А вот Буров, у которого вы, кстати, были недавно, Косоруков и Белкин знают о вас, оказывается, больше, чем вы сами.

Трофимов изменился в лице.

— Впервые слышу эти фамилии! — вскричал он.

— Может быть, вы не помните и двоих расстрелянных вами партизан и как стреляли по мирным жителям?

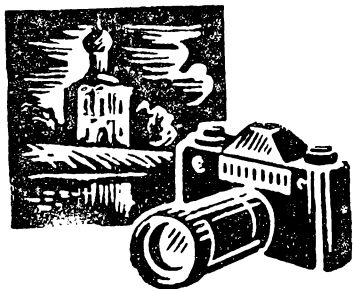
Трофимов побледнел. Было видно, что он держится из последних сил.

— Это наговор, клевета!

— А последнюю пулю, что осталась в обойме после расстрела партизан, вы израсходовали не на своего обидчика — командира роты? — усмехнулся Салаев.

Этот вопрос окончательно обезоружил Трофимова. Он обессиленно облокотился о стол и, не поднимая головы, проговорил:

— Того выскочку другая пуля нашла...

ЧЕКИСТСКИЕ БУДНИ

Поезд Владимир — Москва медленно подходил к перрону вокзала. Пассажиры теснились в проходах и тамбурах, рассматривали сквозь окна многолюдную толпу встречающих, отыскивая в ней знакомых и родных.

Среди пассажиров в одном из вагонов находились интуристы. Они оживленно разговаривали, бойко жестикулировали, громко смеялись. Центром внимания их был толстенький, лысеющий господин: он занимал своих соотечественников какими-то веселыми историями.

Но вот поезд остановился. Основной поток пассажиров моментально схлынул. Не спеша поднялись с мест и зарубежные гости. Захватив огромные сумки с яркими, разноцветными наклейками, они двинулись к выходу.

Последним покинул свое место толстенький весельчак. Незаметно ото всех он положил на соседнее сиденье какой-то журнал, потом ловко подхватил чемоданчик и поспешил вслед за своими друзьями.

1

Подполковник Терехин сидел в своем просторном кабинете и просматривал дневную почту.

Телефонный звонок прервал ход его мыслей.

— Слушаю! Терехин! — привычно отозвался он.

Выслушав, что ему сообщили, аккуратно прикрыл папку с документами и дал указание дежурному управления выписать пропуск директору гостиницы, просившему срочно принять его по важному делу.

...Напротив Терехина сидел пожилой, чуть седоватый человек. Он был явно взволнован, что угадывалось и по

внешнему виду, и по той несобранности, которая мешала ему начать разговор.

— Слушаю вас, товарищ Дорохов, — ободряюще сказал Терехин, вынимая портсигар и предлагая папиросу посетителю.

— Благодарю! — ответил директор. После двух-трех затяжек он, несколько успокоившись; вынул из кармана фотоснимок и положил его на стол.

Подполковник поднес снимок к абажуру настольной лампы. На фотокарточке он увидел контрастное изображение знаменитого исторического памятника Покрова на Нерли. Стройное белокаменное здание стояло на берегу старицы, словно любясь своим отражением в воде.

— А что это? — спросил Терехин, протягивая Дорохову карточку и указывая на четыре единицы, написанные подряд в правом углу снимка, и крестик, нарисованный на портале главного церковного входа.

— Не знаю! Поэтому к вам и пришел.

— Тогда прошу объяснить все по порядку.

— Охотно, — ответил Дорохов. — Сегодня приехала к нам группа иностранных туристов. Возглавляет ее эдакий разбитной, молодящийся джентльмен, по фамилии Джексон. Только я успел встретить гостей и расселить по номерам, как с вокзала приходит посыльная. Приносит журнал и говорит, что проводница нашла в вагоне, где ехали иностранцы. Видимо, забыли. Я поблагодарил посыльную и, честно признаюсь, прежде чем отдать журнал, решил посмотреть его. Пустое любопытство. Зашел к себе в кабинет и начал рассматривать картинки... И вдруг вижу: между страницами заложена вот эта открытка... Нет, не эта... Такая... То бишь не такая...

— Что-то не пойму вас, — мягко перебил рассказчика подполковник. — Не волнуйтесь, говорите спокойно...

— Да, конечно! Я бестолково передаю вам происшедшее, — виновато улыбнулся директор. — В журнале была такая же точно фотокарточка собора, но не эта. Та осталась лежать на своем месте в журнале, а эту я приобрел в газетном киоске и восстановил цифры и знак, какие были на подлиннике. Теперь вы меня поняли?

— Отлично понял. А скажите, масштаб и место расположения знаков идентичны подлиннику?

— Нет... Цифры были очень маленькими и еле заметными, вот в этой, теневой части снимка... — Дорохов

приподнялся и показал место, где на подлиннике были помещены знаки. А крестик мной сделан. На той стояла всего лишь точка. Я тогда же подумал, что точка не фабричный брак, а условный знак. Пошел и купил вторую такую же открытку. Вот взгляните. На этой нет никаких точек. — Дорохов протянул другой экземпляр открытки.

Подполковник тщательно рассматривал под лупой обе открытки.

— Да, точек на этой нет. Ну, а журнал с подлинником где?

— Я их отнес старшему группы, господину Джексону, тотчас же.

— А как реагировал на ваш приход иностранец? Не обратили внимание?

— Как же, как же! Конечно, обратил. Я зашел и говорю: «Господин Джексон! Кто-то из ваших туристов забыл в поезде вот этот журнал. Служащая вокзала нашла и передала мне. Как у вас это называется, «сервис»? Он улыбнулся и ответил мне по-русски: «Спасибо, директор, я спрошу своих коллег, кто из них забыл журнал... Кто из них, как у вас говорят, ра-зи-ня. Разиня!» И снова засмеялся. Я откланялся, повернулся к двери и собрался уходить. В это время заметил в зеркале, как господин Джексон вдруг посерьезнел. Он начал листать журнал. Дошел до того места, где лежала открытка, на секунду задержал на ней свое внимание, перевернул еще одну-две страницы, захлопнул журнал и направился к окну. В это время я и вышел из номера. Вот, пожалуй, и все мои наблюдения.

— Да вы прямо-таки Шерлок Холмс, дорогой товарищ Дорохов! — улыбаясь, воскликнул подполковник.

— Ну что вы, что вы, товарищ Терехин! Своей наблюдательностью я вам обязан. Помню, слушал лекцию о происках империалистических разведок.

— Выходит, — весело пошутил Терехин, — что брошенное семя упало на благодатную почву...

Подполковник отметил пропуск и проводил гостя до двери. Прощаясь с ним, Терехин спросил:

— Могли бы вы задержаться еще немного у себя в гостинице? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Я подошлю сейчас работника, он кое-что должен выяснить о прибывших иностранцах. Без вашей помощи ему будет сложно...

— Конечно, конечно, — поспешил ответить Дорохов, пожимая руку подполковника.

После ухода директора Терехин несколько раз прошелся по кабинету, потом сел, докурил папиросу, задумчиво наблюдая, как исчезают бесследно колечки дыма...

«Джексон, Джексон... — размышлял вслух подполковник. — Всего неделю назад вы приезжали вместе с сотрудником посольства своей страны на его личном автомобиле. Тогда же вы осмотрели все памятники старины. Были в поселке Боголюбово, посетили и церковь Покрова на Нерли... Стало быть, вам так понравилась древнерусская архитектура, что вы решили вновь посетить наши края? Посмотрим, посмотрим...»

Терехин вызвал группу оперативных работников, потом достал из сейфа тонкую коричневую папку и углубился в чтение подшитых в ней документов.

Не прошло и получаса, как дежурная машина доставила всех вызванных товарищей. В кабинет вошли капитан Грачев, майор Филиппов, лейтенант Любимов и техник-специалист Светлов.

— Садитесь, товарищи! — обратился к вошедшим Терехин. — Должен вас огорчить: вечерний отдых нарушен, впереди предстоит немалая работа.

— Подумаешь, новость, — попытался сострить капитан Грачев.

Подполковник доложил присутствующим оперативную обстановку, рассказал о разговоре с директором гостиницы. И заключил:

— Грачеву следует побеседовать с проводницей вагона, лейтенанту Любимову выяснить планы пребывания иностранцев в городе. Я с Филипповым и Светловым отправлюсь сейчас же к церкви Покрова на Нерли. На выполнение этих заданий срок самый минимальный. Через полтора часа собираемся здесь и обсуждаем добытые сведения. Желаю успеха...

2

Город давно уже спал, а в кабинете подполковника Терехина шел напряженный разговор. Флегматичный капитан Грачев не спеша докладывал результаты своей работы:

— Проводница вагона рассказала, что, проводив пассажиров, она зашла в вагон и на одном из сидений увидела иностранный журнал. Взяла журнал и продолжи-

ла осмотр вагона. Она находилась уже в тамбуре, когда с противоположной стороны в вагон вошел молодой человек. Дорогой в своем вагоне она его не видела. Он шел по проходу и заглядывал на сиденья. Дойдя до конца вагона, он мгновенно постоял в раздумье, потом повернулся и быстро пошел обратно. Лица парня проводница не запомнила, а вот в чем был одет и какой рюкзак имел — рассказала подробно.

— Вы предприняли шаги к установлению личности неизвестного? — спросил Терехин.

— Конечно! — спокойно ответил Грачев. — Я подумал: если он местный житель, то искать сейчас бесполезно. Если приезжий — подастся в гостиницу. Туда я и направился. И представьте, я увидел парня, одетого точь-в-точь так же, как описала проводница. Тут я обо всем сообщил Любимову, направленному вами в гостиницу, и передал подозрительного типа его заботам.

— Вопросы к Грачеву есть? — Терехин обвел присутствующих взглядом и, не получив ответа, обратился к Любимову: — Ваше слово, лейтенант!

Любимов встал и, вынув записную книжку, доложил:

— Группу туристов-западников возглавляет их соотечественник Джексон. Во Владимире он не впервые. Последний раз был в нашем городе неделю назад. В гостинице ведет себя спокойно. Несколько раз выходил из номера в вестибюль, прогуливался возле гостиницы вместе со своей группой, был в ресторане. Находясь внизу возле дежурного администратора, присматривался к посетителям. В это время находился там и тот парень, о котором мне сказал товарищ Грачев. Остальные туристы у нас в городе не бывали. Установил я и личность подозрительного человека, прибывшего из Москвы с тем же поездом, что и туристы. Им оказался Александр Иванович Криворуков. По паспорту родился за границей. Студент московского института. В гостинице просил номер. Ему дали кровать в гостиничном общежитии. На всякий случай место рядом с его койкой я забронировал для себя. — Лейтенант замолчал, вопросительно взглянув на подполковника.

Терехин улыбнулся, одобрительно кивнул и со скрытой лаской сказал:

— Продолжай, Петя! — Он так иногда называл лейтенанта, к которому питал большую симпатию за пылкий ум, настойчивость в работе.

— О Криворукове я успел переговорить с Москвой.

И вот данные: он реэмигрант. Отец его — офицер белой армии, после разгрома Врангеля бежал за границу. Александр приехал в Советский Союз два года назад.

Терехин, слушая доклады подчиненных, время от времени делал какие-то пометки на листе бумаги, лежавшем на гладком, полированном столе.

— Не иначе — завербовали, — пробасил Грачев.

— Не спешите с выводами, — голос Терехина стал жестковатым. — Каждого человека надо рассматривать конкретно, тщательно разбираться в его судьбе. Может, Криворуков и шпион, но для такого заявления нужны факты, и только факты. Пока их у нас нет. И что главное? Нельзя относиться так ко всем реэмигрантам. Среди них много честных людей, по-настоящему любящих Родину. — И, обращаясь к Любимову, спросил: — Ну, а планы туристов? Что удалось об этом узнать?

— Иностранцы заказали три такси к девяти тридцати утра. Маршрут следования не заявили, сказали, что решат завтра, то есть, — Любимов посмотрел на часы, — теперь уже сегодня. У меня все, товарищ подполковник.

С места поднялся Терехин. Взглянув бегло на пометки в блокноте, он сказал:

— Мы были с товарищами Филипповым и Светловым в районе Покрова на Нерли. Тщательно осмотрели там местность и особенно церковный портал, где на фотокарточке помещена условная точка. Есть в кладке несколько трещин, но ничего подозрительного мы не нашли. Посовещались, пришли к версии: Джексон и Криворуков прибыли во Владимир не случайно. Джексон еще неделю назад, в свой последний приезд, избрал район Покрова на Нерли. Возможно, что одна из трещин каменной кладки главного портала — место для закладки тайника. Для этого он и подготовил открытку, но она не дошла до адресата. Откажется проводить намеченные мероприятия он в том случае, если не сможет уведомить вовремя своего партнера Криворукова о месте и времени операции или заподозрит, что журнал с условным паролем побывал в советской контрразведке. В противном случае — он пойдет на выполнение задания. А мы создадим ему «идеальные» условия. Чтоб ни малейшей тени сомнений. Затем, в случае закладки тайника шефами Криворукова, вступает в действие наш вариант номер один. Если инициатива будет исходить от Криворукова — вариант второй. Осуществление этих действий возлагается на майора Филиппова и его группу. Наблюда-

ние за Криворуковым — на лейтенанта Любимова. — Подполковник посмотрел на молодого чекиста и мягко проговорил: — Вы правильно решили переночевать рядом с Криворуковым. Его поведение на многое может открыть глаза.

— Вам, товарищ Грачев, важно обеспечить как можно больший разрыв времени между пребыванием Джексона у Покрова на Нерли и появлением там Криворукова, если наметится осуществление нашего первого варианта... Все ясно, товарищи? — подполковник посмотрел на своих коллег.

— Ясно!

— Тогда на короткий отдых. С восьми утра я буду на месте. Докладывать ход операций через каждые полчаса, если обстоятельства не потребуют более частых консультаций. Желаю удачи.

Офицеры вышли из кабинета, а Терехин, закулив папиросу, медленно положил бумаги в сейф, не спеша опечатав его и направился к выходу.

3

После завтрака туристы вышли из гостиницы, где их ожидали легковые машины городского таксопарка.

...Возглавлявший группу иностранцев господин Джексон вышел на улицу последним. В одной руке он держал согнутый пополам журнал.

На некоторое время он задержался у входа. Небрежно осматривая все вокруг с довольным видом преуспевающего дипломата, вдруг на какое-то мгновение задержал свой взгляд на молодом человеке, сидевшем поодаль на скамейке с раскрытым журналом.

Буквально тут же молодой человек поднялся и быстро направился в гостиницу. Не успел он пройти первую дверь, как господин Джексон, что-то крикнув своим людям, спешно направился вслед за ним.

Увидев Джексона, парень бросился обратно, в дверях они столкнулись. Потом Джексон, несмотря на свою полноту, почти бегом поднялся по лестнице. Ослепив дежурную блеском золотых зубов и приветливой улыбкой, попросил у нее ключ от номера, сказав, что забыл фотоаппарат. Вскоре он с той же сияющей улыбкой возвратил ключ, спустился вниз и присоединился к ожидавшим его соотечественникам.

Машины с иностранцами покатили в сторону Боголюбова.

А молодой человек с журналом в руках подошел к дежурному администратору, расплатился за пребывание в гостинице и, взяв из камеры хранения клетчатый рюкзак, направился в сторону вокзала.

На вокзальной площади он остановился, как бы обдумывая, что предпринять, потом повернул в сторону автобусной станции и взял билет до Боголюбова на очередной автобусный рейс.

4

Покрова на Нерли. Около белокаменной церкви, дышащей спокойствием и величием, разгуливала группа иностранных туристов. Как и все туристы, они громко восхищались красотой исторического памятника, щелкали затворами фотоаппаратов и кинокамер, заходили по нескольку раз в церковь и прогуливались вдоль берега реки.

И опять, как в поезде, господин Джексон был душой общества. Он говорил не умолкая. Видимо, рассказывал историю возникновения храма, так как часто показывал на церковь и видневшиеся вдали, на возвышенности, уцелевшие дворцовые строения князя Андрея Боголюбского.

Время от времени он посматривал на часы, и тогда взгляд его устремлялся в сторону дороги, которая вела от поселка Боголюбово к этим местам. Наконец господин Джексон направился к ожидавшим машинам, увлекая за собой всю компанию иностранцев.

Машины отправились в обратный путь.

В то время как господин Джексон нетерпеливо смотрел на часы, находясь у церкви Покрова на Нерли, в шести-семи километрах от него на магистрали Москва — Горький стоял пассажирский автобус, курсирующий между Владимиром и поселком Боголюбово. С мотором, чертыхаясь, возился шофер автобуса, жалуясь пассажирам на дежурного механика, выпустившего в рейс неисправную машину. Особую нервозность проявлял человек, выехавший утром из гостиницы. Видимо, в его планы никак не входила эта вынужденная остановка, и он нетерпеливо спрашивал водителя, скоро ли тот исправит машину.

На шоссе показались автомашины с иностранцами, которые возвращались в город с экскурсии. Господин

Джексон, увидев на дороге ремонтируемый автобус и гуляющих пассажиров, попросил водителя такси остановиться и добавил, что в его стране ни один шофер не проедет мимо, не предложив услуг своему коллеге, застрявшему в дороге. Но шофер автобуса уже полез в кабину, приглашая пассажиров занять свои места. Через минуту автобус тронулся в сторону Боголюбова, а машины с иностранцами в город Суздаль...

5

Терехин собрал бумаги и поднялся «наверх». «Верхом» называли местные чекисты кабинеты руководства управления, расположенные на втором этаже старинного здания, в котором помещалось ЧК с момента революции.

В кабинете за массивным столом сидел пожилой генерал. Он внимательно слушал доклад Терехина.

— Ребята сработали аккуратно, — обстоятельно, коротко излагал подполковник, тоже не новичок в оперативном деле, привыкший беречь и свое и чужое время. — Джексон предпринял немало маневров, желая убедиться, что он не в поле нашего зрения. И, не заметив ничего подозрительного, решил передать Криворукову журнал с планом тайника. Надо отдать должное, сделал он это квалифицированно, в одну-две секунды в дверях гостиницы, на мгновение войдя в контакт со своим агентом. Потом все шло по нашему плану. Капитан Грачев «испортил» автобус, в котором ехал Криворуков к церкви Покрова на Нерли. Затягивать свое пребывание в этом районе Джексон не решился. Убедившись, что возле церкви никого нет, он уехал. Тут же майор Филиппов и наш «чародей» Светлов осмотрели тайник. Оказалось, что разведчик ограничился только небольшой шифровкой. Вот ее фотокопия. — Терехин раскрыл папку и положил на стол фотоснимок, на котором в три ряда были размещены маленькие цифры по шесть знаков в колонке.

— Несколько таких фотокопий, — продолжал подполковник, — направлены нарочным в Москву. И последнее, так, для лирики, — улыбнулся Терехин, — Криворуков, видать по всему, еще не очень опытный агент. Лейтенант Любимов, «спавший» рядом с ним в гостинице, говорит, что парень со слабыми нервишками. Ночь почти не спал, часто выходил курить. Нервничал утром, особенно готовясь идти на встречу с Джексоном. Очень вол-

новался при «поломке» автобуса и, как только изъяс-
тайник, тут же вернулся в город и с первым же такси от-
правился в столицу. Он по-прежнему остается в поле на-
шего зрения. Вот, пожалуй, и все, — Терехин захлоп-
нул папку, ожидая вопросов.

— Молодцы! — сказал генерал.

6

Прошло некоторое время, и Москва сообщила, что
в шифровке Джексона указывалось задание, которое
должен был выполнить Криворуков по сбору разведыва-
тельной информации, место и дата передачи собранных
материалов.

Криворуков, как указывалось в сообщении Комитета
госбезопасности, был задержан с поличным и на следст-
вии признался в шпионской деятельности. Он сообщил,
что завербован еще за границей вражеской разведкой,
которая направила его в Советский Союз вместе с эми-
грантами, возвращавшимися на Родину.

ВТОРОЙ ВИЗИТ

ГОСТИ ОСОБОГО ОТДЕЛА

На сильном морозе у человека появляется такая же жажда, как при летнем зное. Вот почему младший лейтенант Звездин, войдя в деревню, где располагался особый отдел дивизии, сразу же направился к колодцу.

Обледенелый журавль колодца напоминал диковинного белогривого коня. Повинуясь сильной руке, «конь» начал наклонять голову. Зазвенели, посыпались вниз сосульки. И вот наконец тяжелая деревянная бадья, дышащая паром, на краю колодца. Вода обжигает губы, как кипятки.

Напившись, Звездин вытер рукавом полушубка губы, медленно зашагал к избе, в которой размещался особый отдел. В памяти всплывал весь сегодняшний день.

... Рано утром вошел в избу румяный с холода, запыхавшийся лесник... Короткое сбивчивое сообщение. Видел ночью какие-то силуэты, спускающиеся с неба, будто огромные птицы. Экстренный сбор отряда. Сугробы и завалы в лесу. Холодок таявшего снега за воротником. Скольжение лыж на просеке. Сколько километров пройдено сегодня? Двадцать, тридцать? А результат? Надо прямо сказать: неважный. Правда, обнаружили закопанную в сугробе рацию, тук со снаряжением. Но сами люди, сброшенные с самолета... Где они?

След вывел на проселочную дорогу и затерялся. Звездин и его товарищи чувствовали себя как охотники, проблуждавшие целый день по болоту и вернувшиеся без добычи. Звездин со злостью пнул подвернувшийся под ногу кусок льда и быстро зашагал к избе.

«Отдохнуть, выспаться. А потом снова на поиски». С этими мыслями Звездин положил автомат на скамью, скинул полушубок. Крикнул постового, предупредил, что приляжет на часок-другой. Устроился на деревянной ска-

мейке, положив вместо подушки под голову шапку, и мгновенно забылся.

Его разбудил громкий стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Звездин, вскакивая на ноги и с досадой думая, что так и не удалось выспаться.

— Ну, что там стряслось? — спросил он у часового.

— Двое солдат каких-то пришли. Ищут особый отдел. Говорят, что хотят сообщить что-то важное.

— Пусть заходят. — Звездин присел на скамейку.

В избу вошли двое мужчин в ватниках, с автоматами через плечо. Один — высокий, со строгим, рябоватым лицом. Другой — пониже, коренастый, смуглый. Встали посреди избы, цепко осматривая Звездина. И тот оглядел их с ног до головы. Солдаты как солдаты на вид. Только ведут себя как-то странно.

Звездин указал солдатам на табуретки.

— Садитесь, рассказывайте, зачем пожаловали.

— А история наша такая. Окружение. Плен. Лагерь. Что за этим кроется, говорить не буду, сами знаете. — Рослый снял шапку. Звездин увидел совершенно седые, точно обсыпанные мукой, волосы. «Седой! А ведь на вид лет тридцать пять—сорок».

— Собачья жизнь, словом, была. Многие пытались бежать. Кого подстрелили, как куропаток, кого живьем разорвали на куски псы... Мы вот иной избрали путь к возвращению... Мне помог попасть в диверсионную школу офицер из СД Ганс Клаус. История эта длинная. Долго рассказывать. Ну, словом, после специального обучения вместе с напарником забросили нас за линию фронта. Зачем — не мне вам объяснять. Спросите: почему согласились? Надо же как-то было выбраться... Иначе не смогли...

Говоривший затянулся сигаркой, поперхнулся. От кашля и волнения глаза покраснели, наполнились слезами. Тот, что поменьше, угрюмо смотрел в пол.

Звездин переводил взгляд с одного на другого. Что это? Повинная? Или, может быть, инсценировка? Начало исполнения какого-то хитроумного плана фашистской разведки? В практике молодого чекиста такой случай был первым. Как бы здесь не промахнуться, не попасть впросак. Звездин взял трубку полевого телефона.

— Товарищ старший лейтенант! Докладывает Звездин. Здесь у меня интересные посетители. Нет, нет... Очень прошу зайти сейчас же.

Звездин положил трубку и обратился к гостям:
— Это хорошо, если вы действительно пришли с повинной...

КЛАУС ПРИЕЗЖАЕТ ВО ВЛАДИМИР

Годы не проходят даром, а особенно такие — тревожные, полыхающие огнем взрывов и заревом пожарищ, наполненные сложными конфликтами и ситуациями. В этом человеке с погонами подполковника, сидевшем за служебным столом, сейчас вряд ли кто узнал бы младшего лейтенанта Звездина. Годы оставили на лице суровые отметины: избороздили морщинами лоб, пересекли шрамом щеку, разбросали иней по волосам. В осанке появилось больше спокойствия, уверенности.

Звездин сосредоточенно рассматривал пожелтевший от времени документ. Он был сложен когда-то вчетверо, и сейчас, когда его развернули, он напоминал простреленную мишень.

Раздался телефонный звонок. Приглашал зайти полковник Шевченко. Звездин вышел, захватив с собой лежавшую перед ним папку.

— Вы, наверное, слышали, — начал разговор полковник, — что к нам во Владимир приезжает большая группа иностранных туристов?

— Да, знаю, — ответил Звездин. — Мне докладывал об этом капитан Бардин.

— Туристы на этот раз весьма необычны, — продолжал Шевченко. — Профессора. Преподаватели гуманитарных наук. Так сказать, господа ученые. Они намерены побывать в гостях у владимирских студентов, ознакомиться с их жизнью, поговорить с ними по душам.

— По душам, — повторил Звездин и чему-то улыбнулся, многозначительно взглянув на свою папку.

— Некоторые наши товарищи с предубеждением относятся к таким встречам, — по-своему истолковав улыбку Звездина, продолжал Шевченко. — А зря, право же, зря. Я лично не вижу в этом ничего плохого.

— Я разве против? — сказал Звездин. — Но...

— Что «но»? — Шевченко вопросительно взглянул на Звездина.

— В числе туристов значится некий Ганс Клаус. Эту фамилию мне довелось слышать еще во время войны. Да и к городу Владимиру она имеет некоторое отноше-

ние. Изучая материалы, я кое-что обнаружил. Оказывается, Ханс Клаус был здесь в начале тридцатых годов. Работали тогда на одном из владимирских заводов несколько иностранных специалистов. Был среди них Клаус. По-русски говорил отлично. Разговорчив был до навязчивости. Прилипнет с расспросами, никак не отвяжешься. Любопытный. Потом иностранные специалисты покинули СССР, и сведений о Клаусе к нам больше не поступало.

Шевченко взглянул на папку, которую держал в руках Звездин.

— Это его дело?

— Его.

— Покажите.

Шевченко, не торопясь, надел очки и долго разглядывал документы, выцветшую фотографию.

Полковник нахмурился, по лицу его пробежала тень.

— Так, так... Значит, старый Клаус решил побывать там, где был когда-то Клаус молодой. Интересно, как он теперь выглядит? А специальность-то теперь у него другая, да и гражданство не немецкое. В Латинскую Америку перебрался.

Полковник вызвал по телефону капитана Бардина.

— Я вот что попрошу вас, товарищ капитан. Информируйте руководство института о намерении делегации.

— А что касается Ханса Клауса, — полковник обратился к Звездину, — займитесь этим в первую очередь вы. Второй визит Клауса во Владимир не случаен.

НЕСОЛОНО ХЛЕБАВШИ

В коридоре института прохаживались иностранные туристы, среди которых были Ханс Клаус и мистер Геттридж. Беседовали они меж собой на английском.

— Я не буду сегодня выступать, мистер Геттридж, — говорил Клаус. — У меня есть на это веские причины. Вы гораздо эрудированнее меня и, думаю, сумеете внушить здешним молодым людям, что значит свободный мир.

— Жаль, очень жаль, мистер Клаус, что вы не хотите принять участие в нашем диспуте. — Холеное, полное лицо мистера Геттриджа расплылось в натянутой улыбке.

— Мне самому жаль, но вы должны понять меня. Не могу.

— Ну что ж, доктор Клаус, нам пора...

Актовый зал института был переполнен, сюда собрались сотни студентов, чтобы встретиться с иностранными гостями. Когда все расселись, на кафедру вышел мистер Гетридж. Лицо его дышало радушием и снисходительной благосклонностью.

— Леди и джентльмены! — начал он. — Мои юные друзья! Я убедился, что большинство из вас, здесь сидящих, неплохо говорят и понимают по-английски. Я мог бы вполне изъясняться на своем родном языке. Но я уважаю вас и хочу говорить с вами на вашем родном языке... — Гетридж сделал многозначительную паузу. Потом продолжал: — Мы очень благодарны вашему правительству, что оно предоставляет возможность нам, иностранным туристам, знакомиться с вашей страной. Что может быть лучше личных контактов? Вы сами отлично знаете, что настоящее представление о человеке можно получить не из анкеты, не из воспоминаний, а только при встрече, при знакомстве. Так и со странами, с государствами. Сколько ни читай книг, журналов, газет, все равно по-настоящему не узнаешь их. Другое дело — посещение страны, путешествие по ней... Только это может быть истинное представление.

Мы теперь убеждены, что Родина ваша прекрасна и богата. Она совсем не та, какой описал ее Герберт Уэллс... Нет, Россия теперь не во мгле. Сотни мощных электростанций сделали ее одной из самых светлых в мире. А если говорить фигурально, самый яркий свет принесло вашей стране образование. Мы искренне завидуем, что у вас столько школ, техникумов, институтов, столько выпускается специалистов. Это одно из главных видов мирного оружия, которым вы бьете нас, капиталистов. Мирное оружие... Мирное сосуществование двух систем. Это, друзья мои, прекрасная вещь.

Я с радостью убеждаюсь, что вы сейчас другими глазами, чем прежде, смотрите на Запад. В ваших кинотеатрах идут наши фильмы... На многих девушках — платья и блузки, модели которых можно увидеть в последних выпусках французских журналов. Ваши эстрадные ансамбли играют и наши музыкальные новинки... Во всем этом я вижу начало нашего взаимопонимания. Я надеюсь, что оно от вопросов экономики, музыки, моды может перейти и к мыслям... Пускай официальные пропагандисты кричат о пропасти, разделяющей различные общественные строи. Такова их профессия. Есть и у нас

люди, нетерпимо относящиеся ко всему советскому... А по-моему, ни к чему подобная ортодоксальность. Нужно приветствовать все, что служит на благо человека, от какой бы политической концепции оно ни исходило. Поэтому из всех «измов», которых сейчас развелось очень много, я приветствую лишь один — гуманизм. Забота о человеке, о его благосостоянии, о свободе... Вот в чем главное...

Не хватит ли нам тратить силы на военные, экономические, идеологические битвы друг с другом? Не пора ли направить общие усилия на улучшение условий жизни, на развитие нации, на создание прекрасных произведений искусства? Не заключать ли нам не только торговые договоры, но и договоры идеологические? Надо предоставить свободу мысли. Пусть каждый по вкусу выбирает себе идеи, течения, как например, галстуки. У нас, например, в книжном киоске можно увидеть рядом марксистскую и религиозную книгу, французскую коммунистическую газету «Юманите» и буржуазную «Фигаро». Это, по-моему, и есть настоящее мирное сосуществование. Не так ли, дорогие друзья?..

Зал неожиданно зашумел.

— Мы вас поняли, мистер Геттридж!

— Дошло!

— Вполне достаточно! — раздались голоса.

Председательствующий обратился к Геттриджу:

— У вас все, мистер Геттридж?

— Да, все...

— Кто хочет высказаться?

— Разрешите мне... — раздался звонкий девичий голос с задних рядов.

— Слово имеет Надя Коркина.

На кафедру поднялась невысокая русоволосая девушка. Голова ее едва виднелась из-за высокой кафедры:

— Да, мы вас поняли, мистер Геттридж... Мы очень благодарны вам за хороший отзыв о нашей стране... Мы тоже уважаем и любим вашу родину, ваш народ... Мы с удовольствием готовы воспринять то, что есть у вас хорошего. Ваши достижения в науке, на производстве, в культуре.

Но вы зовете нас к компромиссам в идеологии. Так я вас поняла, хотя вы прямо и не говорили об этом? Вы полагаете, что и капиталистический строй тоже заботится о благе человека? А миллионы безработных?.. А отравляющие газы, напалм, кровь и смерть во Вьетнаме?

Это тоже на благо? Нет, мистер Геттридж, если бы вы по-настоящему заботились о человеке, против вас не поднимались бы миллионы угнетенных, у вас не было бы стачек и забастовок... У меня все... Что скажете вы на это, мистер Геттридж?

Геттридж все так же благодушно улыбался.

— Я прекрасно осведомлен, что у вас хорошо организованы политзанятия, — сказал он. — Вы обнаруживаете отличную подготовку... Безработные... Забастовки... Они были и будут... Гармоничный строй — это утопия. Естественно, люди хотят жить лучше, вот они и бастуют. Противоречия... Да, они еще есть у нас. Но, как гласит диалектика, они и движут общество вперед.

— Да, правильно, вперед, к социализму, коммунизму, — раздался чей-то голос с места.

— Нет, я не это имел в виду, — парировал Геттридж.

— Прошу слова...

На кафедру вышел высокий юноша в сером костюме спортивного покроя.

— Мы всегда рады гостям, мистер Геттридж. Мы рады, что вы предлагаете нам руку дружбы. Мы всегда готовы пожать дружескую руку. Но всегда готовы и поспорить... Да, мирное сосуществование — это хорошая вещь. Правильно вы говорили. Вы пошли на это, когда увидели, что войной и экономической блокадой нас не задушить...

Геттридж поморщился.

— Задушить... Это нехорошее слово!

— Да, именно задушить в военном и экономическом отношении. Не вышло, и вы ведете идеологическую войну... Под видом мирного сосуществования мыслей... Нет, мистер Геттридж, мы предоставляем свободу всему передовому, прогрессивному... А вы хотите, чтобы мы наводнили книжные магазины антинародными писаниями, а экраны порнографическими фильмами... Нет, в идеологическом отношении у нас установка одна...

— Какая? — спросил мистер Геттридж, нахмурил брови.

— Непримируемая борьба!

Раздались аплодисменты.

И мистер Геттридж вежливо сделал несколько хлопков. А что ему было делать?

В ДОМИКЕ НА КЛЕНОВОЙ

Этой тихой улицы на окраине Владимира словно и не коснулось дыхание времени. Как век назад, стояли здесь низенькие домики с резными наличниками подслеповатых окон.

Из-за высоких заборов протягивались ветви вишен с белесыми, запыленными листьями.

В одном из таких домиков у окна сидел пожилой человек в поношенной рабочей спецовке.

Склонившись над подоконником, он вырезал из дерева затейливую фигурку. Суровое, рябоватое лицо его при этом как-то смягчалось, в глазах пряталась лукавая улыбка.

Раздался стук в дверь.

Хозяин нехотя поднялся со стула, бережно положил рядом кусок дерева.

— Не заперто. Входите.

Дверь открылась, и на пороге показался высокий сухощавый человек. Он низко наклонился, чтобы не стукнуться о косяк двери, редкие жидкие волосы его свисли на лоб. Он откинул их рукой и весело приветствовал хозяина:

— Добрый вечер!

Хозяин молча всматривался в лицо гостя, словно силился что-то вспомнить.

— Гутен абент! Не узнаете?

Лицо хозяина побелело.

Он сделал движение рукой, будто отмахиваясь от чего-то скользкого и противного.

— Ганс Клаус! Не может быть!

— Совершенно точно, герр Сапожников.

— Какими судьбами?

— На старости лет стал увлекаться туризмом. Приехал взглянуть на ваш древний город. Соборы... Фрески. И прочее, и прочее...

Клаус говорил свободно и развязно, словно только вчера расстался с Сапожниковым. Его фамильярный тон несколько успокоил хозяина. Рябинки на лице, до этого мертвенно бледные, порозовели.

— Что ж, добро пожаловать, господин Клаус. Соборы у нас действительно замечательные. Но что будет, если здесь узнают, что Ганс Клаус носил во время войны форму офицера СД? Неужели вы не боитесь этого?

— Не боюсь! — холодно блеснул глазами Клаус. —

Меня здесь могут знать только как доктора социологии Гайса Клауса, который имел счастье служить когда-то во Владимире переводчиком в группе иностранных специалистов.

— А если узнают и другое?

Клаус прошелся из угла в угол, остановился, смерил Сапожникова взглядом с головы до ног, словно определяя его рост. Потом усмехнулся, процедил сквозь зубы:

— Тогда они узнают еще кое-что о вас, Сапожников. Так-то, дорогой мой. Долг, как гласит русская пословица, платежом красен. Вы меня понимаете?

— Кажется, да... Теперь скажите: что же вы от меня хотите?

— Вот это другой разговор!

Клаус вынул из кармана чистый носовой платок, положил его на стул и присел, доверительно наклонившись к Сапожникову.

— Плохо принимаешь гостя, Сапожников. Где же хваленое русское гостеприимство? Ну, ничего, я необходим... Поговорим по душам. Расскажи о себе. Как жил, как дела сейчас? Почему молчал? Не дал ничего знать о себе... Или забыл?

Вопросы летели, как камни. Сапожников взялся обеими руками за голову, будто хотел защитить себя от ударов.

— Не забыл... Думал, что вы забыли. Стар я стал. Хоть напоследок надеялся пожить тихо. Пенсионер я сейчас. Занимаюсь садом, огородом. Какой вам от меня может быть толк? Зачем я вам понадобился?

Но его умоляющий взгляд не встретил никакого сочувствия у Клауса.

— Так, так. Значит, на покой захотел. Думаешь, что мы тебя забыли. — Голос Клауса стал жестким. — Нет, мы ничего не забываем! Пора тебе это знать, Сапожников.

Клаус встал, подошел к окнам, посмотрел на пустынную улицу и, обернувшись к Сапожникову, проговорил уже гораздо мягче и спокойнее:

— Но я незлопамятный, Сапожников. Знаю, нелегко тебе. Но ничего не поделаешь. Надо. И никуда ты от этого не уйдешь, не спрячешься.

Клаус придвинулся чуть не вплотную к Сапожникову и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Я старался прийти сюда незамеченным. Но всякое может быть. Если все-таки кто узнает, что я был у тебя,

не отрицай, что знаешь меня. Нужно быть в меру правдивым. Скажи, что знакомы с 1934 года. Дескать, приезжал тогда иностранный специалист. Были дружны. А сейчас старый приятель приехал по туристической путевке. Решил навестить... Или что-нибудь в этом роде. Ясно?

— Ясно.

— Ну, а теперь о главном.

Клаус наклонился к самому уху Сапожникова и начал говорить полупшепотом.

ЧЕКИСТЫ НЕ СПЯТ

Полуночные звезды смотрели в окно кабинета Звездина, а он все еще не уходил. В этот поздний час он беседовал с капитаном Бардиным.

— У меня не выходит из головы эта Кленовая улица, — говорил он. — Как вы думаете, зачем она понадобилась ему, Клаусу? Почему он так плутал и колесил, прежде чем пойти туда? Так ходят только, пожалуй, лисицы в лесу, чтобы сбить охотника со следа... Что вы на это скажете?

Бардин, растягивая слова, слегка окая, ответил:

— Я так полагаю, Алексей Николаевич... Все это фокусы. Клаус, наверное, думает: пройдуся раз, другой, третий... ничего подозрительного. Привыкнут. Сочтут, что выбрал любимое место для прогулок. Перестанут обращать внимание. Тогда и за дело...

— А вы, случайно, не обладаете даром читать мысли на расстоянии? — Звездин рассмеялся. — Ведь я то же самое думал, Дмитрий Иванович. Люблю, когда мысли совпадают. Одна голова хорошо, а две — лучше... Значит, Клаус придет на Кленовую еще?

— Придет непременно.

— Следите за каждым его шагом...

— Я вас понял. Это будет сделано.

— Вот и хорошо. Отправляйтесь. Я буду здесь. О всем, что произойдет, докладывайте.

Бардин ушел. Звездин открыл лежавшую на столе папку и погрузился в чтение. И снова воцарилась тишина. Побежали ночные минуты, похожие друг на друга, как шарики черных бус.

И опять звонок. И снова знакомый голос в трубке.

Усталое лицо Звездина мгновенно преображается.

— Вот это новость! Значит, Клаус покинул в институте своих коллег? Зашел в туалет, а оттуда прямо на улицу... Так, так. Вы поступили правильно. Буду ждать дальнейших сообщений.

Звездин заходил по кабинету, дымя сигаретой.

Прошло, наверное, не меньше часа, когда вновь задребезжал телефон.

— Мы были правы, Алексей Николаевич, — голос Бардина звучал глухо. — Выйдя из института, Клаус петлял. Но в конце концов все же оказался на Кленовой улице. И что самое интересное... на этот раз он не только прогуливался. Он зашел в маленький, одноэтажный домик и пробыл там минут сорок. Сейчас вернулся в гостиницу...

— Хорошо, Дмитрий Иванович. На сегодня хватит. Клаус отдыхает, пора отдохнуть и нам...

Звездин бережно убрал со стола бумаги, закрыл окно.

Утром Звездин зашел в кабинет полковника Шевченко и кратко доложил обо всем, что произошло, рассказал о прогулках Клауса, о домике на Кленовой улице.

— Хозяином и единственным жильцом дома является пенсионер Сапожников. Раньше он работал на одном из владимирских заводов. Потом...

— Пойдите, пойдите... Это, значит, тот самый Сапожников, о котором вы мне как-то рассказывали? Помнится, у нас с вами были расхождения насчет этого человека. Не так ли?

— Да, я и сейчас придерживаюсь того же мнения.

— Упрямитесь? — полковник с любопытством посмотрел на Звездина.

— Нет, я убежден...

— Люблю убежденных людей. Но жизнь покажет, кто прав.

РАССКАЗ САПОЖНИКОВА

И вот тот самый Сапожников в кабинете Звездина. Он пришел сюда сам, без вызова, по велению совести. Пришел рассказать все, что наболело на душе.

— Это было весной 1934 года. Я работал тогда на строительстве первого владимирского завода. Своих специалистов было мало. Помогали нам иностранные инженеры. А среди них был переводчик Ганс Клаус. По-рус-

ски разговаривал не хуже нас с вами. Такой разбитной молодой человек. Любезный, общительный. Я часто в обеденный перерыв беседовал с ним, расспрашивал о Германии. Интересовался, как там живут рабочие. Клаус охотно отвечал. Говорил, что сочувствует коммунистам. Мне, конечно, льстило внимание иностранца с высшим образованием. К тому же так доброжелательно настроенного. Клаус стал заходить в гости ко мне, в дом моих родителей. Словом, мы стали друзьями. А когда Клаус уезжал домой, он оставил мне свой берлинский адрес... Берлинский адрес... — повторил Сапожников и замолчал. Лицо его сделалось хмурым, он стал казаться старше своих лет. Встряхнул головой, будто стремясь забыть что-то неприятное. Потом продолжал: — Прошли годы... Началась война... Я был мобилизован... Фронт. Первые бои. В боях под Витебском попал в окружение. Плен... Голод... Унижение... Да, если бы начать все сначала... Я вел бы себя по-иному. А тогда... Вспомнилось мне знакомство с веселым шутником Гансом Клаусом. Встал перед глазами его адрес: Берлин... Фридрихштрассе... Сказал о своем знакомстве старшему по блоку. Он сделал пометку в записной книжке. Ну, думаю, тем и кончится. Но через несколько дней вызывают меня в комендатуру, хлопают по плечу. «Гут! Гут! — кричат. — Нах Берлин!» Отправили меня в Берлин, и там я встретился с Клаусом. Но он уже больше не шутил и не смеялся. Это был совсем другой Клаус. Затем...

Дребезжание телефонного звонка прервало рассказ Сапожникова. Звездин взял трубку.

— У меня, товарищ начальник. Владимир Иванович, вас просит зайти начальник управления.

— Продолжайте беседу, Алексей Николаевич...

У начальника управления Шевченко задержался. Когда он вернулся в кабинет, Звездин сидел один. Погруженный в свои мысли, он даже не заметил, как вошел полковник.

— А где же Сапожников? — спросил Шевченко.

— Рассказал все... Я отпустил его...

С ПОЛИЧНЫМ

В маленьком домике на Кленовой ждали гостей. Стол был накрыт белой, праздничной скатертью, а на ней стояли бутылка коньяку, тарелки с разными заку-

ками. Но хозяин был мрачен. Он нетерпеливо прошаживался из угла в угол, поглядывая на часы.

Наконец раздался стук в дверь. В комнату вошел Клаус с чемоданом в руках. Поставив ношу у стены, он вытер носовым платком лоб и, отдуваясь, сказал:

— Да, не те годы! Не те годы, Сергей Петрович!

Окинув глазами комнату, Клаус сразу изменил тон.

— Вот это я понимаю. Наконец-то я вижу русское гостеприимство.

Сапожников прервал его.

— Вы, очевидно, прекрасно понимаете, господин Клаус, что мне не до шуток. Гостеприимство это вынужденное. Мне приходится считаться с вашими угрозами. Но предупреждаю: это последняя услуга. Терять мне особенно нечего... Понимаете... А теперь выкладывайте, что там у вас. Уж не адская ли машина, чтобы уничтожить меня за неподчинение в 1943 году?

— Ха-ха-ха! — засмеялся Клаус. — Нет, уничтожать я вас пока не собираюсь. Посмотрим на ваше дальнейшее поведение.

Клаус достал из кармана ключи, отпер чемодан, положил его на диван, выбросил из чемодана несколько рубашек, носки, полотенце и прочую мелочь. И Сапожников увидел книги и брошюры на русском языке. Это была литература, изданная за рубежом, чтобы отравлять сознание советских людей.

Клаус провел по книжкам рукой, словно гладил их.

— Видите, Сапожников, я теперь стал совсем другим. Проповедую мирную, бескровную войну... Книжечки... Безобидные книжечки... Что в них плохого? Умные люди делятся своими мыслями, убеждениями... Что же вы так невеселы, Сапожников? Это же не пушки, не атомная бомба. Я никого не убиваю...

— Ладно, говорите, что делать.

— Совсем немного, совсем немного, Сергей Петрович. Пройдет неделя, другая... Возьмите в руки телефонный справочник, спишите оттуда адреса. Запечатайте книжечки в бандероли и постепенно, чтобы не навлечь подозрений, посылайте книжечки по этим адресам. Поняли?

— Понял. Значит, вы сменили специальность?

— Что делать, Сергей Петрович? Таковы обстоятельства. Но не беспокойтесь, я помню и старую специальность. Надеюсь, что пригодится.

На лице Клауса играла вежливая улыбка, как тогда, в 1934 году, но глаза смотрели холодно, жестко, будто

хотели смести с лица земли и Сапожникова, и его домик, и все вокруг.

— Ну что ж, — сказал Сапожников. — Я, пожалуй, выполню это. Посмотрим, что за книжечки. Покажите-ка их.

Клаус начал раскладывать на столе книжки.

В это время дверь из соседней комнаты раскрылась. Вошел Звездин и с ним — понятые. Клаус резко повернулся, бросился к другой двери. Но там уже стоял капитан Бардин. Поняв, что бегство невозможно, Клаус положил книги обратно в чемодан, рывком захлопнул его и спросил:

— Что вам угодно, господа?

Звездин раскрыл чемодан и, бросив несколько книжек на стол, сказал:

— Господин Клаус, вы нарушили законы нашей страны и правила поведения иностранных туристов в СССР. Вы распространяете антисоветскую литературу среди наших граждан. Поэтому мы вынуждены задержать вас и составить акт, а потом направить вас в официальное место для дальнейшего рассмотрения вопроса о вашей судьбе...

Звездин достал из портфеля несколько листов бумаги и начал писать акт. Клаус высокомерно посматривал на все происходящее, силясь показать, что все это для него совершенно безразлично. Взгляд его остановился на Сапожникове. Тот не отвел взора. Долго стояли они друг против друга, и ни один не опустил взгляда.

Клаус сплюнул на пол, вытер губы платком и сказал, обращаясь к Звездину:

— Кому вы поверили! Это провокация! Я пришел к Сапожникову в гости. А он подложил этот чемодан. Вы знаете, кто такой Сапожников?! Это предатель. Он предавал вас во время войны. А сейчас хочет оправдаться. Не верьте ему. Я все вам расскажу...

Звездин положил авторучку на стол.

— Успокойтесь, Клаус, мы обо всем знаем, Сапожников не предатель.

...Через несколько дней Шевченко вызвал к себе Звездина и сообщил:

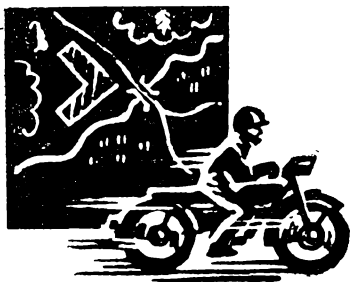
— Получено известие из Москвы, что Ганс Клаус выдворен за пределы Советского Союза. Думаю, что ему больше не удастся заниматься «туризмом» в нашей стране.

Шевченко сделал особое ударение на слове «туризм». Полковник взглянул на Звездина и продолжил:

— А насчет Сапожникова вы оказались правы, Алексей Николаевич, поверив в его честность.

Звездин задумчиво проговорил:

— Я был уверен после той встречи, в особом отделе, на фронте, что Сапожников искренен, что он намеренно пошел в диверсионную школу, чтобы при первом удобном случае сдать нас нашим властям. Не думал я тогда, что доведется встретиться с ним при таких обстоятельствах, хотя знал, что он мой земляк из Владимира. Здесь я с ним не виделся, не хотел травмировать его тяжелыми воспоминаниями. Но, когда стало известно, что Клаус вновь навестил Сапожникова, я не сомневался: Сапожников найдет верный путь, поступит, как подсказывает ему совесть.

ПОЛУЧИТЕ ЗАДАНИЕ, ЛЕЙТЕНАНТ!

1

Алик почувствовал, как к сердцу подкатил холодный комок: к их дому шел участковый. «Неужели за мной?» — молнией пронеслось в голове. Но, быстро вспомнив события вчерашнего вечера, он облегченно вздохнул: участковый наверняка шел из-за драки. Алик прикрыл дверь, но не плотно, так, чтобы можно было видеть и слышать происходящее за ней. Он слышал, как простучали по ступенькам крыльца каблуки сапог, как проскрипели половицы в сенях. Короткий стук — и дверь в прихожую тотчас открылась.

— Войдите, — с запозданием крикнул копавшийся с чем-то в углу отец.

— Здравствуй, Павел Михеевич, — низким голосом произнес участковый. — Жив-здоров?

— Твоими молитвами, — отозвался отец. Он выпрямился на стуле, в его позе сразу почувствовались напряжение и вопрос.

— Что же это получается, Михеич? — без вступления начал участковый. — У нас своих, что ли, хулиганов мало? Так еще приезжает твой и дебоши устраивает...

— Так это когда лишнего выпьет... — попытался виновато объяснить хозяин дома.

— У него что ни выпивка, все с лишком, — парировал участковый. — Сколько знаю его — закладывает, можно подумать, с молоком матери научился.

Павел Михеевич, потупясь, смотрел в пол. Правду говорил участковый, рано сын пристрастился к спиртному.

— Хотя, — продолжал участковый, — если с другой стороны посмотреть, вовсе не глупый, даже работающий, уважением настоящим мог бы пользоваться,

— Он пользуется, — встрепенулся Павел Михеевич. — Начальство его ценит. Ведь это тут он себе позволяет, а на работе ни-ни...

— Что же делать будем? — строго спросил участковый. — Акт составим или полюбовно сойдемся?

— Зачем же акт? — обрадованно заговорил Павел Михеевич. — Полюбовно ладнее будет.

— Сын твой вчера куртку на Ваське Уваркине поврал. Пусть компенсирует. Семьдесят рублей просит Уваркин.

— Ско-олько?

Участковый и хозяин дома повернулись на голос. За разговором они не заметили, как из боковой двери в комнату вошел Алик. Босой, нечесаный, в майке-безрукавке и эластиковых штанах, он стоял, прислонясь к косяку спиной, и сверлил взглядом милиционера. «Посмотришь — в чем душа держится, а силенка есть», — думал участковый, глядя на неказистую фигуру парня.

— А сколько, по-твоему, стоит куртка? — спросил участковый.

— Полсотни в базарный день, — отчеканил тот. — В магазине их завались. Васька ее третий год таскает, замусолил уже. Тридцатку дам. Хочет хорошую купить — пусть добавит.

— Насчет цены ты, конечно, в курсе, — примирительно проговорил участковый. Однако Алик не дослушал. Вернулся в соседнюю комнату и плотно закрыл за собой дверь.

2

— Ты уже в город? — отец смотрел на сына. — Побыл бы до вечера, помог бы в огороде.

— Некогда, — нехотя ответил Алик. — Может, в следующий выходной.

Он собрался сразу, как только участковый покинул дом. Дорожный костюм, шлем, мотоциклетные очки, через плечо футляр с фотоаппаратом. Отец не стал его уговаривать, так было почти всегда: сын приезжал обычно в субботу и либо через час-другой, либо в воскресенье утром уезжал обратно.

Выехав за околицу, Алик стремительно домчал до большой дороги, но повернул не в сторону Владимира, а в противоположном направлении...

Лейтенант Балыков уже несколько недель был на должности оперуполномоченного и ждал, когда ему поручат серьезное дело. Однако подполковник Плотников, видно, не торопился с этим, что вызывало определенную досаду у молодого работника, хотя он и понимал, что нужно терпеливо ждать.

Поручения начальника Балыков старался выполнить добросовестно и в срок.

Вот и сегодня вызвал. «Ну, — думал Володя, — теперь настоящее дело поручит...» А Плотников опять: надо поинтересоваться закройщиком из ателье мужской одежды — что за человек, как работает, как ведет себя, с кем дружбу водит. «Что ему дался этот портняжка? «Левые» заказы выполняет, что ли? — недоумевал лейтенант. — Так это дело милиции. А может, начальник себе модный костюм решил сшить? Он за собой следит, одевается — не придерешься, с иголочки. И данное задание подполковник определил еще как очень важное. Смешно, право же!»

Подполковник государственной безопасности Валентин Миронович Плотников в это время сидел в своем кабинете и размышлял о поручении, которое только что дал лейтенанту Балыкову. Он видел, как поморщился лейтенант, не скрывая своего разочарования. Когда-то и он, Плотников, вот так же рвался в бой, но старшие товарищи осаживали его, напоминая, что терпение и выдержка для чекиста — самые надежные помощники, что в их работе нет мелочей, что с «мелочей» чаще всего начинаются крупные дела, и научиться видеть то, на что другие не обратили бы внимание, — золотое качество людей, которым поручено охранять безопасность государства.

Час назад Плотникова пригласил генерал. В кабинете начальника управления сидел незнакомый подполковнику человек средних лет. Предложив Плотникову сесть, генерал обратился к посетителю:

— Николай Иванович, расскажите еще раз то, что только что вы рассказали мне. Это как раз по части Валентина Мироновича.

Посетитель не спеша, взвешивая каждое слово, стал рассказывать. Он — мастер ателье, где шьют мужскую верхнюю одежду. Вместе с ним работает парень — Кузнецов. Молодой — 23-24-х лет. В ателье он новичок, пришел туда года два назад. Парень, что называется, с да-

ром божьим, не только золотые руки, но и думающая голова. Все схватывает на лету. На что у иных уходят месяцы, он осваивает буквально за неделю-другую. Словом, в недалеком будущем он, безусловно, может стать большим мастером.

Николай Иванович на минуту задумался, собрался с мыслями и продолжал:

— Вот что меня насторожило. За последнее время у парня стали часто появляться иностранные сигареты, безделушки. Сначала я не придавал этому значения, теперь многие ездят за границу, привозят этого добра, раздаривают его. Очень может быть, что клиенты этими безделушками благодарили Кузнецова за хорошие костюмы. Но как-то я случайно увидел его у гостиницы «Владимир», терся около группы иностранных туристов. И опять мне это как бы ни к чему. А в начале прошлой недели снова вижу его у Золотых ворот. Ну прямо увивается возле иностранцев. На работе я возьми да и спроси его об этом. А он мне — с чего-де я это взял, никаких иностранцев он и в глаза не видел. Соврал, значит. Если человеку нечего скрывать, зачем ему говорить неправду?

Николай Иванович вопросительно посмотрел на генерала.

— А может, все это пустое, напрасно я вас побеспокоил? — заволновался вдруг посетитель.

— Это хорошо, что вы пришли к нам со своими сомнениями, — успокоил его начальник управления. — Мы присмотримся к парню. Если ничего нет — значит, нет. Ему беспокойства никакого не будет.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил генерал Плотникова, когда посетитель распрощался и ушел.

Подполковник пожал плечами.

— Надо проверить, посмотреть, — неопределенно ответил он.

— Тут вот что следует иметь в виду, — произнес генерал. — Покровский Николай Иванович — бывший пограничник, человек опытный. Что-то ему подсказала интуиция, и это «что-то» его встревожило. Кому думаете поручить проверку?

— Балыкову, — не сразу ответил подполковник.

— Справится? Слышал я, нетерпелив наш молодой коллега.

— Когда-то же надо начинать.

— Значит, первое самостоятельное дело?

«Дурак! Что за дурак! — казнил себя Алик. — Сколько раз давал себе слово «не возникать». Но стоит «принять», как руки начинают чесаться и задираюсь чуть не с каждым, лезу на рожон. Из-за пустяка попасть можно, и все пойдет прахом. Хорошо, участковый оказался добряком, а то ведь и «телегу» накатать мог».

Мотоцикл, сердито урча, неся на предельной скорости. Алик крепко держался за руль готовой выскочить из-под него машины. Любил он вот такую сумасшедшую езду! И из-за этого с ГАИшниками были неприятности. Но не мог он побороть своих привычек. С какой стати он станет наступать себе на горло? Есть возможность выпить — выпей, хочется с ветерком прокатиться на мотоцикле — лети. Он себе цену знает.

А это он хорошо придумал: все свое заветное хранить в доме родителей. От города недалеко, в любое время подскочить можно. Кому в голову придет, что у него тут какие-то свои дела, к отцу-матери приехал, внимание предкам оказывает. О нем и в городе на работе, и в селе так и говорят — заботливый сын.

Дорога была неширокой, но ровной, ухоженной. Мотоцикл без труда глотал километры. Вот уж и граница соседней области. Теперь налево. Скоро дорога снова должна повернуть направо. Еще, надо полагать, километров пятнадцать—двадцать... Приметы, которые назывались в разговоре тех двух подвыпивших капитанов, сложились.

5

— Как я и предполагал, товарищ подполковник, пустой номер. — Бальков держал перед собой маленький блокнотик, испещренный ему одному понятными пометками. — Ничего примечательного за будущим светилом портняжного искусства не числится. Родился в 1962 году в Гусь-Хрустальном районе в многодетной семье — три брата и две сестры. Родители — простые рабочие, и мать и отец — скотники, причем хорошие скотники. Таковыми были на прежнем месте, на таком счету остались и после переезда в Собинский район.

— Когда и почему переехали? — поинтересовался Плотников.

— Не выяснял, — сдвинул брови лейтенант. — При-

казание было только насчет портного, наделенного необычным дарованием.

— Насчет переезда выяснить, про портного продолжай без иронии, — коротко распорядился Плотников.

— Слушаюсь. Там он кончил восемь классов, потом ПТУ в Кольчугине. Выучился на токаря, но решил переqualificироваться. Переехали во Владимир, поступил на курсы, сейчас совершенствуется в новом деле на радость руководству ателье и на зависть сослуживцам.

— Все?

— Так точно! — не моргнув, ответил лейтенант.

— Не густо, — укоризненно посмотрел на него начальник. — Ну, а чем увлекается, с кем дружит?

Балыков помрачнел, нехотя проговорил:

— Живет у родственников на проспекте Строителей, имеет мотоцикл, фотоаппарат. Теперь это почти у каждого пацана есть. В городе вроде ни с кем не встречается.

— Куда ездит на мотоцикле, что фотографирует? Есть ли у него транзистор, магнитола? — сыпал вопросы Плотников. У лейтенанта на них не было ответов.

— Вот что, Володя, — дружески сказал подполковник, — давай все сначала и скоренько. Заодно нужно выяснить, действительно ли твой подопечный вступал или пытался вступить в контакт с иностранными туристами. Думаю, что тебе пригодилась бы его фотография.

Балыков покидал кабинет начальника, крепко стиснув зубы. «На кой черт все это нужно? Что он надеется тут откопать?» — с неприязнью думал лейтенант о подполковнике. Но приказ есть приказ, и о том, чтобы его не выполнить, не могло быть и речи.

6

«Неужели прав Балыков? — размышлял Плотников. — Может быть, и так. Пока у нас практически ничего нет, чтобы сделать определенный вывод. Но что же все-таки насторожило Покровского?»

Он позвонил ему. Договорились о встрече.

— Скажите, Николай Иванович, — спросил Плотников, — у Кузнецова есть своя клиентура?

Как человек обстоятельный, мастер подумал и, не торопясь, ответил:

— Иметь таковую ему еще рановато, сложится со временем. Кузнецов предпочитает шить для ребят при-

мерно своего возраста. Это естественно: одинаково смотрят на жизнь, легче найти общий язык.

— А учет клиентуры у вас ведется?

— Разумеется, Валентин Миронович.

Плотников попросил показать ему журнал регистрации, выписал из него четыре фамилии клиентов, которых в последнее время обшивал Кузнецов. К концу рабочего дня он вызвал Балыкова.

— К тем поручениям, которые ты имеешь, еще одно: выяснить, что это за люди, где работают, как характеризуются, — сказал он и протянул лейтенанту листок из блокнота. — На все про все два дня. Я тем временем съезжу в совхоз, познакомлюсь с родителями Кузнецова, побываю в кольчугинском ПТУ, где он учился, повстречаюсь с его соседями.

7

Сбор дополнительных данных о Кузнецове мало что прибавил к тому, что уже знал лейтенант Балыков. Разве то, что тот, оказывается, был инвалидом с детства. Семья переехала из Гусь-Хрустального района в Собинский двенадцать лет назад по плану внутриобластного переселения. На новом месте сразу дали хорошую квартиру. Видно, и условия труда для матери с отцом были лучшими.

Лейтенант долго, что-то обдумывая, рассматривал фотографию Кузнецова. С фотографии на него смотрел совсем еще мальчишка, не очень следивший за своей прической. Плотно сжатые тонкие губы, цепкие глаза свидетельствовали о том, что паренек был с характером. «А почему он должен быть без характера?» — подумал Балыков.

Ничего не дали и запросы по списку Плотникова. Все четверо оказались примерными производственниками, активными комсомольцами. Между собой вряд ли были знакомы, потому что работали на разных предприятиях и жили в разных районах города. Так как молодые люди служили в армии, Балыков навел справки о них в райвоенкоматах. Оказалось, что все четверо уволились в запас недавно (потому и хлопотали о новых костюмах), службу проходили в закрытых гарнизонах, имеют положительные отзывы командования.

Уже больше чтобы очистить совесть, чем надеясь на что-то, лейтенант отправился в музей, чтобы поговорить

с экскурсоводами. Ни один из тех, к кому он обратился, не опознал молодого человека по фотографии.

Время уже перевалило за полдень, когда Балыков вышел из музея. Прежде чем вернуться в управление, решил съесть бутерброд и выпить стакан чая. «Перекушу и на всякий случай загляну в Золотые ворота», — подумал он.

Народу в экспозиции не было. Скусающая смотрительница листала, видимо, уже давно прочитанный журнал. Она явно обрадовалась разговорчивому посетителю, и скоро Балыков знал, как ее зовут, где она раньше работала, сколько у нее внуков и какие они хорошие. Когда он показал смотрительнице фотографию, она сразу воскликнула:

— Как же, как же, видела тут раза два, приметный паренек — прихрамывает немного.

— А давно видели? — обрадовался Балыков.

— Да в последний раз с неделю назад, может, чуть больше. Все пытался поговорить с иностранными туристами. Только, похоже, он ихнего языка не знает, не понимали они его.

«Хоть что-то есть», — думал лейтенант, поспешая к Успенскому собору. Он был почти уверен, что и тут его поиски дадут положительный результат. Однако ни один из служащих, кому он показал фотографию, не опознал запечатленного на ней человека.

— Вот теперь почти все, — улыбаясь, резюмировал Плотников, выслушав доклад лейтенанта.

— Почти? — удивился тот.

Плотников кивнул головой.

— То, что те четверо, список которых я тебе дал, — продолжал он, — настоящие, как ты говоришь, парни, я не сомневаюсь. То, что они никак не связаны друг с другом, тоже, видимо, так. Но обратил ли ты внимание на одну общую для их биографий деталь?

— Какую? — недоуменно спросил Балыков.

— Все они недавно уволились из рядов армии.

— Таких в городе не один десяток.

— Верно. Однако только эти четверо контактировали с молодым закройщиком. Вот что, Володя. Надо встретиться с каждым из них и осторожноенько расспросить, какие разговоры вели они с Кузнецовым, не задавал ли он им вопросов об армейской службе.

— Задание понятно, — без энтузиазма произнес лейтенант.

На следующее утро он докладывал о результатах встреч. Все четверо подтвердили, что знают молодого мастера ателье, хвалили его работу, подчеркивали его обязательность. Кузнецов действительно интересовался, где они служили в армии, в каких родах войск. Объяснял это тем, что самому ему из-за инвалидности служить не довелось, а армейская жизнь его интересует. Но ребята не болтуны, знают, что можно сказать, а о чем нужно помолчать.

— Вот теперь уже совсем почти все, — улыбнулся подполковник.

— Опять почти? — глаза лейтенанта округлились.

— Теперь возьми бумагу, обобщи все, что удалось выяснить, изложи свои предложения.

Подготовка справки не заняла много времени. Вывод лейтенант Балыков сделал один: подозрения Н. И. Покровского в отношении молодого коллеги необоснованны. Ознакомившись с написанным, подполковник Плотников с минуту внимательно смотрел на подчиненного, словно видел его в первый раз, а затем уверенно произнес:

— За Кузнецовым установите наблюдение.

Балыков непонимающе смотрел на подполковника.

— Сумма косвенных данных, — спокойно объяснил Плотников, — наводит на мысль, что Кузнецов пока еще с неизвестной нам целью проявляет повышенный интерес к нашим Вооруженным Силам. — И стал объяснять, что это за факты.

8

Пока лейтенант Балыков выполнял задание подполковника в областном центре, сам Плотников осуществил намеченную для себя программу. Сегодня, как и обычно, он пришел на работу пораньше. Предупредив дежурного, чтобы тот направил к нему Балыкова, как только тот появится в управлении, разобрал и перечитал сделанные записи и собранные характеристики.

«Родился и вырос в многодетной трудолюбивой семье. Учился добросовестно, был на хорошем счету у учителей. Помогал родителям по дому и на ферме. После окончания восьмого класса отец подарил Алику мотоцикл. Во время одной из поездок он упал и повредил позвоночник. Физический недостаток, насмешки сверстников привели к тому, что Кузнецов стал замкнутым...» Это — из школьной характеристики.

Отзыв мастера ПТУ, в котором учился Кузнецов:

«Поступив в училище, Алик первый год учился хорошо. Отличается природным умом и смекалкой. Отношение учащихся к нему в целом было доброжелательное, хотя отдельные допускали насмешки в его адрес. Это очень озлобляло Кузнецова.

Чувствуя свою физическую неполноценность, он старался держаться независимо от других, был замкнут, близких отношений ни с кем из группы не поддерживал.

На втором году обучения стал учиться хуже, допускал случаи злоупотребления спиртными напитками. В ходе воспитательных бесед по этому поводу держался вызывающе».

А вот что сказал о Кузнецове его отец, Павел Михеевич: «Сыном я доволен. Он постоянно помогает нам дома и на ферме. Несмотря на то, что живет в городе, регулярно нас навещает. Плохо, что он стал употреблять спиртное. Видно, связался с плохой компанией, недавно в селе учинил драку. Это может скверно кончиться...»

Любопытна беседа с одним из односельчан:

«Я помню Алика с детства. Он рос смышленным подростком. Однако из-за физического недостатка, который появился у него после падения с мотоцикла, он переменился в худшую сторону.

В последнее время стал увлекаться спиртным. Поведение его бывает непонятным, держится молчком, обособленно. Связался с компанией бездельников, дома не стал ничего делать. Откуда-то у него появляются злость, желание показать себя сильным и смелым. Начинает приставать к прохожим. Хорошо, что мы его знаем, сразу уходим в сторону. А он точно зверь, какая-то жестокость в нем проявляется, дай волю — убьет. Жалко родителей Кузнецова...»

Алик в детстве был слабым, болезненным мальчиком. Поэтому в семье он был окружен повышенным вниманием. Братья и сестры покровительствовали ему, родители баловали. Пятнадцатилетнему парнишке — нате вам! — в подарок мотоцикл. Щедрый подарок стал причиной его инвалидности.

Умный и хитрый, Алик по-своему воспринимал заботу о себе. Он становился эгоистичным, капризы перерастали в упрямство. Он научился хитрить, чтобы непременно добиться своего. Ему потакали, прощали грубость, своеволие. Стал пробовать вино — закрыли на это глаза. Потом он пристрастился к спиртному, дерзил окружающим — какой с него спрос? Теперь он задира и драчун.

И еще, как выяснил Валентин Миронович, у Алика рано проснулась тяга к женщине, и это стало для него трагедией. Девчонки не баловали его своим вниманием, кругом были парни повидней и покрасивей. Алик чувствовал свое бессилие. Это раздражало, озлобляло его, он готов был драться с любым соперником, «приняв» для храбрости.

Плотников понимал родителей Алика. Большая семья разлетелась кто куда. Другие сыновья и дочери не баловали отца с матерью частыми визитами, а вот Алик навещал их регулярно. Как тут не порадоваться родительскому сердцу. Но именно эти поездки привлекли внимание работника государственной безопасности.

Пришедший в кабинет Балыков внимательно слушал своего начальника.

— Городские соседи, — говорил Плотников, — уверены, что Кузнецов всякий раз уезжает к отцу с матерью. Отсутствует он обычно полтора-два дня. А у родителей бывает всего несколько часов, даже не всегда ночует. Никакой помощи им сейчас он практически не оказывает. Куда он мотается на мотоцикле?

Подполковник с минуту помолчал, как бы ожидая, что скажет лейтенант, затем продолжил:

— Второй вопрос: почему он уехал из Кольчугина? В ПТУ получил хорошую специальность — токаря, работал на передовом заводе, зарабатывал прилично. И вдруг все побоку.

— Во Владимире все-таки интересней, — заметил Балыков. — Крупный город, рестораны, кафе, девочки. Да и портняжное ремесло подходитнее токарного.

— Вряд ли, — не согласился Плотников. — На портного он мог переквалифицироваться и в Кольчугине. Там тоже нужны хорошие мастера. Девчонок тоже хватает. А вот если соединить его частые прогулки на мотоцикле и повышенный интерес к иностранным туристам? В Кольчугине с иностранцами он практически не мог встречаться — они туда не ездят. Владимир — другое дело. Я предполагаю, что он что-то собирает для иностранцев, а хранит это «что-то», скорее всего, в селе, в доме родителей.

— Фантастика! — произнес лейтенант. — Посмотреть не на что, а тоже туда же...

— Нам смотреть на все нужно, — наставительно произнес Плотников.

Лейтенант начинал понимать, что будущее светило портняжного искусства — человек с двойным дном и что ему, Балыкову, поручено действительно серьезное дело.

9

Поведение и действия Кузнецова показали, что его действительно интересуют военные объекты. В ближайшую же субботу с утра он катался на мотоцикле по городу, время от времени возвращаясь к месту расположения гарнизона, останавливал мотоцикл недалеко от проходной и, делая вид, что копается с какой-то неисправностью, осторожно щелкал фотоаппаратом, если из ворот или в ворота выезжали или въезжали машины. Несколько раз он сворачивал к железной дороге, носился по объездной шоссе. Тут ему повезло: перед обедом проходила небольшая колонна военной техники. Кузнецов два-три раза обгонял ее, ехал навстречу, останавливался и опять же производил съемку. Наблюдавшие заметили, что он не только пользовался фотоаппаратом, но и делал какие-то пометки на бумаге. Ближе к вечеру Кузнецов помчался в село.

Когда Плотников и Балыков пришли с докладом к генералу, тот, выслушав подполковника и посмотрев переданные ему фотографии, сделанные в ходе наблюдения за Кузнецовым, заметил:

— Ваша версия о том, что молодой человек собирает секретные данные о воинских частях, с тем чтобы передать иностранцам за денежное вознаграждение, логична. Давайте ее отрабатывать. Пока же мы очень мало знаем о Кузнецове, а нам должно быть известно буквально все: как живет, где бывает, с кем общается, что у него за идеалы — словом, чем человек дышит. Думаю, что надо пойти с ним на прямой контакт и сделать это удобнее будет лейтенанту Балыкову.

Сидевший до этого Балыков встал и вытянулся.

— Ты сейчас же садись за план действий, — возвращаясь от генерала, на ходу говорил ему Плотников. — Посмотрим, подкорректируем — и за дело. Для начала надо выяснить, что за записи делает Кузнецов. Кстати, обрати внимание, он, как сумасшедший, носится на мотоцикле, это можно использовать.

Балыков чуть замедлил шаг и возбужденно воскликнул:

— Вас понял — сделаем! И как вступить в контакт с Кузнецовым — у меня есть идея.

10

Через пару дней все повторилось: Кузнецов после работы покружил на мотоцикле вокруг расположения гарнизона, а потом выехал за город и помчался по лесной дороге. На обратном пути его остановил инспектор ГАИ.

— Вы превысили скорость, — козырнув, заявил лейтенант, — прошу предъявить водительские права.

Инспектор не ожидал, что его вполне законные действия вызовут столь бурную реакцию со стороны Кузнецова. Нервно, крикливо он стал объяснять, что никакой скорости не превышал, что ГАИ вечно придирается к мотоциклистам, что он будет жаловаться. Неожиданно мотор взревел, и мотоцикл стремительно понес седока в сторону города.

Его задержала патрульная машина. Кузнецова доставили в отделение милиции. При нем не оказалось ни водительских прав, ни документов. В милиции составили акт, установили личность Кузнецова, потом отпустили, наказав завтра прийти с документами за мотоциклом, который оставили для технического осмотра.

Наутро Кузнецов явился и был тише воды, ниже травы. Он извинился перед работниками ГАИ, свой вчерашний срыв объяснил тем, что устал и понервничал на работе, терпеливо выслушал нравоучительные наставления блюстителей порядка, дал слово немедленно уплатить вполне законный штраф и, забрав мотоцикл, ликующий, отправился домой. Как здорово все обошлось! Отделался легким испугом!

Он не знал, что в это самое время подполковник Плотников и лейтенант Балыков изучают фотокопии, сделанные с бумаг, обнаруженных под обшивкой заднего сидения его мотоцикла. То были географические карты, которые можно купить в любом магазине учебных пособий. Но внимание работников госбезопасности привлекли не сами карты, а таинственные значки, нанесенные на них. Предстояло разобраться и в коротких записях, сделанных на листках бумаги.

11

— Алик, тебя вызывают! — крикнула девушка от двери.

Алик обернулся, улыбнулся и, поднявшись из-за стола, пошел из цеха. В вестибюле его ждали двое. Одного он сразу узнал — недавно шил ему костюм, из демобилизованных. Второй был незнаком: высокий, стройный, в наглаженных светлых брюках и «фирменной» рубашке. Парень располагал к себе.

— Привет, — пожал ему руку тот, которого он знал, и представил спутника: — Это мой товарищ. Едет в ответственную командировку, требуется приличный костюм. Я тебя рекомендовал, ты можешь. Сделаешь?

— Володя, — протянул руку незнакомец.

У Алика перехватило дыхание. Какие часы были на руке этого парня! Блеск! За такие — большие деньги отдать можно.

— Костюм сработаем, — не отрывая глаз от часов, пообещал Алик — Какой разговор! Скоро надо?

— Хотелось бы, — ответил Володя.

— Ну что ж, пройдемте в примерочную.

Тот, что из демобилизованных, хлопнул Алика по плечу в знак благодарности, хлопнул по плечу и Володю — в знак прощания — и вышел на улицу.

Обмерив Володю взглядом, Алик не сдержался:

— Где такие достали? — указал он на часы.

— За кордоном бывать приходится, от завода посылают, — небрежно ответил Володя. — Там можно купить...

— Дорого заплатил?

— Да не так чтобы...

— Вот бы мне такие...

— Можно подумать, — не меняя тона, отозвался Володя. — Как раз собираюсь за рубеж, затем и костюм новый понадобился.

В глазах Алика блеснул лихорадочный огонек, но он сразу погасил его.

— Костюм сработаем к сроку, — пообещал закройщик и доверительно добавил: — Домой возьму, тут массовка, план, хорошего не сделаешь.

— Спасибо. — Володя опустил руку на его плечо, словно они были давними приятелями.

— Только... — Алик запнулся.

— Понятно. Жители туманного Альбиона говорят: «We are not so rich to buy cheap things». — Произнеся фразу по-английски, Володя тут же перевел ее: — «Мы не так богаты, чтобы покупать дешевые вещи».

Алик смотрел на него, не скрывая своего восхищения.

Алик оказался человеком дела. Дня через три Володя позвонил ему в ателье.

— О, — обрадовался Алик, — заходи на примерку, раскрой у меня здесь, в ателье.

Примерив схваченные еще наживо пиджак и брюки, Володя (а это был Владимир Балыков) убедился, что, несмотря на молодость, Кузнецов — мастер что надо, напрасно он иронизировал на его счет.

— Надо бы sprysнуть удачное начало, — предложил ненавязчиво клиент.

— Какой разговор! — с готовностью отозвался Алик.

Они встретились вечером в ресторане. Алик выглядел пижоном: джинсовые брюки с высоко завернутыми манжетами, вельветовая куртка, пестрая рубашка. «У человека есть вкус, а вырядился, как попугай», — подумал Володя.

В ресторане Алик чувствовал себя что рыба в воде. Водку пил мелкими глотками (подсмотрел у иностранцев), разговаривал громко, жестикулируя руками. Стоило заиграть оркестру, бросался приглашать девушку и танцевал с таким усердием, что казалось, он вот-вот упадет в изнеможении.

Володе он хоть и говорил «ты», но держался с ним корректно, не впадал в фамильярность. Он чувствовал и физическое, и особенно интеллектуальное превосходство нового знакомого.

— Эх, Володя, — изрядно захмелев к концу вечера, заговорил Алик. Он наклонился над столом, в голосе слышались нотки доверительности. — Завязать бы нам с тобой дружбу покрепче, какие бы дела можно было делать!

— Насчет дружбы не возражаю, насчет дел не понимаю, — обычным ровным голосом отозвался Володя.

— Ты вот по заграницам ездишь, языки, наверно, знаешь?

— Английский — хорошо, французский — слабо.

— Мне бы вот так.

— И что бы было?

— Дела бы были, большие дела! — Алик поднял вверх указательный палец и замолк.

Инициатором второй встречи в ресторане был Алик. Состоялась она буквально через день. На этот раз Алик вел себя сдержанней, но пил больше. Опять же к концу вечера заговорил туманными намеками. Пусть

Алик только простой портной, но стоит он подороже. Володя его не знает. Да и никто не знает. Он мог бы быть богатым человеком, иметь много денег. А деньги — это все! Это — шик, рестораны, музыка, женщины. Одним словом — все!

Володя отмалчивался или отвечал неопределенно, междометиями, пока Алик не спросил его:

— Ты заграничное радио слушаешь?

— Иногда, чтобы совершенствоваться в языках.

— Да не то, — отмахнулся Алик. — Слышал «Свободу», «Немецкую волну»?

— Нет, это мне ни к чему, — ответил Володя. — Врут они все.

— Не скажи, — растягивая слова, возразил Алик. — Они и умные вещи говорят, надо только на ус мотать.

— Так что же тебе мешает стать богатым человеком? — улыбнулся Володя.

— Один я не осилю, — признался Алик. — Вот кабы ты помог...

— Расскажи, может, и помогу.

Алик надолго, замолчал. Наконец проговорил:

— Я подумаю, если решусь — расскажу.

13

Он решился. Видно, Алик «созрел» для разговора, тайна, которую он носил в себе, искала выход. То, что он задумал и делал, требовало завершения. А может быть, разговор с Володей подтолкнул его. Тот, позвонив Алику в ателье и узнав, что костюм готов, пришел забрать его. Обнова была хороша! Лейтенант искренне радовался: если бы не такой случай, когда бы он собрался сшить себе новый костюм.

— Спрыснуть надо, — подмигнул Володя. — Долго не увидимся, через пару дней уезжаю.

— Лады, встретимся, только попозже, — каким-то чужим голосом произнес закройщик.

— В зал не пойдем, — сказал Алик, когда они сошлись у ресторана. — Выпьем помаленьку и потолкуем.

В баре заказали по две рюмки коньяку и по ломтику лимона с сахаром. Алик не позволил Володе расплатиться. Он аккуратно вынул из своего кармана две трешницы и бросил их на стойку. Видя, что бармен стал набирать мелочь, Алик бросил: «Сдачи не надо». Володя сдержал улыбку.

Нашли укромную лавочку, сели. Алик молчал, Володя его не торопил.

— Ты можешь мне помочь, а можешь заложить, — говорил наконец Алик.

Володя молчал.

— У меня есть бумаги, — продолжал Алик, — которые купят за границей за хорошие деньги. Давай договоримся: я тебе — бумаги, ты мне — половину денег. Другая половина — твоя.

— Что за бумаги? — безразличным голосом спросил Володя.

Алик молчал. Наступил решающий момент.

— Это карта, — выговорил он.

— Какая карта?

— Карта Советского Союза, на ней обозначены военные объекты, — голос Алика звучал глухо.

Володя всем корпусом развернулся к нему.

— Ты с ума сошел! Ты знаешь, что за это бывает?

— Знаю, это измена Родине, — бесцветным голосом произнес Алик. Вдруг он тоже резко повернулся к Володе. Теперь они сидели лицом к лицу. — Но это же деньги! А деньги для меня все! Деньги и женщины!

Алик умолк. Было темно, но они хорошо видели лица друг друга.

— Заложить? — скорее выдохнул, чем спросил, Алик.

— Нет, — твердо ответил Володя. — Но в твои игры я не играю.

— Ты только подумай, — Алик вскинул руки, — какие деньги можно взять! Три года труда — по зернышку, по словечку...

— Ты только подумай, чем это кончится, — в тон ему ответил Володя.

— Не всех же берут.

— Рано или поздно возьмут. Сколько веревочке ни виться...

— Значит, заложить?

— Нет, — так же, как и в первый раз, твердо сказал Володя. — Сам пойдешь и все выложишь.

— Ни за что!

— Пойдешь, — убежденно говорил Володя. — Хорошенько все продумаешь и, пока не случилось большой беды, сам ее отведешь. Сознаешь ли ты, что творишь? Измена Родине... Это предательство ее интересов! Ведь любой — большой или малый — государственный секрет, выданный врагу, — все равно что удар ножом в спину.

Ты же русский человек, тебя же вырастила и выучила Советская власть, а ты на нее с ножом...

Володя оборвал фразу. Повисло тягостное молчание. Лишь со стороны доносился приглушенный шум бойкой вечерней улицы.

— Подумай о родителях, — снова тихо заговорил Володя. — Каково им будет узнать, что их любимый Алик — изменник Родины, из-за денег пошел на преступление, о котором страшно подумать.

Они говорили долго. Если бы кто-то мог их видеть, подумал бы, что беседуют два приятеля.

— Ну, Алик, мне пора, — произнес наконец Володя. — Смотри, светать начинает. — Он поднялся с лавочки. — Мы долго не увидимся, завтра я уезжаю. Ты умный парень. Я уверен, что ты поступишь так, как тебе подскажет совесть.

— А если я сбегу? — спросил Алик, и Володя не понял, шутит он или всерьез.

— Что ты вбил себе в голову? Куда ты денешься? — Володя хлопнул Алика по плечу и пошел, не оборачиваясь.

* * *

Один из телефонных аппаратов, стоявших на приставном столике, коротко прозвенел.

— Слушаю вас, товарищ генерал, — быстро поднял трубку Плотников.

— У дежурного сидит Кузнецов, — проговорил начальник управления, — прими его. Потом зайдешь ко мне, проинформируешь.

— Есть, — ответил Плотников.

14

Добровольно явившись с повинной в органы КГБ, Алик Кузнецов повел себя до конца честно. Он откровенно рассказал, как встал на путь опасного преступления.

Еще школьником как-то включил у товарища транзистор и поймал один из западных радиоголосов. Как раз шла передача, всюю расписывающая «прелести» капиталистического мира: там — каждый хозяин своей судьбы, каждый дворник может стать миллионером, если быть предприимчивым и если повезет. После этого всякий раз, когда в руки Алика попадал приемник, он искал подобные передачи. Позже обзавелся собственным транзи-

стором и слушал их регулярно. Особенно ему нравились передачи, воспевавшие людей удачливых, сумевших быстро разбогатеть и благодаря деньгам получить щедрые блага жизни.

Алик видел, что в умственных способностях, в находчивости, инициативе он ни в чем не уступает сверстникам, а многих превосходит. Но его внешние данные — неказистость, оставшаяся на всю жизнь хромота — приводили в отчаяние. Особенно бредило душу то, что от него отворачивались красивые девчонки. «Были бы деньги — и они бегали бы за мной», — внушал себе Алик. Так, поощряемый западными радиоголосами, он воспитывал в себе желание непременно стать богатым. Для достижения цели все средства хороши — назойливо проповедовали «голоса». Мораль, честь, достоинство — все это для слабонервных. Если хочешь возвыситься над другими, шагни через труп, обмани отца с матерью, друзей и близких, предай Родину.

Одна конкретная радиопередача подсказала конкретную мысль: нужно собрать секретные данные военного характера и продать их иностранной разведке. Опять же конкретный случай показал, что сделать это можно. Однажды, когда Алик учился в Кольчугине, военкомат попросил дирекцию ПТУ разнести офицерам запаса повестки — нужно было произвести переучет. Среди помощников оказался и Алик. В результате нехитрых манипуляций он через два дня знал фамилии и адреса почти всех офицеров запаса, проживающих в городе.

Алику пришла в голову «масштабная» идея: собрать побольше сведений о воинских частях и их назначении и потом за хорошие деньги продать эти сведения кому-нибудь из иностранцев. Ведь «голоса» уверяли: был бы «товар» — покупатель непременно найдется. План действенный до крайности прост: расспрашивать, подслушивать, подсматривать, читать.

Реализацию своей идеи он начал еще в Кольчугине. Терпения, хитрости, сметливости Алику не занимать. Он устраивался неподалеку от подвыпивших компаний, терся в очередях. Сколько люди болтают ненужного (зато нужного ему) за рюмкой водки, при встрече со старыми знакомыми, а то и просто с незнакомыми в поездах, очередях, банях!

Алик покупал брошюры и журналы об армии и вооружении, вьедливо вчитывался в них и скоро стал разбираться в классах ракет, типах танков и самолетов, по

погонам, петлицам, нашивкам, значкам военнослужащих знал, в каких родах войск и даже как они служат.

Особую ставку Алик делал на ребят, отслуживших в армии или приезжавших в отпуск. Обоих своих братьев, вернувшихся после службы, он выпотрошил до ниточки. Если его расспросы кого-то настораживали, он прикидывался невинной овцой: сам спит и видит надеть военную форму, да вот не берут такого. Ему верили, его не опасались.

Алик не спешил с выводами. Сведения собирал по крупицам, перепроверял и суммировал их. И только тогда, когда был полностью уверен в полученных данных, он помечал их соответствующими значками на географической карте.

Вскоре Алик понял, что, живя в Кольчугине и работая на заводе, вряд ли сумеет много узнать и почти наверняка не сможет связаться с иностранцами — этот город для туристов интереса не представляет. Он переезжает во Владимир и устраивается в сферу бытового обслуживания населения. Он обзаводится фотоаппаратом и все свободное время отдает реализации «идеи». Подслушав или выспросив что-то, он, если позволяло расстояние, ехал на мотоцикле и проверял, если нет — собирал постепенно дополнительную информацию. Множились сделанные им записи и фотографии. Где их хранить? И Алик оборудует тайник в селе, в родительском доме. То, что остается у него, он прячет за обшивкой сиденья мотоцикла.

Когда сведений накопилось достаточно много, Кузнецов стал искать связей с иностранцами. К счастью, языковой барьер, а возможно, в определенной мере и внешность парня не позволили осуществить задуманное. К его, Алика, счастью. Случись по-иному — последствия трудно было бы предсказать.

Вот что написал сам Кузнецов в объяснении для Управления КГБ:

«Я всегда завидовал людям, которые хорошо выглядят, изящно одеваются, пользуются успехом у женщин, умеют легко тратить деньги. Ради денег, которые позволили бы мне завоевать успех у женщин и вести беззаботную жизнь, я готов был на все. Чтобы иметь деньги, я решил собрать конкретные сведения о воинских частях и передать эти данные за вознаграждение иностранцам.

Я знал, что если передам эти сведения иностранцам, то это будет изменой Советскому государству. Но я думал, что никто не узнает об этом.

Чтобы получить сведения, я выяснял, кто из ребят служил в армии, особенно в ракетных частях, и в беседах с ними старался узнать, где, в каком месте (город, деревня) они служили, как называлась их часть.

В частности, ряд таких сведений я получил через своих братьев, ранее служивших в ракетных частях. Разыграв перед ними интерес к службе в Советской Армии и высказав сожаление, что не смогу выполнить свой долг перед Родиной, я попросил их поподробнее рассказать о их службе и вскоре получил нужную мне информацию.

Собранные сведения я наносил на географическую карту...»

На этом можно было бы поставить точку. Однако читатель вправе спросить, что же стало с Аликом Кузнецовым? Он жив-здоров, работает. Правда, не во Владимире. Органы государственной безопасности, учтя то обстоятельство, что Кузнецов явился сам с откровенным и чистосердечным признанием, раскаялся в содеянном, а также то, что собранные им сведения не попали в чужие руки и нашей стране не был нанесен ущерб, сочли возможным не возбуждать против него уголовного преследования, ограничившись профилактическими мерами. По своему почину Алик переехал из Владимира к родителям в совхоз, там и работает теперь, как и его отец с матерью, в животноводстве. Хорошо работает.

ПО КРАЮ ОБРЫВА

1

При рассмотрении подготовленной секретарем для доклада почты внимание полковника Аркадьева привлекла ориентировка московских коллег об обнаружении в неистребованном багаже, помещенном в автоматическую камеру одного из московских вокзалов, враждебной, антисоветской литературы. Ориентировка была направлена в ряд территориальных органов областей, жители которых пользуются услугами этого вокзала. Особое внимание полковника ориентировка привлекла не только лаконичной резолюцией генерала — руководителя управления, которой ему, как начальнику отдела, предписывалось принять исчерпывающие оперативные меры к установлению владельца багажа, возможно являющегося жителем области: вспомнилось, что несколько дней тому назад он, полковник, принимал сотрудника одного из научно-исследовательских институтов города, который передал ему обнаруженную им литературу враждебного содержания. Аркадьев еще и еще раз перечитал ориентировку и детально воспроизвел в памяти беседу с заявителем.

Представившись, пришедший достал из папки и передал полковнику аккуратно связанные стопки ксерокопий, пояснив при этом, что вчера, подбирая необходимую литературу во встроенном шкафу кабинета, где он работает, он в очень укромном месте шкафа обнаружил эту странную находку.

— Ознакомившись с несколькими страницами ксерокопий, — продолжал собеседник, — я понял, что это политически вредная, не имеющая никакого отношения к деятельности нашей лаборатории литература, и поэтому решил передать ее вам. Но, прежде чем идти сюда,

я, не знакомя с содержанием ксерокопий, поинтересовался у своих товарищей по работе, не принадлежит ли находка кому-либо из них, и все они дали отрицательный ответ.

Сопоставив беседу с работником НИИ с содержанием ориентировки, полковник сделал предположение, что обнаруженные в НИИ материалы и материалы, найденные в автоматической камере вокзала, могут являться звеньями одной цепи.

После доклада генералу о своих соображениях Аркадьев пригласил сотрудников отдела и проинформировал их об обнаружении идейно-ущербной литературы. Он поручил старшему лейтенанту Шарикову собрать объективные характеризующие данные на лиц, работающих и работавших ранее в лаборатории НИИ, где обнаружена «странная находка», а майору Стародубцеву — запросить неистребованные из автоматической камеры вещи для идентификации ксерокопий.

2

Войдя в просторный кабинет, посетитель, поздоровавшись и извинившись, на ходу стал доставать из «дипломата» какие-то бумаги.

— Что у вас? — мельком взглянув на вошедшего, спросил редактор.

— Очень прошу напечатать письма наших ребят. — Посетитель положил перед ним несколько исписанных листков.

Редактор оторвался от работы, снял очки и стал их не спеша протирать.

— Мы были в летнем молодежном лагере труда и отдыха, в колхозе, — говорил между тем посетитель. — Ребята работали хорошо, правление объявило им благодарность. Но они выступали и с беседами, выпускали стенгазеты, участвовали в концертах, подружились с сельской молодежью. Теперь на заработанные деньги отправляемся в поездку по городам-героям. Словом, впечатлений у ребят много, хотят выразить свои чувства. Вот я и подсказал, чтобы написали в редакцию... — Посетитель говорил торопливо, словно боялся, что его прервут.

— Вы были в отделе? — спросил редактор, продолжая заниматься очками.

— Да. Очень вежливо приняли, но сказали, что в папке материалов много и письма вряд ли будут напечатаны.

Тогда я, извините, прямо к вам. — Он оборвал фразу и закончил уже не столь решительно: — По старому знакомству как бы...

Редактор надел очки и внимательно посмотрел на посетителя. Перед ним стоял молодой человек, крупный, несколько тяжеловатый для своего возраста. Он, действительно, где-то видел его. Особенно помнятся вот эти глубокие залысины.

— Вы садитесь, — предложил редактор.

— Нет-нет, я спешу, столько хлопот со сборами в дорогу. — Он смущенно улыбнулся. — Да не рассматривайте вы меня. Я — Борисов. Помните? — И, увидев, как высоко поднял редактор брови, добавил: — Да-да, тот самый. Пусть это вас не смущает, у меня все в порядке.

Молодой человек еще раз извинился, поклонившись, пошел из кабинета.

— Так я очень на вас надеюсь, ребята будут ждать.

Дверь за посетителем закрылась. Редактор снял очки и машинально начал их снова протирать. Да, теперь он все хорошо вспомнил. Лет пять назад газета напечатала острый материал о враче-анестезиологе Сонине. Алкоголик и наркоман, разложившийся морально и духовно, он добывал различными путями ущербную литературу, размножал ее и продавал по ценам черного рынка. В свою «орбиту» Сонин втягивал других.

В день выхода газеты редактору позвонил некто Борисов и попросил принять его в связи с публикацией. Они встретились. В кабинет уверенной походкой вошел молодой человек. В руках у него вчетверо сложенная газета.

— Я — герой напечатанного в вашей газете пасквиля, — саркастически улыбаясь, отрекомендовался он, протягивая редактору газету. В корреспонденции «По скользкому пути» красным карандашом были отчеркнуты два абзаца — первый и последний.

Редактор пробежал взглядом начало корреспонденции.

«На вокзале, в одной из ячеек автоматической камеры хранения были обнаружены «дипломат» и небольшой чемодан, за которыми длительное время никто не приходил. Когда «дипломат» и чемодан вскрыли, то в них нашли несколько книг антисоветского содержания, изданных за рубежом. Кто «забыл» чемоданы в камере хранения, кто за ними должен был прийти? На эти вопросы соответствующим органам не сразу удалось ответить. По-

надобилось время, чтобы выяснить, что этой «литературой» увлекается некто Сонин...»

Далее речь шла о грехопадении врача-анестезиолога, представшего за свои «деяния» перед народным судом.

— Я отлично знаю, о чем здесь написано, мне нет нужды читать материал, — заметил редактор, возвращая газету.

— Прочтите самый конец, — настаивал молодой человек. Он сидел свободно, откинувшись на спинку стула.

— Извольте, — улыбнулся редактор и прочитал вслух последний абзац, тоже отмеченный красным карандашом.

— «Читатель помнит, что свою корреспонденцию мы начали с «забытых» в камере хранения чемоданов с антисоветской литературой. Теперь известен человек, оставивший на вокзале этот «багаж». Владелец его близко знает Сони́на. Но мы не назовем его имени в надежде, что горькая участь того заставит его глубоко задуматься, стоит ли идти скользкой дорожкой».

— Так вот, — проговорил молодой человек, видя, что редактор прочитал что нужно, — я тот самый владелец «забытого» багажа. Фамилия моя — Борисов. Не удивляйтесь моей смелости, обо всем известно КГБ, и меня уже вызывали на душевспасительную беседу. Вот посадили Сони́на. За что? Устраивал попойки? Никаких попок — обычные вечера, собирались друзья. Распространял антисоветскую литературу? Подумаешь, продал какие-то книжки — деньги-то всем нужны.

Разговор оказался тяжелым. Редактор, уже поседевший на газетной работе, впервые лицом к лицу встретился с одним из тех, кого называют «диссидентами». И тот, не маскируясь, шел в открытую, вызывал на жесткую полемику. Правда, редактор сразу обратил внимание, что в голове у парня «шурум-бурум», что говорит он порой заученными фразами, взятыми у кого-то напрокат. Да и сам его визит в редакцию был какой-то бравадой, ухарством...

Вечером редактор связался по телефону со своим давним товарищем по общественно-политической работе — полковником государственной безопасности Аркадьевым — и рассказал ему о встрече с Борисовым.

— Ты зайди к нам в управление, — посоветовал Валентин Иванович, — мы подробно расскажем эту историю. Парень молодой, видимо, себялюб, не хватает критической оценки своих действий. Тут есть узелок, пыта-

емя развязать. Постараемся помочь парню стряхнуть все наносное и вернуться к нормальной жизни.

3

Прошло несколько дней. У полковника Аркадьева собралась оперативная группа. Майор Стародубцев доложил, что при осмотре содержимого неистребованного багажа, осуществленном в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса, наряду с ксерокопиями «произведений» махровых антисоветчиков и другой идеологически вредной литературы, обнаружена банка варенья, завернутая в газету «Советская Кубань», и рукописный текст на листах бумаги, подписанный неким Борисовым. Узнав от старшего лейтенанта Шарикова, что среди лиц, посещающих кабинет, где были найдены копии идеологически вредного содержания, есть Борисов, Стародубцев попросил старшего лейтенанта заполучить рукопись этого Борисова.

— Почерковедческой экспертизой подтверждено, — протягивая полковнику документ, продолжал Стародубцев, — что почерк работника НИИ Борисова и почерк автора рукописного текста, обнаруженного в неистребованных вещах, являются идентичными.

— Хорошо, — кивнул головой полковник. — Владимир Васильевич, — обратился он к Шарикову, — что нам известно о Борисове?

Шариков доложил. Борисов Олег Петрович, 1954 года рождения, окончил Московский государственный университет и с того времени работает в НИИ. Живет вместе с матерью — сотрудницей проектной организации — и отчимом — работником конструкторского бюро. Мать и отчим по работе, равно как и по месту жительства, характеризуются только положительно. О самом Олеге Борисове мнения противоречивые: энергичен, но высокомерен, неглуп, но несобран и недисциплинирован.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил полковник.

— Пока, товарищ полковник, окончательные выводы сделать трудно, — ответил старший лейтенант. — Не хочется верить, что молодой сотрудник научно-исследовательского института оказался в рядах антисоветчиков. Только что со студенческой скамьи. Когда успел угодить в такую кашу? Ведь тут налицо антиобщественная деятельность, квалифицировать которую можно двояко: ли-

бо как распространение ложных измышлений, порочащих наш государственный и общественный строй, либо еще хуже.

— Все верно, — подтвердил полковник. Он опять задумался. — Ладно, — проговорил наконец, — не будем торопиться, давай понаблюдаем за Борисовым.

Однако уже на следующий день с утра полковник вновь вызвал майора и старшего лейтенанта.

— Кажется, подтверждаются худшие предположения, — заговорил он, протягивая офицерам скелоты скрепкой листки бумаги с машинописным текстом. — Московские товарищи информируют нас, что Олег Борисов три дня назад был в столице и на вокзале интересовался изъятым багажом.

Прочитав бумаги, Стародубцев и Шариков ждали, что скажет полковник.

— Будем рассуждать логически, — заговорил тот. — Борисову известно, что его «литература» обнаружена, с ним уже проведена предварительная беседа представителем компетентных органов. Теперь он наверняка ждет нашего вызова. Давай пойдем ему навстречу. Пригласите-ка Олега Петровича ко мне, — Аркадьев заглянул в настольный календарь, — в ближайшую среду на десять утра.

В назначенное время Борисов в Управление КГБ не явился.

4

— Решительный, однако, юноша, — заметил полковник, вызвав к себе Стародубцева и Шарикова. — Не часто случается такое, чтобы на наше приглашение не откликнулись. Выясни-ка, в чем дело.

— Я уже интересовался, — доложил старший лейтенант. — Уехал утром в Москву.

— Значит, отправился за советом и консультацией, — заключил полковник. — Срочно свяжись с Москвой, сориентируй наших коллег. А об Олеге Петровиче Борисове мы с вами должны знать как можно больше и как можно быстрее.

5

Чтобы составить представление о человеке, его образе жизни, нужна информация. Где берут ее чекисты? Люди, ничего не знающие о методах их работы, сочиняют по этому поводу всевозможные небылицы.

Когда говорят и пишут о том, что сила органов государственной безопасности в их неразрывной связи с народом, — это не лозунг, не декларация. Это истина, подтверждаемая повседневной практикой.

Старший лейтенант Шариков и майор Стародубцев встретились с десятками людей, знавших Борисова и его окружение, просмотрели немало документов. Пришли ответы на запросы, разосланные Управлением КГБ. Прорисовывалась такая картина.

Олег Борисов родился на Украине. Но вскоре родители переехали во Владимир. Здесь он и рос. В школе учился хорошо, проявляя больше склонностей к гуманитарным предметам. Вместе со сверстниками Олег вступил в комсомол, активно и охотно занимался общественной работой. Успехи в учебе, легкость, с которой ему давались знания, развивали в нем эгоистические наклонности: он явно переоценивал свои способности, считал себя одареннее своих однокашников.

Серьезную душевную травму Олегу нанес уход из семьи отца. Мать вновь вышла замуж. С отчимом, хотя он был человеком порядочным, у Олега отношения не сложились. Он стал замыкаться в себе, отдаляться от матери и отчима, влияние их на него ослабевало. У Олега портился характер, появились нигилизм и недисциплинированность. Он мог «просто так», безо всякой причины, по нескольку дней не ходить в университет на занятия, игнорировать существующие правила или распоряжения руководителей (позже все это перешло и на работу). В общем, он считал себя не таким, как все, и поведение его соответствовало этому.

В студенческие годы Олег увлекся научной работой, руководил научным студенческим обществом факультета. И все было бы хорошо, если бы не «методы», в которых он утверждался. Некий скептицизм, появившийся еще в школе, укоренялся в нем все более. Он с недоверием относился к учебникам, считал, что книги советских авторов необъективны, что они односторонне и тенденциозно трактуют события и факты, что он, Олег Борисов, должен исправить «ошибки».

6

С Борисовым Аркадьев встретился через неделю. Беседа шла ровно и неторопливо. Полковник расспрашивал Олега о семье, о школе, об учебе в университете, о рабо-

те, о его интересах и увлечениях. Олег отвечал, казалось бы, охотно, подробно. Однако — полковник это сразу заметил — собеседник умело «срезал углы», обходил стороной «опасные зоны». К этому разговору, подумал Аркадьев, его основательно готовили. И еще одно бросалось в глаза — «ячество» Борисова: «я имею свое мнение», «я сам хочу дойти до истины», «любопытство — черта моего характера».

Он не стал записывать в отношении багажа, изъятых на вокзале. Да, это его «дипломат» и портфель. Он забыл их в одну из поездок в Москву у своего знакомого. Что касается литературы, то тут чистое недоразумение. Ее положил в чемодан тот самый знакомый, Валерий Прохоров, зная, что он ведет научную работу, и полагая, что «дополнительная литература» может пригодиться ему. Сам Прохоров недавно выехал в Израиль, но, будучи человеком обязательным, он письмом сообщил Олегу номера сектора и ячейки камеры хранения, где оставил «дипломат» и портфель.

— Зачем вам понадобилась литература подобного содержания? — спросил полковник.

— Обычно человек, разрабатывающий какую-то тему, — с готовностью ответил Борисов, — идет в библиотеку и берет зачитанные источники. Я хотел избежать традиционных методов, было желание посмотреть на интересующую меня проблему со всех сторон.

— Понятно. Но к чему вам было иметь несколько экземпляров одного и того же произведения?

Борисов замялся, но быстро нашелся:

— Я имел в виду дать почитать их моим знакомым, а потом обсудить, провести дискуссию.

«Нет, похоже, для настоящего разговора он еще не созрел», — подумал Аркадьев.

— Последний вопрос, — обратился полковник к Олегу. — Почему вы не пришли к нам в прошлую среду?

Заметно было, как Борисов внутренне напрягся. Он знал, что такой вопрос будет задан, но подходящий ответ заранее ни он, ни его «друзья» не сумели подготовить.

— Поверьте, — сбивчиво проговорил Олег, — возникли совершенно непредвиденные обстоятельства.

— Ладно, поверим, — дружелюбно сказал Аркадьев, — но и проверим ваши «непредвиденные обстоятельства». Нам с вами, видимо, еще не раз придется беседовать...

— Буду очень рад, — поднимаясь из-за стола со вздо-

хом облегчения, проговорил Борисов. — С хорошим человеком всегда приятно поговорить.

— Спасибо, — отозвался Аркадьев. — А пока у нас к вам просьба: подумайте хорошенько и напишите нам все о вашем «багаже», о том, как в нем оказалась «литература», случилось ли раньше пользоваться подобной, если да, то откуда вы ее брали. О Прохорове напишите, когда и при каких обстоятельствах познакомились, о чем беседовали при встречах.

— Конечно, напишу, — с готовностью воскликнул Олег. — Я уже вам все рассказал.

— Вот-вот, — полковник посмотрел в глаза молодого человека. — Не забудьте — и напишите об этом подробно — о своих частых поездках в Усад.

Кажется, Борисов чуть качнулся от неожиданности. Он обмяк, плечи опустились, губы плотно сжались.

7

Рабочий день в управлении кончился. Все реже за дверью слышались шаги сотрудников. Аркадьев убрал со стола в сейф папки и выключил верхний свет, оставив только настольную лампу. Перед ним лежала «исповедь» Олега Борисова.

«В кругу моих друзей по учебе в университете появился парень в неизменном джинсовом костюме, всегда что-то рассказывающий. Ничем особенно не примечательный, он как-то очень быстро сумел войти ко мне в доверие. Я не расспрашивал, кто он такой, чем занимается. Время спустя из приложения к «Известиям» я узнал, что работает Прошка — так величали Валерия Прохорова все: и домашние, и знакомые — в Госконцерте, в разговорном жанре.

Мне импонировала его манера вести беседы легко и непринужденно, да и постоянная возможность ночлега в просторной московской квартире для любого приезжего — штука нужная. Количество посещений этой квартиры нарастало. Беседы за чаем становились длиннее, а темы серьезнее.

Однако о политике по большому счету Прошка долго не начинал говорить. Вначале была просьба помочь прописаться во Владимирской области его знакомому, незаслуженно пострадавшему, как он выразился, за язык. Но достаточно было взглянуть на Ивана Алексеевича Чернова, чтобы усомниться в Валеркиной формулировке.

Махровый уголовник — вот что я подумал в первую минуту».

«Ага, — размышлял полковник, — кажется, начинают появляться главные действующие лица. Глаз у Борисова острый — Чернова «расшифровал» с ходу».

Ситуация показалась мне романтической, даже необычной. Я охотно согласился стать «племянником» Ивана и довольно быстро нашел прописку своему «дяде» в Усаде — последняя остановка электрички перед границей с Московской областью».

«Так-так, — усмехнулся Валентин Иванович, — значит, друзья Борисова посоветовали ему нажимать на романтику. Иначе чем еще можно объяснить связь выпускника МГУ с уголовником?»

«Вскоре у меня появилась «тетя». Тоже, как выяснилось, только что вернувшаяся из мест не столь отдаленных. После ее удачной прописки мне представили ее «брата». С «братом», правда, чуть не вышел прокол: он сразу же бухнул на стол председателя поссовета справку об освобождении из исправительно-трудового учреждения, хотя этого не требовалось и не следовало делать.

Вся эта публика производила впечатление людей озлобленных, закомплексованных, неглубоких...»

«Ох, Олег, — с досадой думал Аркадьев, — ведь видел же, что за «родня» окружала тебя. Видел, однако давал вести себя за руку. Но хорошо, что ты так раздеваешь «родню». Тут у тебя от души. Вряд ли твои «друзья» простили бы тебе такие характеристики».

Далее Олег рассказывал о том, как его встретили в НИИ, куда он поступил работать после университета. Порученное ему дело было, судя по всему, неинтересным, удовлетворения ему не приносило. Аркадьев поморщился. Плохо, что со студенческой скамьи Борисов попал под начало равнодушных, невнимательных людей. Как могло случиться, что молодой человек, еще год назад в университете ходивший в активистах, выбыл из комсомола «автоматически»: как поступил в НИИ, так ни разу не заплатил членских взносов. И это никого не задело, не встревожило.

В конце «исповеди» Борисов писал о том, как попала к нему запрещенная литература.

«В одну из поездок в Москву я забыл на квартире Прохорова свой шикарный «дипломат» из крокодиловой кожи. Возвращаясь из отпуска, заехал, звонил и стучал в его квартиру, но никто не открыл, и я подумал, что се-

мейство уехало в Израиль. Что этого они давно добивались, я знал. Однако вскоре мне во Владимир позвонил незнакомый человек. Он сказал, что по просьбе Валерки мой чемодан поставлен в автоматическую камеру хранения на вокзале. Ячейка зашифрована на номер моего телефона и первую букву моего имени. По ряду причин выехать сразу я не смог. Как обычно бывает в таких случаях, вещи через определенный срок были изъяты...

«Вот тут, Олег Петрович, все твое «чистосердечное признание» написано под чужую диктовку, тут ты лжешь от начала до конца». Сейчас полковник Аркадьев знал о Борисове гораздо больше, чем хотелось бы тому: теперь можно было составить довольно полную картину, как жил Олег Борисов в студенческие годы, с кем водил дружбу.

Окружающие видели неустойчивость его характера, стремление «парить над другими», обидчивость и амбициозность бросались в глаза. Олег бравировал своим «свободомыслием», желанием «опровергнуть» авторитеты, «исправить» написанные учебники. Некоторые «друзья» стали «подбрасывать» ему литературу, где «все было изложено объективно». Олег на насадку клюнул и попытался укрепить дружбу с артистом Валерием Прохоровым, тоже считавшим себя «непризнанным талантом».

Как сообщили московские чекисты, Прохоров был активным поборником идей сионистских центров Запада. При его посредничестве круг московских знакомых Борисова расширялся. Они охотно принимали Олега, предоставляя ему «стол и дом». «За рюмкой чая» его прощупывали, рассказывали о событиях, о которых «знали немногие». Постепенно разговоры становились все более «откровенными». Исподволь «друзья» стали снабжать Борисова «своей» литературой.

«Артист разговорного жанра» был человеком хитрым, изворотливым. Почувствовав, что он основательно запутался в своих «делах», Прохоров поспешил улизнуть в Израиль. Освобожденная им «вакансия» предназначалась для Олега Борисова. «Друзья» Прохорова все больше опутывали его невидимыми нитями, поддерживали с ним тесные отношения и после окончания Олегом университета. В уплату за «редкие книги» и «доверительную информацию» стали требовать от него определенных услуг.

Методы работы наших западных идеологических противников хорошо известны органам государственной безопасности. Потерпев полный провал в попытке сокрушить советский государственный и общественный строй лобовой атакой, поняв, что моральное единство народов нашей страны непоколебимо, они изменили тактику. Теперь их основная цель — расшатать наши устои изнутри, «заразить» «бациллой свободного мира» как можно больше советских людей. Здесь враги «красной опасности» не стесняются в выборе средств, не жалеют «казны».

Как говорит русская пословица, «в семье не без урода». Именно из числа этих «уродов» — людей политически и морально неустойчивых — пытаются сколачивать свою опору «ловцы человеческих душ» — спецслужбы империалистических государств и состоящие у них на жаловании подрывные идеологические центры. Они не брезгуют ничем, используют такие человеческие пороки, как тщеславие, эгоизм, жадность, пьянство, моральная нечистоплотность и т. д.

8

— Вы внимательно ознакомились с поступившими из Москвы материалами? — спросил Аркадьев Стародубцева и Шарикова при очередной встрече.

— Так точно, — ответил майор, а старший лейтенант согласно кивнул головой.

— Мне кажется, что «друзья» Борисова считают, что тот прошел «инкубационный» период, выдержал испытания и его можно включать в работу. Да и выхода у них нет, активных «кадров» раз, два — и обчелся. Сначала Олег был простым читателем ущербной литературы. Потом ему стали понемногу давать ее для распространения через «черный» рынок. Некоторые, вроде того же Борисова, штаны готовы продать, только бы обзавестись «самиздатом».

— К сожалению, есть такие, — подтвердил Шариков.

— Теперь перед Борисовым, судя по всему, поставлена более ответственная задача — найти способы размножения «литературы». Хочешь иметь деньги — учись их делать. И он, похоже, пошел на это.

Аркадьев задумался, а потом продолжал:

— То, что нашли у него в кабинете, это скорее всего из старых запасов — прохоровское. А вот как оказалась

враждебная литература в его багаже? — Полковник закурил, задумался.

— Мне не дает покоя газета, — сказал он, — в которую была завернута банка с вареньем в багаже Борисова. Обратили внимание?

— Да, «Советская Кубань» от 20 ноября, — ответил Стародубцев, а Шариков снова согласно кивнул.

— Вот-вот. Значит, Прохоров, как это пытается внушить нам Олег Петрович, никакого отношения к багажу не имеет, поскольку нам доподлинно известно, что он еще в сентябре выехал из Советского Союза. И вот какая важная деталь: газета не владимирская, не московская, а краснодарская.

— Это может быть случайность, — предположил старший лейтенант.

— Не исключаю, хотя мало вероятно, поскольку сама банка с вареньем очень похожа на подарок.

— По имеющимся у нас данным, у Борисова и в Краснодаре нет ни родственников, ни близких, — заметил майор.

— Значит, надо искать родственников и близких его знакомых. Этим займется старший лейтенант. Вячеслав Антонович, — полковник взглянул на Стародубцева, — получит другое задание.

9

Шариков начал с того, что стал выяснять, как Борисов проводит свободное время. Может быть, он, как человек, до конца преданный науке, вечера напролет просиживает за книгами дома или в библиотеке? Оказывается, нет. Мать жаловалась своим сослуживцам, что у нее с сыном сложились натянутые взаимоотношения. Он бывает дома только чтобы поесть да переночевать, на вопросы, куда и зачем идет, односложно отвечает: «Не твоё дело».

В последнее время Борисов чаще всего бывал у врача-анестезиолога Сони́на. На первый взгляд, ничего странного — встречались два холостяка. Но Сонин стал «холостяком» не так давно, спровадив жену и сына из Владимира подальше с глаз. В его квартире устраивались шумные застолья. Сам хозяин был не только большим любителем выпить, но и наркоманом. Как выяснилось, деньги для веселой жизни он добывал нечестными путями, в том числе и торговлей на «черном рынке» са-

миздатовской» литературой. Недавно Сонин за сбыт ворованных наркотиков был привлечен к уголовной ответственности.

Встреча Шарикова с Сониным высветила многие важные детали. Оказывается, родом он из Краснодара, там и теперь жила его двоюродная сестра. И что особенно насторожило старшего лейтенанта: она имела отношение к множительной технике. Да, он, Сонин, знаком с Борисовым, ему известно, что у того бывает непубликуемая в СССР литература. Возможно, Олег и ездил к его сестре отдыхать, Сонин давал ему рекомендательное письмо.

Посоветовавшись с полковником, Шариков выехал в Краснодар.

Далее все шло, как в детективном кино. Побывав в краевом Управлении КГБ, старший лейтенант отправился на квартиру Варвары Владимировны Галкиной. Его встретила уже немолодая, скромно одетая женщина. Вопросы гостя, особенно его осведомленность, обескуражили хозяйку квартиры. Она несколько сбивчиво, но довольно подробно рассказала, что к ней с рекомендательным письмом двоюродного брата приезжал молодой человек, которого зовут Олег Петрович. Он предложил ей за приличную плату сделать несколько копий с привезенной книги. Поскольку живет она скромно, одна, без мужа, воспитывает дочь, то, естественно, нуждается в деньгах и согласилась выполнить работу. К тому же брат просил об этом. Заказ частично выполнен и передан Олегу Петровичу, за остальным он обещал приехать. Шариков попросил Варвару Владимировну отдать ему оставшиеся экземпляры. Галкина, помявшись, сказала, что работу, собственно, выполняет не она, а ее подруга Шаткова.

Шаткова, к которой сразу же отправился Шариков, заявила, что ни книги, ни размноженных экземпляров у нее нет, она тоже не имеет прямого отношения к выполнению «заказа». «Заказ» этот у ее знакомой, но назвать ее фамилию она отказывается. Шаткова говорила резко, старалась поскорее выпроводить непрошеного гостя. Она «смягчилась» только после того, как старший лейтенант предупредил, что разговор их придется перенести в Управление КГБ.

И книжка антисоветского содержания, и сделанные с нее ксерокопии оказались на квартире некоей Шрамко. Об их изъятии был составлен акт.

Старший лейтенант сразу понял, к чему была вся

эта столь сложная конспирация. Женщины, конечно, не были связаны с «группой» Прохорова, но они должны были знать, что использовать множительную технику для выполнения частных заказов и «левого» заработка строго запрещено. Во всяком случае, такие разъяснения «конспираторам» предстояло услышать от сотрудников УКГБ СССР по Краснодарскому краю, а Шариков поспешил во Владимир.

10

— Понятно, — подвел итог Аркадьев, выслушав доклад старшего лейтенанта. — Борисов сам оставил багаж в камере хранения и сам, видимо, должен был забрать его. Но почему не взял вовремя?

— Удалось выяснить, товарищ полковник, — произнес Шариков. — Возвращаясь из Краснодара, Борисов заболел и некоторое время отлеживался в Москве у знакомых. Поэтому и не смог вовремя сходить на вокзал.

— Ну а мы, пока ты пребывал на Кубани, тоже не сидели без дела, — сказал Стародубцев. — Удалось кое-что прояснить. Борисову, судя по всему, его «друзья» отводили роль отнюдь не рядового «функционера», перед ним открывалась широкая перспектива «роста», возможность выдвинуться в число «ведущих».

Тем временем полковник достал из сейфа бумаги.

— Московские товарищи информируют нас о том, — листая документы, говорил он, — что Борисова планировали послать на судебный процесс одного ярого антисоветчика. И он должен был писать «отчеты» для западной прессы о якобы имеющихся фактах «расправы» в СССР над «инакомыслящими». Вот вторая информация: имелось в виду включить Борисова в «комиссию» по контролю за выполнением Советским Союзом положений Хельсинкских соглашений о правах человека.

— Что за нахалы! Что за беспардонная публика! — возмутился Шариков. — «Комиссия» по контролю за выполнением международного акта — никак не менее!

— Полагаю, — заключил разговор Аркадьев, — у нас есть все основания пригласить Олега Петровича для повторной, более основательной беседы.

11

Она состоялась вскоре. Аркадьев сразу понял, что и сегодня Борисов будет держаться прежней линии поведения, подсказанной ему «друзьями»: в качестве глав-

ной фигуры выставят Прохорова, а остальное объяснить случайным совпадением обстоятельств. Нужно попытаться раскрыть Борису глаза на ту «ситуацию», в которую он угодил.

Олег, уверенный в том, что работникам КГБ ничего не известно, кроме того, что он сам рассказал и написал, в беседе с Аркадьевым держался самоуверенно, на вопросы отвечал со снисходительной, иронической улыбкой.

Первый раз Борисов заколебался, когда старший лейтенант Шариков подробно рассказал, где, когда и кем была размножена литература, найденная в камере хранения на вокзале, как она туда попала, кто ее должен был забрать и для чего она предназначалась.

— Врач Сонин, к кому вы собирались доставить всю эту стряпню, — произнес Аркадьев, — предстанет перед судом за незаконную торговлю наркотиками, это вам известно не хуже нашего.

— Сонин объясняет, что «литература» нужна ему была для денег, а деньги — для поддержания избранного им образа жизни, — вступил в разговор майор Стародубцев. — А как вы смотрите на свое участие в этой «операции»?

Борисов смешался.

— Я только хотел помочь Сониному, — наконец выговорил он.

— В чем же? — жестко спросил полковник. — В добывании средств, чтобы устраивать пьяные оргии в кругу девиц легкого поведения? А как же светлые идеалы, о которых вы так пространно рассуждаете?

Борисов молчал, опустив голову.

— А вашим так называемым «родственникам» вы тоже хотели помочь? — не меняя тона, задал вопрос Аркадьев.

— Конечно, конечно, — восторженно воскликнул Олег и прижал руки к груди. — Помочь только прописаться, чтобы они могли устроиться на работу.

— На работу? — переспросил Аркадьев. — А вы знаете, что это за люди?

— Я догадываюсь, что они не те, за кого себя выдавали, — произнес Борисов.

— Ну, а почему же вы, догадываясь, все же прислуживали им? Каждый честный советский человек вел бы себя в этой ситуации по-другому. А вы свои личные амбиции и «обиды» поставили выше своего гражданского долга. Ваши действия на про-

тяжении длительного времени носили антиобщественный характер, и если вы будете продолжать в том же духе, то мы вынуждены будем применить в отношении вас более жесткие меры. Сегодня вам объявляется официальное предостережение, о чем, в соответствии с действующим законодательством, будет поставлен в известность прокурор.

Полковник смотрел на сидящего перед ним молодого человека и думал, какие же мысли роятся сейчас в его голове, какие чувства борются в его душе?

— Однако, — уже более мягко заговорил Аркадьев, — пока мы ограничимся только этими мерами. Мы не считаем вас вконец потерянным. Сегодня вам была выдана достаточно серьезная информация к размышлению. Подумайте хорошенько над нашим разговором. Надеемся, что вы найдете в себе силы и мужество, чтобы сделать правильные выводы. Очень не хотелось бы, чтобы вы и дальше продолжали ходить по краю опасного обрыва. До свидания, мы с вами еще встретимся.

Когда дверь за Борисовым закрылась, полковник сказал Стародубцеву и Шарикову:

— За этого парня нам предстоит еще побороться.

12

И вот этот парень только что покинул кабинет редактора. Редактор прочитал то, что оставил ему посетитель, — бесхитростные, восторженные, уснащенные множеством восклицательных знаков письма учащихся-пэтэушников. Их можно и даже нужно было опубликовать, ведь это юные горожане так вдохновенно писали о сене, о хлеборобском труде, о заботах села. Но Борисов... С какой стати он тут возник? Уж не грубый ли это розыгрыш? Такому терять нечего.

Редактор нажал клавишу на аппарате внутренней связи. Ответил отдел.

— К вам недавно заходил Борисов, — проговорил в микрофон редактор. — Выясните, где он работает.

— Он преподает в ПТУ, — ответили из отдела, — работает четвертый год, отзывы положительные.

13

Позвонив предварительно полковнику Аркадьеву, редактор поехал к нему в управление.

— Значит, хочешь знать финал этой истории? — усадив гостя, спросил Аркадьев. — Тут было всякое,

Хозяин кабинета закурил, помахал зажженной спичкой и бросил ее в пепельницу.

— После нашей с тобой встречи мы, естественно, посматривали за Борисовым, периодически встречались и беседовали с ним по различным вопросам. И вот однажды он пришел к нам сам, без вызова. Пришел — за чем бы ты думал? — за помощью. Его уволили из НИИ. Повод у руководства института для этого был: работал он через пень колоду, прогуливал. Дело у него было, что ни говори, неинтересное — не о таком он мечтал в университете. А тут эта история, в которой он основательно запутался. Чувствовалось, что он хочет порвать с тем окружением, в котором оказался, да в нем говорило ложное благородство. Помнишь, какую обструкцию он тебе устроил в связи с публикацией материала о Сонине?

— Но я никому не рассказывал об этом, — удивился редактор.

— Борисов мне сам рассказал. Итак, он остался без работы. В НИИ попросту поспешили от него избавиться. Такие случаи, к сожалению, у нас еще бывают. Вместо того чтобы присмотреться к человеку, разобраться в его ошибках, помочь преодолеть их, иные руководители спешат спровадить поскорее человека, как говорится, умыть руки. Подобные чистюли процессу воспитания наносят немалый вред. Человек, встретившись с черствостью, с равнодушием к своей судьбе, замыкается в собственной скорлупе, а то и озлобляется.

Аркадьев затянулся сигаретой.

— Так поначалу было и с Борисовым. «Ладно, и без вас обойдусь», — подумал он о своих бывших руководителях. Решил найти работу в другом месте. Толкнулся в одну дверь — не берут, постучал в другую — отказ. Позвонят в НИИ, а там такую характеристику дадут — лодырь, бездельник и т. п. В трудный час Олег сделал правильный для себя вывод: он не пошел к недавним своим «духовным наставникам», а пришел к нам. Помогите устроиться на работу, получить настоящее дело — была его просьба.

Телефонный звонок прервал беседу. Закончив разговор, полковник продолжал:

— Должен признаться, что и мы не сразу сумели оказать ему содействие, перестраховщики нашлись тоже. В конце концов устроили, как он сам просил, воспитателем в ПТУ. И, знаешь, неплохо работает, с увлечением, с инициативой. Нашел себя человек. Да ты сам с ним

поговори, он все как на духу расскажет. В общем-то, он парень хоть и сложный, но добряк и на добро добрым откликнется. Это тогда ему голову заморочили Прошка с «родственниками».

— А письма ты ребячьи напечатай, — попросил Аркадьев, провожая гостя. — Наверняка каждый день в киоск за газетой будут бегать. Так что у вас читателей прибудет, авторитет Борисова в глазах пэтэушников еще выше поднимется — для него это важно. Как видишь, кругом хорошо.

— Письма напечатаем непременно, — пообещал редактор. — А с Борисовым сегодня же договорюсь о встрече.

14

— Вы ставите меня в трудное положение, — отвечал Олег по телефону. — Мы же послезавтра уезжаем всей группой. Билеты на руках, а еще столько надо успеть.

— И сколько времени вы будете путешествовать? — поинтересовался редактор.

— Месяц, не меньше. Вернемся к началу учебного года.

Оба замолчали.

— А вам очень нужно? — несмело спросил Олег.

— Хотелось бы...

— Знаете что, — неожиданно предложил Олег, — я напишу. Посижу сегодня вечер и напишу, а завтра пришлю. Вас устроит?

— Вполне, — обрадовался редактор.

— Только, чур, напечатайте письма ребят и сохраните несколько газет.

— Договорились!

15

Торопливый, неровный почерк. «Пишет-то еще как школьник, — отметил про себя редактор, привыкший определять характер людей по почерку. — Не устоялся еще человек. Излагает как будто все честно, но самобичеванием не занимается. Конечно, даже в этом случае ему хочется показать себя в более выгодном свете. Так устроен человек. Ага, вот то, что мне надо».

«Не знаю, что было бы со мной в тот критический момент, — писал Олег, — если бы не встреча с чекистами. Не скажу, что к этому пониманию я пришел сразу. Мне не доставляло удовольствия отвечать на вежливые

вопросы работников госбезопасности о том, как в моем «дипломате» оказалась книга враждебного содержания. Эта беседа состоялась в Москве, после того как я приехал на вокзал за своим багажом.

Другие встречи с чекистами были уже во Владимире. На первую из них я шел не без внутреннего волнения. Мои прошлые наставники убеждали меня, что основные методы работы «кагэбистов» — наскок, нажим, «выкручивание рук», что это грубые, неотесанные люди с узким кругозором и ограниченным интеллектом. Следуя линии поведения, разработанной моими «наставниками», я ловил себя на мысли о том, что, наверно, в глазах работников госбезопасности выгляжу смешным. Со мной разговаривали очень серьезно об очень серьезных вещах, а я нес чепуху, околесицу. Врать, изворачиваться мне было противно, но мы ведь договорились.

Я был приятно удивлен, увидя перед собой выдержанных, уравновешенных людей, тактичных и внимательных.

Главное, что интересовало чекистов, было даже не что из себя представляли мои новые знакомые, а мое отношение к происходящему. То, о чем я мог только слегка догадываться, рельефно проступало в рассказах чекистов, подтверждалось ссылками на показания самих «диссидентов» друг о друге. На поверку выходило, что эти «борцы» и «мученики» — непорядочные, завистливые честолобцы. Постепенно до меня стало доходить, что этим циникам было наплевать на мою судьбу, никто из них даже не задумывался, как может отразиться на моей судьбе не только участие в их «деятельности», но просто контакты с ними.

И напротив, работникам КГБ — я это чувствовал — было безразлично, как у меня в семье, о чем я мечтаю, к чему стремлюсь. Вот почему я не к «борцам», а к ним пришел, когда мне стало особенно трудно.

Редактор недовольно поморщился, когда в кабинет вошел один из сотрудников. Выслушав и отпустив его, он вызвал звонком секретаршу.

— Можно как-нибудь сделать так, чтобы мне не мешали, хотя бы тогда, когда я очень занят.

— Но вы всегда заняты, — невозмутимо ответила секретарша.

Редактор безнадежно махнул рукой и посмотрел в конец рукописи — оставалось немного.

«Итогом наших доверительных бесед и моих долгих и мучительных размышлений явилось твердое реше-

ние начать все с чистой страницы. Работники КГБ обещали мне помочь в трудоустройстве. И слово свое чекисты сдержали. Мне в конце концов было предложено несколько мест. Я остановил свой выбор на ПТУ.

В коллективе я сразу же включился в общественную работу. Через полтора года в должности преподавателя общественных дисциплин меня утвердило бюро районного комитета КПСС. Никогда не забуду того момента, когда секретарь райкома во время заседания спросил меня, сделал ли я выводы. Пожалуй, только тогда я с полным облегчением ответил, что выводы сделаны, и сам почувствовал какое-то внутреннее очищение, ясно сознавая, что повторения ошибок уже быть не может.

Эта уверенность, передавшаяся от тех, кому доверена наша безопасность, помогала и помогает мне во всем. Всякий раз, когда в своей педагогической, политико-воспитательной работе приходится сталкиваться с ребятами неустойчивыми, способными оступиться, я невольно вспоминаю тех, кто когда-то поддерживал меня, не пожалев ни сил, ни времени, — сотрудников Владимирского Управления госбезопасности».

ВСЕГДА В СТРОЮ

Человек этот был крайне взволнован. Говорил сбивчиво, торопился и постоянно оговаривал то, что сообщал:

— Я не знаю... Я не уверен... Может, я ошибаюсь? Но эта ухмылка! Звериный оскал! Сколько живу, не видел больше таких! Не видел! И надо, надо проверить этого человека! А вдруг — он?! Нельзя, чтобы такие ходили по земле! По нашей земле! Рядом с нами! Среди нас!

— Не волнуйтесь, — сказал полковник Шевченко, — успокойтесь. Расскажите, чем вызвано ваше подозрение, с чем связано?

— С войной. Я же говорю — с войной. Давно было, может, я ошибся! — торопился высказаться этот нестарый, хорошо одетый, но небритый, встрепанный человек. — Лет двадцать прошло или больше... Да, да, больше! А мне снится да снится одно и то же: перепуганные люди, их глаза, их ужас — и команда, и залп, и они падают, падают, падают! Детишки! Бабы! Старики!... И груда тел шевелится, а эти двое, немецкий солдат и полицейай, ходят и пристреливают из пистолета раненых. И запомнил я этих двоих, и вот уж двадцать лет или больше во сне вижу! У солдата лицо равнодушное, тупое... В людей стреляет, как будто в дерево, а полицейай стреляет и скалится. Понимаете, скалится! Понимаете, он рад стрелять в людей, ему удовольствие! Двадцать лет не могу забыть. Зверь! Зверь!

— А как случилось, что вы были свидетелем расстрела? — спросил полковник и протянул взволнованному человеку стакан воды. — Выпейте, успокойтесь. Назовите себя.

— А как же не свидетель? Свидетель... Фамилия моя Барков. Василий Игнатьевич Барков. В войну мне было

тринадцать — пятнадцать... И когда немцы подошли к Калуге, заняли нашу деревню, я убежал в лес, к партизанам... Командир отряда назначил меня связным. Мол, кто тебя, такого хилого, заподозрит... Ну, пробрался я в деревню под утро, а тут — облава. Солдаты и полицаи. Согнали деревню к избе старосты: Всех до единого согнали и порешили! А я в репейник залез... Да рядышком, сунь руку — вытащишь...

— А здесь, в Вязниках, вы, значит, опознали того карателя-полицай?

— Нет! Нет! Заподозрил! А было так. Приехал я из Калуги по обмену опытом. Сиж у директора на совещании и вижу человека неприятного — глаза колючие, злые. Да только он редко их показывает, прячет. Вдруг вижу: ухмыляется. Да так оскалился! Зверь! Зверь!.. Думаю, обознался, наверно. А в гостинице среди ночи проснулся в поту — опять в какой раз, он же привиделся! Я так и не спал больше. Понял, не буду спокойно жить, пока не выясню, кого встретил здесь, в Вязниках.

— Вы не знаете, — спросил полковник, — кто этот человек, так похожий на того карателя?

— Кашкин! Мастер Кашкин! Иван Иванович. Так его называл директор.

— Вас он, конечно, никогда раньше не видел, а сами вы его ничем не встревожили?

— Нет-нет!.. Я осторожно, я очень осторожно...

— Может оказаться и так, — сказал полковник, — что, кроме внешнего сходства, у Кашкина ничего общего с известным вам преступником нет, и нельзя причинять неприятности честному человеку.

— Так вот я и говорю, — снова заволновался Барков. — Я не уверен, сомневаюсь!

— Не исключено и другое, — остановил его полковник. — Не исключено и то, что это бывший каратель, ускользнувший от наказания, теперь — агент иностранной разведки. Так что прошу вас, товарищ Барков, Кашкину не давать повод для беспокойства.

— Понимаю! Я понимаю! — заторопился Барков, голос его срывался. — Но вы проверьте! Вы все-таки проверьте! Мне надо знать, я должен знать...

Слушая Баркова, видя, как взволновала его встреча с Кашкиным, Шевченко отчетливо вспомнил, что испытывал сам, когда в сорок четвертом году молодым офицером особых отделов Калининского и Прибалтийского фронтов участвовал в освобождении от фашистов запад-

ных районов страны и встречался с жителями, побывавшими в оккупации. Сколько видел слез, сколько слышал проклятий предателям, убийцам и как молили его, заклинали раздетые и голодные, исстрадавшиеся, измученные люди, как упрасивали его найти и наказать насильников, грабителей, вешателей.

— Разрешите доложить, Владимир Иванович, — прервал размышления полковника майор Тарасов. — Я интересовался на заводе Кашкиным. Претензий по работе к нему нет. Необщителен, замкнут. Предлагали квартиру со всеми удобствами — отказался. Живет на частной.

— Любопытно, — сказал полковник. — Женат?

— Нет.

— А кто хозяин квартиры?

— Иванушкин. Одинокий старик, пенсионер, участник гражданской войны.

— В каких он отношениях с квартирантом?

— Встречаются за ужином... Иванушкин любит вспоминать молодость, лихие годы, о том, как громили белогвардейцев, интервентов. А Кашкин, если даже опрокинет стопку-другую, молчит.

— Ничем не насторожили Кашкина?

— Нет-нет, Владимир Иванович, — заверил майор. — Никак нет.

— Родственники у Кашкина, у Иванушкина есть?

— У Кашкина никого. Никому не пишет, писем не получает. И у Иванушкина — никого. Брат в гражданскую войну воевал вместе с ним — зарубили шашками белогвардейцы, а племянник Иванушкина пропал без вести в конце сорок первого.

— Предложения у вас есть? — спросил полковник.

— Предлагаю, прежде всего, запросить сведения в соответствующих архивах о фашистских карательных органах, действовавших во время войны в Калужской области. Одновременно будем устанавливать личность Кашкина. В оперативную группу предлагаю включить вместе со мной капитана Трофимова и следователя Евсеева. Они здесь. Ждут.

— Пригласите, — сказал полковник.

В то время, когда возникло дело Кашкина, Шевченко и без того был озабочен сверх меры. Именно в то время милитаристские круги всю раскручивали маховик «холодной войны». Окружали Советский Союз военно-поли-

тическими блоками и военными базами. Создавая все более мощные виды оружия массового поражения, пытались диктовать свою волю Советскому Союзу «с позиции силы». Активизировалась подрывная деятельность их разведывательных служб, идеологические диверсии перерастали в «психологическую войну». А с начавшимся в середине 60-х годов развитием в нашей стране иностранного туризма участились случаи засылки в Советский Союз агентов вражеской разведки под видом туристов, которые упорно старались выискивать себе помощников, вербовать в шпионы неустойчивых, падких на наживу.

Обо всем этом размышлял полковник, возвращаясь во Владимир из Вязников. Еще и еще раз обдумывал меры, какие следует предпринять для укрепления связи органов госбезопасности с трудовыми коллективами, и радовался мысли о том, что сила органов КГБ в доверии к ним широких слоев населения.

Не шли из головы слова Баркова, сказанные о Кашкине: «Нельзя, чтобы такие ходили по земле! По нашей земле...» Опыт подсказывал, что зря обращаться в органы госбезопасности человек не будет. Обратился — значит, есть у него для этого веские основания.

Вспомнил, как совсем недавно по такому же сигналу задержали двух иностранцев. Приехали в качестве туристов, да еще с дипломатическими паспортами, но шофер автобуса, возившего туристскую группу, обратил внимание на то, что этих двоих мало интересуют достопримечательности нашей древности. На памятники архитектуры они взглядывают лишь мельком, постоянно стремясь отделиться от группы, а по пути то и дело щелкают фотоаппаратами, особенно там, где увидят воинский эшелон, колонну грузовиков, крытых брезентом, или промышленные объекты.

На другой день эти двое проникли на территорию военного городка, там и задержали их с поличным — многое успели зафотографировать...

Майору Тарасову между тем стало известно, что на территории Калужской области в деревнях Барсучья, Бобровка, Мартынки и поселке Дудеровский, а также в деревнях Вязовая, Мырино, Узкое, Плеханово и Петково Орловской области действовал карательный отряд, главарем которого был изменник Родины Николай Мирошниченко, по кличке Гетман.

Отряд Гетмана входил в состав так называемого Вос-

точного батальона 134-й немецкой пехотной дивизии, а каратели, под видом борьбы с партизанами, расстреливали сотни беззащитных людей — женщин, детей, стариков. Однако в следственных делах на осужденных за предательство Мирошниченко и его сподручного Бадовского Кашкин не фигурировал. Зато в свидетельских показаниях часто упоминался особо жестокий каратель Грловков, сумевший избежать ответственности. Решено было проверить: а не скрывается ли под фамилией Кашкина Головков?

Есть на окраине Вязников небольшой деревянный домик, утопающий летом в зелени сада, а зимой чуть заметный в глубоких сугробах. Здесь проживал одинокий старик Иванушкин. Скучно было старику коротать дни в одиночестве и пустил он к себе на квартиру такого же бобыля — мастера Кашкина. Квартирант пришелся ему по нраву. Тихий, спокойный, по гостям не шатается. Рассудительный, положительный человек. Молчаливый? Да ладно, у Иванушкина зато появилась возможность порассказать о себе, выговориться.

Однажды Иванушкин сообщил Кашкину:

— Помнишь, дружище, я тебе как-то рассказывал о своем племяше Саньке?

— Помню, помню... — как обычно, немногословно поддакнул Кашкин.

— Это сынок брательника, погибшего в гражданскую. Любил я его! Заместо сына воспитывал. Ушел в сорок первом на фронт да как в воду канул. Вдруг нынче письмо от него получил. Пишет, в плену был... Судили потом его наши за что-то. Сейчас из лагеря едет. С одной стороны, словно и радость, а с другой... Расстройство одно... Ведь виноват, наверное, раз судили. Как мне быть, и ума не приложу.

Кашкин сочувственно похлопал Иванушкина по плечу:

— Не тужи, Кузьмич. Времена теперь иные. Да, может, и осудили напрасно, а потом разобрались, реабилитировали... Принимай племянника по-родственному, как положено.

Вскоре появился Саня. Парень дюжий, плотный в плечах. А по характеру под стать квартиранту — такой же угрюмый и необщительный. Говорил мало и неохотно, будто каждое слово у него на вес золота. А когда дядюшка досаждал вопросами, басил в ответ:

— Отвяжись, и без того тошно. Неужели не понимаешь? Не могу я о прошлом вспоминать. Противно все.

Вел себя новый жилец скромно, много сидел дома, отсыпался, ходил в город на базар. А как-то раз, после того как Кашкин ушел на работу, а старик Иванушкин отправился в магазин, Саня преобразился. Ведь роль замкнутого, обиженного судьбой человека играл веселый в жизни капитан Трифонов.

Он запер за Иванушкиным дверь и принялся за дело. Снял отпечатки пальцев со стакана, из которого утром Кашкин пил чай.

Вечером Саня, уж вовсе угрюмый, вовсе мрачный, жаловался Иванушкину в присутствии Кашкина, что время на Вязники угробил зря — подходящей работы тут нет, что придется ему, видно, подаваться на Украину, к дружку по лагерной жизни. Кореш поможет...

А на другой день, прощаясь на улице со своим «дядей», капитан Трифонов крепко пожал Иванушкину руку и поблагодарил за помощь, оказанную органам госбезопасности.

В течение двух недель оперативные работники КГБ исколесили вдоль и поперек Калужскую и Орловскую области. Встречались с сотнями людей, свыше сорока свидетелей допросили, предъявляя им в числе прочих фотографию Кашкина. Тридцать два человека опознали в нем карателя Головкова.

— Он! Он! — кричала свидетельница Торова. — Он местный, я его знала! Это он зверствовал, добывая раненых, когда Гетман расстреливал партизанские семьи!

Другая свидетельница, Патрушина, плача, рассказывала:

— Как сейчас вижу, это он в селе Мымрино подошел к мальчишке, сыну партизана Туркова, приставил автомат к голове и выстрелил!.. Не забуду! Никогда не забуду!..

Следствием было установлено, что предателя Головкова оккупанты наградили медалью и присвоили чин унтер-офицера. А когда в сорок четвертом году под Бобруйском наши войска окружили и пленили 134-ю немецкую дивизию, Головков скрылся. Присвоил себе фамилию двоюродного брата и пробрался в ряды Советской Армии. В боях не участвовал. В архивах Военного трибунала было обнаружено уголовное дело на Кашкина Ивана Ивановича, судимого за незначительное должностное

преступление. Очевидно, боясь разоблачения, Головков пошел на преступление сознательно, с расчетом укрыться от расплаты за совершенные злодеяния за колючей проволокой исправительных лагерей.

Во избежание ошибки и нанесения тяжелой моральной травмы невинному человеку, чекисты провели незаметно для Кашкина его очное опознание, и Головков — Кашкин был предан суду Военного трибунала.

В то самое время, когда оперативная группа майора Тарасова распутывала преступление двадцатилетней давности, Шевченко руководил другими операциями, раскрывавшими преступные действия, совершаемые в наши дни.

Больше всего В. И. Шевченко беспокоило то, что вражеские разведорганы выискивают и находят еще себе помощников и соучастников среди советских людей. Важно было понять причину, побуждающую отдельных граждан к действиям, наносящим вред их стране, их народу, их же близким, родным.

А ключом к пониманию настоящего могли стать ошибки прошлого. И полковник снова и снова возвращался к размышлениям о Голояд, сознательно игравшей некогда активную роль в антисоветской деятельности.

Следовало понять ее, а заодно помочь ей осознать свои ошибки и вернуться к честному труду на пользу народа.

Отдаваясь делам, думая о других, с кем был связан, о тех, кем руководил, Шевченко старался пересилить болезнь, которая мучила его последние годы, — сказывались тяжелейшие условия, в какие множество раз попал в войны. Да и после войны...

Не выдержал тех перегрузок могучий от природы организм, что-то в нем надломилось, а так не вовремя! Полковник думал, что должен завершить те операции, какие разработаны при его участии, за какие он отвечает сам...

Занимали мысли о Голояд. Он должен, должен быть уверен в том, что многочисленные встречи, беседы, бескомпромиссные споры достигли цели, что Голояд осознала свою вину и навсегда покончила со своим прошлым.

Шевченко хитрил с врачами, отговаривался:

— Что вас так настораживает? У меня ничего не болит...

— Как это не болит, — возражали ему, — этого быть не может.

— Ну, разве чуть-чуть, — говорил Шевченко. — Это не боль — терпимо.

— Вас необходимо срочно оперировать! — настаивали врачи.

Он смеялся:

— Вы уверены? Я что-то не чувствую такой необходимости.

Врачи, однако, были непреклонны: его болезнь и так затянулась, медлить больше нельзя — опасно!

И его оперировали. И не раз, и не два... И силы его были на пределе. Он долго не мог оправиться, работать ему запретили. Но не таков был полковник, чтобы сдаваться. Только-только встал на ноги, начал двигаться — снова загрузил себя делами.

Теперь Владимир Иванович давно в отставке. В отставке, но по-прежнему у дел. В вечных разъездах. У него богатейший трудовой и жизненный опыт — и его приглашают, ждут в десятках городов, областей, республик, и он никому не отказывает, спешит, едет, идет, выступает. Его слушают на заводах и фабриках, в учреждениях и на полевых станах, его аудитория — студенты, учащиеся ПТУ, воины Советской Армии и, конечно, чекисты.

Владимир Иванович пишет. Печатается в газетах, журналах, ведет переписку, нередко с теми, кому когда-то помогал, и читателям интересно будет ознакомиться с двумя письмами, опубликованными в ивано-франковской областной газете «Прикарпатская правда» 28 июля 1970 года.

Вот первое письмо:

«Уважаемая редакция! Насколько мне известно, в Ивано-Франковской области, в селе Бурштыне, проживает моя давнишняя знакомая — Г. О. Голояд. Минуло шесть лет с того дня, как я получил от нее взволновавшее меня письмо, и я уверен, за истекшие годы моя знакомая еще больше утвердилась в новых взглядах. Ведь речь идет о бывшей участнице оуновского подполья во время войны и послевоенные годы, когда на территории Западной Украины бесчинствовали бандеровцы. Тогда Голояд была во вражеском лагере, выполняя задания

так называемого «центрального провода» (так именовали свою главную ставку украинские буржуазные националисты). Представ перед советским судом, она понесла заслуженную кару.

Когда Голояд отбывала заключение, я по долгу службы часто встречался с ней. Беседуя, пытался помочь ей понять абсурдность украинского буржуазного национализма, помочь по-иному посмотреть на те «идеи», которые были привиты ей оуновскими главарями и принесли много горя нашему народу, да и ее личную жизнь покалечили.

Голояд стала много читать, думать. Думать над тем, что раньше не вызывало у нее сомнений, подвергать суду то, что ей вдалбливали оуновцы.

Когда Голояд была освобождена, я подарил ей на прощанье книжку В. Беляева и И. Подолянина «Эхо Черного леса», которая тогда только вышла из печати, и попросил написать мне свое мнение об этой документальной повести, ярко раскрывающей борьбу советских людей против украинских националистов.

В письме своем Голояд сообщила мне, что описанные в книге сцены потрясли ее. «Я должна признаться, — писала она, — что эти сцены в повести изложены авторами правдиво... Такие факты были, и было их много. И хотя я лично никогда ни в каких бандитских операциях не участвовала, но, как активная представительница оуновского подполья, несу за них ответственность и сознаю свою тяжкую вину. Недавно ехала я автобусом в Ивано-Франковск. Мы проезжали лес, я думала о прошлом. Думала о том, что если бы в этом лесу тогда встретила Вас, то встретила бы как врага, а теперь... я пошла бы с Вами. Потому что идеи, в которые верите Вы, человечны. Они и мои теперь».

Я берегу письмо Голояд и думаю с уверенностью, что она, наблюдая окружающую жизнь, нашу советскую действительность, еще с большей убежденностью может рассказать о происшедших с ней переменах не только мне, но и читателям вашей газеты.

В. И. Шевченко».

А вот письмо, подписанное Г. О. Голояд:

«Да, хочется рассказать о своей жизни честно, хотя, откровенно говоря, сделать это нелегко — еще и сейчас кровоточат раны в сердцах многих жителей западных

областей Украины, испытавших в послевоенные годы на себе жестокости бандеровцев, с которыми я была заодно.

Родилась и воспитывалась я в панской Польше в семье служащих, многие из которых состояли в то время в ОУН, организации украинских националистов. Я вместе с мужем, входившим в «центральный провод» ОУН, отправилась в западные области Украины, оккупированные немцами, и стала выполнять задания местных органов ОУН.

Вступая в ОУН, я думала, что буду бороться за «волю народа», за «свободное Украинское государство». Однако, еще будучи в Польше, насмотрелась на то, как члены ОУН входили в сговор с гестаповцами, стремясь подавить польское антифашистское подполье. Я знала также, что в годы войны и оккупации Украины ОУН согласилась вести подготовку украинской молодежи для военных действий против Советского Союза.

Своими взглядами в то время я была еще крепко связана с националистами, продолжала выполнять поручения ОУН. После освобождения западноукраинских земель Советской Армией от немецко-фашистских захватчиков я вместе с оуновцами укрылась от Советской власти. Скрывалась в лесах, националисты нападали на советских активистов, расправлялись с ними. Я не принимала участия в таких расправах, но теперь знаю о ничем не оправданных насилии и жестокости, творимых оуновцами, и понимаю, что несу ответственность за участие в организации, в которой была «референтом пропаганды».

Я и теперь много встречаю людей, которые стали сиротами в те годы. Во имя чего, — спрашиваю себя, — было пролито столько крови ни в чем не повинных людей? Неужели ради «счастья народа», как говорили участники ОУН? Нет, не народу нужно было это!

В 1950 году я была арестована. Отбывая заслуженное наказание, имела достаточно времени, чтобы хорошо продумать всю свою жизнь. Помогли мне книги, которые стала читать, а еще больше помогло знакомство с советской действительностью — я убедилась, что украинский народ решительно отверг идеологию национальной вражды и в братском единстве с иными народами строит новую жизнь.

Должна сказать, что моей переоценке прошлого способствовали беседы с представителями администрации

тех мест, в которых я отбывала наказание, в том числе беседы с Владимиром Ивановичем Шевченко.

Главное, я убедилась в том, что украинский национализм был создан в интересах эксплуататорских классов, служил национальному разобщению трудового народа, отвлекающему трудящихся от классовой борьбы. Я убедилась в том, что рассуждения идеологов национализма о «самостийной бесклассовой Украине» — чистейшая демагогия, далекая от подлинных интересов народа.

Я убедилась в том, что все это стало очевидным для жителей Западной Украины, когда они воссоединились с Советской Украиной, вошли в состав единого Советского государства, где давно и повсюду ликвидирован социальный гнет и национальная вражда. Они на личном примере убедились в благородной дружбе, взаимопонимании народов, увидели, каков советский государственный строй, — совсем не тот «страшнейший» строй, как твердили националисты, а строй самый передовой, глубоко человеческий, с развитой экономикой, национальной культурой, ростом жизненного благополучия населения.

Выйдя из заключения, я побывала в Москве, в Киеве, увидела необозримые просторы страны и вернулась домой. Сейчас работаю на Бурштынской ГРЭС, живу хорошо, однако не могу забыть минувшего. Слишком разительно не схожа жизнь Советской Украины с тем, во что я сама, «референт пропаганды» ОУН, некогда верила.

Советские люди привыкли, не замечают тех благ, какие предоставляет им государство, какие они принимают как должное, о каких не задумываются. А ведь только истинно народный строй гарантирует обеспечение каждого человека работой, жильем, бесплатным образованием, медицинским обслуживанием, пенсией по инвалидности и старости.

Я бы очень хотела, чтобы это мое письмо прочитали украинские националисты, проживающие в эмиграции надеющиеся, что империализм, которому прислуживают, повернет колесо истории назад и сделает Украину капиталистической. Слепой самообман! Не пора ли задуматься им о том, что «идеи» их опровергнуты самой жизнью?

Вот мысли, которыми я хотела поделиться, отвечая на письмо Владимира Ивановича Шевченко.

Г. О. Голояд».

А годы идут. В декабре 1987 года страна отмечает семидесятилетие со дня образования органов государственной безопасности, и Владимиру Ивановичу Шевченко уже за семьдесят, но он по-прежнему верен завету легендарного Дзержинского о том, что чекист должен быть в мобилизационной готовности двадцать четыре часа в сутки. Полковник в отставке, старый чекист Владимир Иванович Шевченко по-прежнему в строю.

СОДЕРЖАНИЕ

НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	3
ОНИ ИЗ ВЛАДИМИРСКОЙ ЧК	9
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ МАНДАТ	46
КРУШЕНИЕ «ЧЕРНОГО БАРОНА»	62
ПО ЛИСЬЕМУ СЛЕДУ	84
ЧЕКИСТСКИЕ БУДНИ	111
ВТОРОЙ ВИЗИТ	121
ПОЛУЧИТЕ ЗАДАНИЕ, ЛЕЙТЕНАНТ!	136
ПО КРАЮ ОБРЫВА	157
ВСЕГДА В СТРОЮ	178

К 84 Крушение «Черного барона»: Сб. очерков и рассказов о деятельности владимирских чекистов. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. — 190 с.

Владимирская область давно является предметом повышенного интереса разведывательных устремлений западных спецслужб. В документальных повестях, рассказах и очерках, написанных владимирскими чекистами, идет речь о напряженной повседневной борьбе с происками наших классовых противников.

КРУШЕНИЕ «ЧЕРНОГО БАРОНА»

Редактор Г. В. Латышев
Художественный редактор Ю. А. Пигунин
Художник С. Л. Майоров
Технический редактор В. М. Панфилова
Корректоры Т. Н. Спирина, Т. В. Виноградова

ИБ № 1143

Сдано в набор 14.09.87. Подписано в печать 29.10.87. АК-03202. Формат 84×108^{1/32}. Бумага кн. журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. кр.-отт. 10,78. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 50 000 экз. Заказ № 943. Цена 40 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150000, г. Ярославль, ул. Трехфолева, 12

Владимирская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

40 коп.

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987